

Часть 2. Переговоры 1931-1932 гг.

1. Польская инициатива и позиция Наркоминдела (август 1931 г.)

На исходе лета 1931 г., в день, который восемью годами позже окажется зловещим для Польши и всей Европы – 23 августа, посланник Станислав Патек нанес визит в особняк на Кузнецком мосту, где размещался Народный комиссариат иностранных дел. Его принял заместитель наркома Л. Карахан, которому в связи с болезнью члена Коллегии НКВД Б. Стомонякова было поручено курировать отношения СССР с западными соседями. Поводом для визита Патека послужило его "обыкновенное перебирать все неразрешенные вопросы" перед отбытием в отпуск (Патек покидал Москву в тот же день). "В этом порядке" он "счел необходимым затронуть вопрос" и о пакте ненападения между СССР и Польшей, с обсуждения которого пятью годами ранее началась работа Патека в Москве. "Он придает очень большое значение пакту о неагрессии; он хочет, – говорилось в записи Карахана, – чтобы о нем не забывали, и поэтому, уезжая в Польшу, он счел своим долгом напомнить об этом вопросе и вручить мне в письменном виде итоги переговоров". С конца 1930 г. в НКВД как огня боялись, что поляки вызовут его представителей на обсуждение проблем договора о ненападении и оповестят мир о начале советско-польских переговоров. Неудивительно, что предупредительность и любезность посланника вызвала у Карахана ("светского льва" Наркоминдела) дурноту¹. Главной заботой для заместителя наркома было констатировать, что "в 1927 г. переговоры о пакте остановились ввиду крупнейших разногласий между СССР и Польшей", что после 1927 г. переговоров между СССР и Польшей на эту тему не велось, что происходящая беседа не является возобновлением переговоров о пакте. Посланник не возражал и в то же время, настойчиво смещая акценты (разрыва переговоров о пакте не было, проблема время от времени обсуждалась), попытался начать обсуждение разногласий по отдельным пунктам договора. Опасаясь быть втянутым в разговор по существу и успев продекларировать, что никаких переговоров не было и нет, Карахан "просил его [Патека] не затруднять себя, так как все это не имеет значения". Уходя, Патек выразил надежду, что состоявшаяся беседа "будет известным толчком, который двинет вперед дело пакта". "Я ему сейчас же заметил, – с гордостью докладывал Карахан, – что я не думаю, что это может быть толчком и может двинуть дело, поскольку то, что он мне передал, не включает ничего нового, а является лишь констатацией того, на чем мы договориться не могли"².

Реакция заместителя наркома на желание польской стороны возобновить обсуждение договора о ненападении не оставляет сомнений: НКВД ожидал подобной инициативы и готовился ее отразить с необычной для таких случаев жесткостью. В 1925-1926 гг. именно Москва выступала с предложением о заключении пакта ненападения с Польшей. Весной 1930 г. советская сторона едва удержалась от открытого проявления инициативы на этот счет. Беседы советского полпреда в МИД Польши в конце 1930 г. фактически поставили возобновление переговоров о ненападении в повестку дня. Вето, наложенное Наркоминделом на такой шаг, вернуло политические отношения между двумя странами в тупик. На протяжении весны-лета 1931 г. дипломаты обеих стран занимались преимущественно урегулированием всевозможных инцидентов – антипольскими заявлениями государственных мужей Советской Украины и Белоруссии, судебным делом о покушении на взрыв полпредства в Варшаве, задержанием военного атташе СССР во время агентурной встречи с польским офицером, взаимными нападениями в прессе, советской задолженностью польским железным дорогам, нежеланием Польши формализовать обмен сведениями о вооруженных силах и т.д. Такое положение дел в целом удовлетворяло Москву, не верившую в готовность Польши пойти на коренное улучшение отношений с Советами и стремившуюся избежать

¹ "Патек был тошнотворно любезен и льстив" (Запись беседы Л.М. Карахана с С. Патеком, 23.8.1931 // ДВП СССР. Т.14. С.486).

² Там же. С.484-486.

впечатления о дружественности существующих отношений³. Советская сторона желала не более и не менее как сохранения поверхностной *détente*, наступившей в двусторонних отношениях к началу лета, и, казалось, позволявшей ей забыть о существовании Польши как международного фактора.

Это умонастроение соответствовало сдвигам во внешнеполитическом положении СССР. Под влиянием заключенного в марте 1931 г. австро-германского таможенного союза французская дипломатия предложила СССР приступить к нормализации взаимных отношений. С конца апреля, после посещения генеральным секретарем МИД Франции полпреда Довгалецкого, перед Советами все отчетливее вырисовывалась перспектива заключения договора о ненападении и торгового соглашения с Францией. Начавшееся урегулирование отношений с самой влиятельной державой континента разжигало честолюбие Москвы, ее надежды вернуться в ряды великих держав и даже занять ключевое положение в европейской политике. На фоне дружественных связей с ревизионистскими государствами (Германией, Италией, Турцией) сближение СССР с Францией не только ослабляло его зависимость от поведения Берлина, но и позволяло принимать ухаживания с обеих сторон. Советская печать с удовольствием поддержала раннюю версию "пакта четырех" 1933 г. – неофициальный германский проект о "пакте пяти держав" (Франции, Великобритании, Германии, Италии и СССР), имеющий целью обеспечение их "равноправия" и "мирного сотрудничества"⁴. Эти благие пожелания подкреплялись адресованными Западу заверениями в миролюбии СССР. С санкции Кремля женева риторика Литвинова о "мирном сосуществовании государств, независимо от различий социально-политических и экономических систем", с начала лета обрела в СССР права гражданства. Руководители НКВД по секрету подтверждали, что эта "новая тенденция" (или "политика Литвинова") ориентирована на новые международные задачи СССР, выступающего отныне как благоразумная великая держава со своими собственными национальными интересами⁵.

Укрепление международных позиций СССР вместе с его явным пренебрежением к проблемам взаимоотношений со своим главным соседом на западе тревожило Варшаву. Обновленное руководство МИД, которому Пилсудский в ноябре 1930 г. поручил активизировать работу на восточном направлении, имело основания опасаться, что в результате франко-германо-советских маневров Польша утратит возможность использовать противоречия великих держав, позволявшую ей проводить самостоятельную линию. После возвращения Пилсудского с Мадейры Варшава неоднократно подавала Москве сигналы о своем желании обеспечить устойчивое мирное сосуществование с Советами. При поощрении МИД Польши в середине мая в дипломатических кругах Варшавы стали распространяться, сообщал полпред Владимир Антонов-Овсеенко, «усиленные слухи о «возобновлении» нами полякам предложений пакта неагрессии»⁶. Вслед за поездкой в СССР хозяйственной делегации во главе с А. Вежбицким, "Polska Zbrojna" опубликовала серию статей о советской пятилетке (которую заведующий 1-м Западным отделом НКВД Н. Райвид оценил как «лучшее описание СССР, которое когда-либо появлялось в польской и даже европейской печати»⁷). Тем самым Советам давалось понять, что польский "военный министр"⁸ готов к

³ См.: Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову, 8.4.1931. – АВП РФ. Ф.0122. Оп.15. П.155. Д.7. Л.101, 99; Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову, 29.4.1931. – Там же. Л.116.

⁴ Анализ советской печати и оценки французского поверенного в делах в Москве Пайяра см.: Notatka A. Ponińskiego "Uwagi o projekcie paktu pięciu", 25.8.1931. – ААН. Ambasada RP w Moskwie. Т.26. S.299-301.

⁵ E. Ovey to A. Henderson, desp., Moscow, 30.6.1931 // DBFP 1919-1939. 2nd ser. Vol.VIII. L., 1958. P.213; E. Ovey to J. Simon, tel., Moscow, 9.6.1931. –PRO. FO/371/15612/N4210; E. Ovey to A. Henderson, tel., Moscow, 27.7.1931 ("very confidential"). – Ibid. FO/371/15612/N5256.

⁶ Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову, 19.5.1931. – АВП РФ. Ф.0122. Оп.15. П.155. Д.7. Л.131.

⁷ Raport J. Kowalewskiego do Szefu Oddziału II Sztabu Głównego, Moskwa, 11.6.1931. – ААН. Attache wojskowi w Moskwie. Т.93. S.243-244.

налаживанию прочных отношений с крепнущим соседним государством. «Теперь, когда улеглось на время дело заключения австро-германского таможенного союза», «можно будет заняться иными вопросами», напутствовал в конце мая госсекретарь Ю. Бек уезжавшего в отпуск полпреда. Понимая, что «хитрый Бек» подталкивает его к возобновлению бесед о пакте ненападения между Польшей и СССР, Антонов-Овсеенко уклонился от обсуждения этой темы⁹.

В начале июня, сразу после того как сведения о франко-советских переговорах появились в европейской печати, в международных кругах начали циркулировать предположения, что на этих переговорах обсуждаются также взаимоотношения СССР с восточноевропейскими союзниками Франции. Возможность вступления СССР и Польши в переговоры о ненападении вызвала тревогу в Берлине. 5 июня полпред Лев Хинчук по поручению наркома заявил от его имени статс-секретарю МИД фон Бюлову, что в отношениях СССР и Франции не произошло ничего, о чем бы Литвинов не сообщил германскому послу, и что в ходе свидания в Женеве "Литвинов с Брианом совершенно ничего не говорил о Польше и Румынии"¹⁰. Все ответственные политики и дипломаты отдавали себе отчет в том, что для Германии, встававшей на путь ревизии послевоенного устройства, наиболее неприемлемым являлось возможное признание Советами неприкосновенности территории Польши в рамках пакта о ненападении. В середине июня на ужине в советском посольстве в Берлине об этом напомнил хозяевам главнокомандующий рейхсвера Гаммерштейн фон Экворд. "Говоря о франко-советских переговорах он признавал, что не только необходимо вести эти переговоры, но что успешное разрешение их несколько не вредит Германии, ибо он не представляет себе возможным какое бы то ни было соглашение, которое могло бы повредить интересам Германии. К таким он относит, конечно, также соглашение о признании нами [СССР] польской границы"¹¹.

Именно по этому, едва ли не самому чувствительному, пункту в советско-германских отношениях нанесла удар "Gazeta Polska", 8 июля поместившая статью "Германия и Советы". Она "страшно встревожила немцев", докладывал временный поверенный в делах СССР в Польше Ф. Бровкович. Секретарь германской миссии в Варшаве Демулен и корреспондент "Germania" Тогенбург посетили советское представительство (из-за отсутствия полпреда немецкий посланник фон Мольтке отказался от намерения самому нанести такой визит), чтобы заявить, что немецкие дипломаты и корреспонденты расценивают эту статью как отражение тех переговоров, которые ведутся между Москвой, Парижем и Варшавой о т[ак] н[азываемом] "Восточном Локарно". "Появление этой статьи с очевидностью показывает стремление поляков использовать ведущиеся франко-советские переговоры для внедрения в сознание немцев, что они [немцы] совершенно изолированы и тем самым заставить их пойти на капитуляцию перед политическими требованиями, ныне к ним предъявляемым", полагал Бровкович, и в НКВД с ним соглашались¹².

Двумя неделями позже во французской печати появилась информация о якобы начавшихся параллельных переговорах СССР и Польши о заключении пакта о ненападении,

---

⁸ Это был единственный официальный пост, который после майского переворота 1926 г. закрепил за собой Ю. Пилсудский.

⁹ Дневник полпреда В.А. Антонова-Овсеенко, 30.5.1931. – АВП РФ. Ф.0122. Оп.15. П.155. Д.7. Л.148 (запись от 29 мая).

¹⁰ Запись беседы Л.М. Хинчука с Б. фон Бюловым, Берлин, 5.6.1931. – АВП РФ. Ф.082. Оп.13. П.53. Д.10. Л.87.

¹¹ Дневник полпреда Л.М. Хинчука, Берлин, 19.6.1931. – Там же. Л.134 ("ужин с Рейхсвером" состоялся 17 июня; исполнявший обязанности заведующего 2-м Западным отделом НКВД Б. Штейн сделал на документе отметку: "Никому не показывать").

¹² Письмо Ф.А. Бровковича Н.Н. Крестинскому, 14.7.1931. – АВП РФ. Ф.010. Оп.4. П.21. Д.63. Л.283, 286 (с советской стороны в этих беседах с участвовали секретарь полпредства Юшкевич и корреспондент ТАСС в Варшаве Братин). Помета Стомонякова от 20 июля: "Правильно! NB" (Там же. Ф.09. Оп.6. П.52. Д.36. Л.189).

которая была немедленно опровергнута советским официозом¹³. Возможно, что публикация статьи Ф. Марсаля и другие выступления французской печати о советско-польских переговорах были инспирированы польской миссией в Париже, однако они могли отражать и действительные пожелания МИД Франции. В конце весны, когда переговоры полпреда В. Довгалецкого с генеральным секретарем МИД Ф. Бертелло о заключении пакта ненападения еще находились в предварительной стадии, Довгалецкий получил сведения о высказываниях министра А. Бриана политикам, поддерживавшим тесный контакт с советским полпредством. 28 мая, разговаривая в кулуарах Палаты депутатов с видным коммунистом (позднее фашистом), депутатом Национального собрания Ж. Дорио, Бриан заявил ему: "Мы предложим вам соглашение между Францией и Польшей с одной стороны и с Россией – с другой стороны". Нечто подобное еще ранее (перед Пасхой) министр иностранных дел сказал и Анатолю де Монзи, председателю франко-советской парламентской группы. "Во всяком случае, возможно (и [э]то весьма вероятно), – заключал Довгалецкий, – что между Францией и Польшей идет сейчас согласование и в этом именно надо видеть одну из причин оттягивания переговоров"¹⁴.

Это предположение долго оставалось неподтвержденной догадкой. При встрече с Литвиновым в конце мая стареющий французский министр "остался верен себе" – "не ставил конкретных вопросов, не давал конкретных ответов и держался, как он обычно это делает, общих положений и выпретенных деклараций". По всей вероятности, на Кэ д'Орсэ предпочли до поры до времени не связывать политические и коммерческие переговоры с Советами с восточноевропейскими проблемами. Однако в середине июня, обсуждая с американскими представителями проблему "русского демпинга", Бриан пустился в откровения относительно "восточного Локарно" – общего соглашения о ненападении между СССР, Польшей, Румынией и Францией, подкрепленного процедурами разбирательства и урегулирования споров. "Он сказал, что совсем недавно русские согласились благожелательно рассмотреть переговоры о таком соглашении, и в ответ на прямой вопрос Марринера сказал, что переговоры с этой целью в настоящее время ведутся в Париже между ним и советским послом и представителями Польши и Румынии"¹⁵. Трудно понять, чего хотел добиться Бриан этими заявлениями, ложность которых в свете советских архивных материалов не вызывает сомнений¹⁶.

В любом случае, по мере развития франко-советских переговоров существующее положение должно было представляться внимательным наблюдателям (в особенности, из правого лагеря) все более нелогичным. В европейских дипломатических кругах росли ожидания того, что советско-французское сближение приведет к урегулированию взаимоотношений СССР и Польши. На следующий день после официального советского опровержения британский посол в Москве Э. Ови поставил перед Литвиновым вопрос о том, "какова будет реакция Польши" на пакт о ненападении между СССР и Франции – "последует ли за ним русско-польский договор о ненападении?" Нарком отвечал, что он так не думает, "однако Франция не сможет впредь вмешаться, если бы Польша напала на Россию"¹⁷. Втайне Литвинов ожидал, что французы нарушат свое молчание; позднее он назвал "поразительным" то обстоятельство, что "в течение переговоров Бертелло с Довгалецким ни разу не была упомянута Польша и не были затронуты наши отношения с нею". У Литвинова складывалось впечатление, что руководители французской внешней политики "несколько тяготятся чрезмерными претензиями, предъявляемыми Польшей Франции", и он допускал, что

¹³ Известия. 27.7.1931.

¹⁴ Письмо В.С. Довгалецкого Н.Н. Крестинскому, 1.6.1931. – АВП РФ. Ф.09. Оп.6. П.52. Д.40. Л.9.

¹⁵ Edge to Secretary of State, tel., Paris, 17.9.1931. – NA. SD/462.00 R 296/3986.

¹⁶ Наиболее вероятно предположение, что своим сообщением Бриан желал убедить госсекретаря Стимсона в способности Франции устранить политические препятствия к осуществлению проектов разоружения, вытекающие из неурегулированности ситуации в Восточной Европе.

¹⁷ E. Ovey to A. Henderson, desp., Moscow, 28.7.1931. – PRO. FO/371/15612/N5391.

"заключением пакта о ненападении с СССР Бриан сознательно стремится ослабить обязанности Франции в отношении Польши"¹⁸.

Каковы бы ни были мотивы французской дипломатии и какие бы заверения о сохранении союза с Польшей она ни давала ей на протяжении франко-советских переговоров, у Варшавы было все больше оснований опасаться ослабления своих позиций vis-à-vis России. В начале августа 1931 г. Москву и Ленинград посетил редактор "Gazety Polskiej" И. Матушевский, в недавнем прошлом – руководитель военной разведки, дипломат, министр финансов. Посещение СССР Матушевский мотивировал желанием переговорить как "свободный публицист", занимающийся изучением экономического кризиса, с советскими хозяйственниками, включая наркома финансов и председателя Госбанка. Советская миссия в Варшаве усмотрела в этом попытку создать впечатление об оживлении двусторонних отношений, тем более что "Матушевского знают не только как довольно влиятельно пилюсудчика, но и как дельного человека"¹⁹. Поездка Матушевского вызвала толки о предстоящем отъезде С. Патека. "Намечается, мол, новый курс в отношении нас, – докладывал полпред СССР в Польше, – каковой представляет Бек и каковой будет проводить новый польский посланник"²⁰.

Накануне завершения парижских переговоров МИД Польши был вынужден перейти к более решительным действиям. При посещении НКИД 4 августа посланник Патека заявил заместителю наркома Карахану о намерении перед отбытием в отпуск вручить ему "новые предложения и дополнения" относительно пакта ненападения. Получив разъяснения на этот счет, Карахан констатировал, что "никаких новых предложений, никаких новых шагов польское правительство не собирается делать". Заместитель наркома полагал (и его коллеги с этим были согласны), что "новое предложение Польши делается только для того, чтобы иметь возможность раскричать на весь мир о том, что Польша сделала Советскому правительству новое предложение о пакте"²¹. 6 августа по заданию НКИД Телеграфное агентство Советского Союза направило за границу телеграмму: "Исходящие из Риги сведения, будто по инициативе французского правительства происходили переговоры между представителями СССР и Польши, лишены всяких оснований"²². Будучи верным по существу, советское опровержение отражало как опасения, что выступления печати "подскажут" Парижу новый образ действий, так и стремление указать полякам на тщетность их инициатив. Одновременно НКИД готовился к дипломатическому отпору. К середине августа 1-й Западный отдел разработал обширную историческую справку, заглавие которой ("о переговорах с Польшей о гарантийном пакте (1927-1931)") странным образом подтверждало тезис о непрерывности этих переговоров. Справка завершалась выводом: "позиция поль[ского] пра[вительства] в основных вопросах пакта осталась без изменения и зафиксированные еще во время переговоров 1927 г. разногласия полностью сохранили свою силу"²³. На запросы западных миссий о возобновлении переговоров с Польшей сотрудники НКИД отвечали, что если Франция выскажет такое пожелание, Россия "вежливо, но твердо

¹⁸ Записка М. М. Литвинова Л. М. Кагановичу (копии членам Политбюро), 15.9.1931. – АВП РФ. Ф.10. Оп.4. П.21. Д.63. Л.245-246.

¹⁹ Письмо Ф.А. Бровковича Н.Я. Райвиду, 19.7.1931. – АВП РФ. Ф.0122. Оп.15. П.155. Д.7. Л.194. Матушевский действительно был принят руководителями НКФ и Госбанка СССР и остался доволен своей поездкой (Дневник полпреда В.А. Антонова-Овсеенко, 24.8.1931 (запись от 22 августа). – Там же. Л.230-229).

²⁰ Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Л.М. Карахану, 8.8.1931 (№. 345). – Там же. Л.211.

²¹ Запись беседы Л.М. Карахана с С. Патеком, 4.8.1931 // ДВП СССР. Т.14. С.443-444.

²² Справка заведующего Отделом печати НКИД К.А. Уманского "Об официальных разъяснениях по вопросам франко-советских и советско-польских отношений", [28.8.1931]. – АВП РФ. Ф.08. Оп.14. П.130. Д.138. Л.33.

²³ Справка 1-го Западного отдела НКИД СССР о переговорах с Польшей о гарантийном пакте (1927-1931), [не позднее 16.8.1931] (с 12-ю документальными приложениями). – Там же. Ф.0122. Оп.15. П.154. Д.2. Л.157-141. Справка поступила в Секретариат Карахана 24 августа (Там же. Ф.09. Оп.4.П.130.Д.137.Л.730).

укажет, что она способна вести свои отношения с Польшей напрямую и без вмешательства третьей державы". Москва готова рассмотреть обращение со стороны Польши о двустороннем пакте, но не собирается вести с ней переговоры как с "членом группы" государств²⁴.

10 августа в Париже был секретно парафирован советско-французский пакт о ненападении. Эта "блестящая победа нашей дипломатии", предсказывал Антонов-Овсеенко, "несомненно, отразится благоприятно на всем фронте наших международных отношений. Отразится и в Польше, которая всерьез оживит вопрос о пакте. За первым нечленораздельным демаршем Патека должно ожидать более серьезных шагов". Полпред в Варшаве ссылаясь при этом на то, что "местная печать начинает намекать на подготовку поль[ским] пра[вительством] переговоров о пакте. "АВС" ставит в связь с нею внезапное возвращение маршала в Варшаву"²⁵. Руководящие польские круги, несомненно, информированы о завершении франко-советских переговоров (в середине августа начальник Восточного отдела Шетцель вернулся из Парижа), отмечал Антонов-Овсеенко. Отношение в Польше к договоренности между Францией и СССР – «спокойное, выдержанное, "сочувственное" – без особых забеганий». Комментируя выступления польской прессы ("Polonia", "Rzeczpospolita", "Kurier Poranny", "Kurier Warszawski", "Kurier Codzienny", "Gazeta Polska"), посланник приходил к выводу о начале широкой кампании с целью подготовить общественное мнение к польско-советским переговорам о гарантийном пакте, "основное ударение при этом ставится на необходимость добиться четкого признания нами [СССР] западных границ Польши"²⁶.

Наконец, 22 августа во всех польских газетах было опубликовано сообщение парижского выпуска "Chicago Tribune" (оно было разослано ПАТ без каких-либо комментариев) о начале переговоров между Москвой и Варшавой с целью заключения договора о нейтралитете. 23 августа, за несколько часов до исторического визита Патека в НКВД, советские газеты вышли с новым и предельно категорическим опровержением: "ТАСС уполномочен заявить, что в парижских переговорах ни в какой мере не затрагивались отношения договаривающихся сторон с третьими государствами, в том числе и с Польшей; никаких переговоров между Москвой и Варшавой о пакте ненападения не ведется"²⁷.

Нетрудно поэтому представить себе негодование Литвинова, его коллег и подчиненных после ознакомления с демаршем Патека и врученным им проектом договора – с помощью всевозможных адвокатских ухищрений и спекуляций в печати поляки пытаются помешать вступлению Советского Союза в концерт великих держав. Москве, конечно, льстило символическое значение польской акции, знаменовавшей: "рост нашей политической и экономической мощи усиливает заинтересованность капиталистических стран, в том числе и Польши, в улучшении отношений с СССР и заставляет их считаться с нами как с важнейшим международным фактором"²⁸. Советской прессе предлагалось "констатировать изменения соотношения сил между СССР и капиталистическим окружением": "...Рост международно-политической мощи СССР подавно означает, что СССР не примет уже однажды отвергнутые им неприемлемые польские условия заключения договора о ненападении"²⁹. Анализ советских публичных заявлений показывал, что "русские рассматривают последний польский поступок (excursion) как признание своей слабости и повторяют (несомненно, для того чтобы подчеркнуть то, что они считают растущей

²⁴ W.Strang to A.Henderson, desp., Moscow, 10.8.1931. – PRO. FO/371/15585/N5682.

²⁵ Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Л.М. Карахану, 14.8.1931. – АВП РФ. Ф.0122. Оп.15. П.155. Д.7. Л.227.

²⁶ Письмо В.А Антонова-Овсеенко Л.М. Карахану, 24.8.1931. – Там же. Л.236.

²⁷ Известия. 23.8.1931

²⁸ Письмо Л.М. Карахана и Н.Я. Райвида В.А. Антонову-Овсеенко, 26.8.1931 (копии в Ковно, Ригу, Таллинн, Гельсингфорс). – АВП РФ. Ф.0122. Оп.15. П.154. Д.2. Л.192.

²⁹ ("Проект тезисов для печати. К вопросу о польско-советских переговорах", 29.8.1931 (пп. 6,7) (документ подписан заведующим 1-м Западным отделом Н.Я. Райвидом и заведующим Отделом печати К.А. Уманским). – Там же. Ф.010. Оп.4. П.21. Д.63. Л.473-474.

изоляцией Польши), что на протяжении всего хода переговоров французы не сделали ни единой ссылки на позицию Польши³⁰. Поэтому тревога по поводу новой "польской интриги" смешивалась в Москве с презрением и надеждой, что в ближайшее время подписание с Францией договора о ненападении поставит точку во франко-советских переговорах, а ее восточноевропейские союзники – "провинциальные" правительства лимитрофов окажутся перед лицом новой реальности.

Срочно созванная 23 августа Коллегия НКВД обсудила "документ Патека" – врученный им "Tekst układu o nieagresji"³¹. Литвинов, Крестинский и Карахан решили "не предпринимать с нашей стороны новых шагов в связи с документом", а "при случае заявить полякам, что демарш Патека не внес ничего нового в ход переговоров, являясь скорее шагом назад". Руководители НКВД подразумевали, что в нарушение переговорного обычая (согласно которому проявляющая инициативу сторона демонстрирует склонность к уступкам), благодаря новому условию – о необходимости заключения СССР договора о ненападении с Румынией – польская позиция оказалась даже более жесткой, чем в 1927 г. "Это требование, – комментировал Карахан решение Коллегии, – является образцом наглости, мимо которой просто пройти нельзя", тем более что и другие "польские формулировки статей проекта пакта еще более неприемлемы, чем их формулировки 1927 г."³² Впрочем, Коллегия НКВД встала на точку зрения, что никакого нового польского предложения она не получала: "Документ, врученный Патеком 23-го августа, представляет собой простое письменное изложение тех возражений, которые делались поляками в прошлом против нашего проекта пакта", и сам посланник признал, что "его демарш представляет простое подведение итогов". Соответственно следовало держаться и прессе³³.

Пожалуй, единственным советским дипломатом, способным правильно оценить возникшую ситуацию, оказался полпред в Варшаве Антонов-Овсеенко. После громкого скандала, который вызвали в Москве его варшавские беседы в конце предшествующего года, и последующей сдержанности польской дипломатии в отношении пакта с Советами Антонов-Овсеенко остерегался вновь прослыть "оптимистом". Тем не менее, как показывают его августовские донесения, полпред склонялся к мысли о серьезности желания Польши заключить договор о ненападении с СССР. Располагая лишь скудными сообщениями о демарше Патека 23 августа, уже на следующий день он дал точный прогноз. Проблема для Москвы состоит в том, писал он в Коллегию НКВД, что отраженная в документе Патека позиция Польши, "вполне вероятно", "одобрена и в Париже". "А тогда следовало бы ожидать, что Франция поставит подписание (ратификацию) пакта в зависимость от заключения нами

³⁰ W. Strang to Marquess of Reading desp., Moscow, 31.8.1931. – PRO. FO/371/15585/N6078.

³¹ Оригинал документа см.: Там же. Ф.0122. Оп.15. П.154. Д.2. Л.184-181. При переводе (воспроизведенном в официальной советской публикации) было сделано два отступления от оригинала. Взаимное обязательство сторон воздерживаться "od wszelkich czynności agresywnych względnie inwazji" было передано как воздержание "от всяких агрессивных действий или нападения" (ст. 1). Было исправлено о непочтительное наименование Советского Союза ("Sowiety") в ст. 6.

³² Письмо Л.М. Карахана и Н.Я. Райвида В.А. Антонову-Овсеенко, 26.8.1931. Л.193.

³³ Выписка из протокола № 47 заседания Коллегии НКВД 23.8.1931 (п. 1). – Там же. Л.188. Четвертый член Коллегии, курировавший 1-й Западный отдел Борис Стомоняков вернулся в Москву из отпуска лишь 1 сентября, однако и тогда не приступил к своим основным обязанностям в НКВД. Как бывшему торгпреду в Германии и члену Коллегии Наркомата внешней торговли Стомонякову было поручено представлять СССР на заседании советско-германской Согласительной комиссии, где предстояло разбирать взаимные претензии хозяйственных организаций. 14 сентября он выехал в Берлин и вернулся к обычным функциям лишь тремя неделями позже (см.: Pismo Poselstwa RP w Moskwie "Posiedzenie Sowiecko-Niemieckiej Komisji Koncylacyjnej w Berlinie", 5.9.1931 (kopia). – AAN. Ambasada RP w Moskwie. T.22. S.157; Notatka A. Ponińskiego "Wyjazd Stomoniakowa do Berlina", 15.9.1931. – Там же. S.158).

такового с Польшей. Т. е. мы лишь вступаем в серию чрезвычайно затруднительных переговоров"³⁴.

В Москве, однако, усиливались настроения в пользу заострения курса, подтвержденного руководством НКВД 23 августа. Телеграмма ТАСС об официальном коммюнике ПАТ (опубликованном 25 августа) о демарше Патека была задержана на сутки и появилась вместе с официозным комментарием. Вероятно по инициативе Литвинова, "Сообщение ТАСС" не только устанавливало факт отсутствия переговоров, но и характеризовало врученный Патеком документ как "шаг назад"³⁵. Тем самым проводилась мысль, что "никаких переговоров на основе патековского документа не может быть"³⁶. В общем, руководители НКВД все больше убеждались, что "полякам нужен был этот шаг Патека для каких-то внешнеполитических маневров Польши – облегчение получения займа, шантаж Германии и Литвы, попытка примазаться к советско-французским переговорам, маневры по адресу Румынии или что-либо подобное". Варшавскому полпредству надлежало выяснить, что именно, но в НКВД и без того знали главный ответ: "Весь тон польской прессы, более чем сдержанный по отношению к СССР и враждебный по отношению к Германии, не оставляет сомнений в том, какие цели преследует указанный выше шаг Патека"³⁷. Демарш Патека вписывался в общую картину многомесячных попыток "создать за границей впечатление, как будто Польша ведет с нами параллельные переговоры о пакте". Согласно Крестинскому, "целью такого поведения Франции и Польши являлось запугать Германию возможностью политической изоляции в связи с изменением нами нашей ориентации и толкнуть Германию на политические уступки Франции"³⁸.

Усердие, с которым руководители советской дипломатии обличали мотивы польского демарша, позволяет понять хрупкость всей европейской политики НКВД, в 1931 г. отчаянно балансировавшей между ревизионистскими государствами, прежде всего Германией, и главным гарантом Версальского порядка на континенте – Францией. Согласившись на сохранение в секрете франко-советских переговоров о ненападении, Москва втайне от Парижа информировала о них правительства Германии, Италии, Турции и Литвы. Бриан и его коллеги не сомневались и в том, что утечка сведений о парафировании франко-советского пакта организована Советами³⁹. Открытое заигрывание Москвы с концепцией "пакта пяти" и лавина опровержений в связи с демаршем Патека переполнили чашу терпения французов. 26 августа временный поверенный в делах Франции в Москве Паяйр получил указание заявить Литвинову, что "неуместное (niewłaściwe) распространение и комментирование

---

³⁴ Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Л.М. Карахану, 24.8.1931. – АВП РФ. Ф.0122. Оп.15. П.155. Д.7. Л.235 (курсив мой). В отличие от своих шефов Антонов-Овсеенко усматривал в жесткости польского проекта не провокацию, а дополнительное свидетельство готовности Варшавы вести серьезные переговоры: предложение "максималистское, в расчете на возможную поддержку Франции, за каковую Залеский ныне борется в Париже" (Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Л.М. Карахану, 30.8.1931. – Там же. Л.202).

³⁵ В НКВД рассматривались два варианта опровержения – в форме интервью Литвинова или сообщения официозного агентства. "Проект сообщения ТАСС", подготовленный 1-м Западным отделом, такого утверждения не содержит, оно появилось в завизированном Литвиновым вечером 26 августа тексте (за исключением мелких стилистических особенностей он совпадает с опубликованным на следующее утро в "Известиях") (см.: Там же. Л.194-196).

³⁶ Письмо Л.М. Карахана и Н.Я. Райвида В.А. Антонову-Овсеенко, 26.8.1931. Л.193.

³⁷ Письмо Л.М. Карахана и Н.Я. Райвида В.А. Антонову-Овсеенко, 26.8.1931. Л.193-192.

³⁸ Записка Н.Н. Крестинского Л.М. Кагановичу (в Политбюро ЦК ВКП(б)), 29.8.1931. – Там же. Ф.010. Оп.4. П.21. Д.63. Л.661.

³⁹ Об одном из вероятных каналов такой утечки (с использованием корреспондента United Press Ф. Ку (Kuh)) см.: O. Ken. Collective security or isolation? Soviet foreign policy and Poland, 1930-1935. St. Petersburg, 1996. P.35, 45 (note 50). В июле 1931 г. Ф. Ку встречался с полпредом СССР в Германии Хинчуком (см.: Запись беседы Л.М. Хинчука с Ф. Ку, Берлин, 6.7.1931. – АВП РФ. Ф.082. Оп.14. П.63. Д.5. Л.146-147).

парафированного в Париже франко-советского пакта ставит под угрозу (paraża poważnie na szwank) все франко-советские переговоры"⁴⁰.

Далеко не случайно поэтому, что 26 августа к перепалке телеграфных агентств подключилось французское «Navas». Изложив свою версию переговоров между Францией и СССР со ссылкой на официальные источники, оно не только подтвердило заявления Варшавы о непрекращавшемся советско-польском обмене мнений относительно пакта ненападения, но и оповестило, что "переговоры между Польшей и СССР относительно заключения пакта, в настоящий момент приостановшиеся, будут в скором времени возобновлены в Москве". Руководители восточноевропейского отдела 4-го Департамента Auswärtiges Amt немедленно пригласили для объяснений первого советника полпредства СССР С. Бродовского. М. Шлезингер напомнил ему, что Брокдорфу-Ранцау (основоположнику Рапалло и послу Германии в СССР) "всегда говорили в Москве, что мы [СССР] наше предложение полякам сделали, будучи уверены, что они будут реагировать отрицательно". Бродовский согласился: "действительно, наши предположения были верны, потому что до сих пор поляки отвечают отрицательно"⁴¹.

Вместо того чтобы пожинать плоды дружбы с Берлином и Парижем, советской дипломатии пришлось уворачиваться от критики, которая зазвучала одновременно из обеих столиц. Литвинов, выехавший вечером 26 августа в Женеву, перед отъездом дал разъяснения германскому послу фон Дирксену относительно ситуации, созданной "очень странным" поведением Патека⁴². Нарком проследовал через Варшаву и сделал остановку в Берлине, где заверил министра иностранных дел Ю. Курциуса в неизменности советской позиции, а представителей немецкой печати – в ложности "слухов о несуществующих переговорах". Москва между тем укоряла «Navas» и предлагала внимательнее ознакомиться с «фактической стороной» советско-польских и франко-советских переговоров, которая уже была "исчерпывающе изложена" и "установлена" ТАСС⁴³. Анализируя поступавшие в Москву материалы из европейских столиц, Крестинский был вполне удовлетворен результатами действий НКВД. "Тем, что мы опровергли измышления польской и французской печати, мы успокоили германские правительственные и политические круги, обеспечили себе полную поддержку Германии в Женеве и обеспечили благоприятную атмосферу для предстоящих в Германии импортных и экспортных переговоров и для Согласительной Комиссии, на которую мы идем с худшим багажом, чем немецкая сторона. <...> Теперь же отношения между нами и Германией лучше, чем когда бы то ни было, – резюмировал он. – Но не повредило ли наше выступление с опровержениями налаживанию наших отношений с Францией? Ни в каком случае"⁴⁴.

---

40 Notatka A. Ponińskiego "Zwrót w rokowaniach franko-sowieckich", Moskwa, 27.8.1931. – AAN. Ambasada RP w Moskwie. T.12. S.29. Эту тему Пайяр поднял в беседе с Литвиновым 24 августа; из-за отъезда наркома в Берлин французский дипломат не успел официально выразить ему недовольство своего правительства и предполагал, что это будет сделано его коллегами в Париже и Женеве (Там же).

41 Запись беседы С.И. Бродовского с Р. Майером 26.8.1931 (Берлин, 27.8.1931). – Там же. Ф.09. Оп.6. П.52. Д.40. Л.74. "В разговоре главным образом принимал участие не Майер, а Шлезингер, что подтвердило лишний раз тот факт, что бездарный М[айер] целиком находится в руках Шлезингера, который сейчас, после отъезда Траутмана и Мольтке, фактически управляет восточноевропейской частью 4-го департамента" (Там же). Следует отметить, что Шлезингер был более яростным противником франко-польско-советских переговоров, чем другие сотрудники "русского отдела" МИД (F.M. Sackett to Secretary of State, Berlin, 2.9.1931. – NA. SD/751.6111/7). Лаконичное изложение Майером беседы с Бродовским см.: PRO. GMF/33/4539/L192984-192986.

42 H. Rumbold to Marquess of Reading, desp., Berlin, 28.8.1931. – PRO. FO/371/15585/N5957 (сообщение Ю. Курциуса).

43 Заявление М.М. Литвинова представителям иностранной печати в Берлине, 28.8.1931 //ДВП СССР. Т.14. С.499-501; Известия. 28.8.1931.

44 Записка Н.Н. Крестинского Л.М. Кагановичу (в Политбюро ЦК ВКП(б)), 2.9.1931. – АВП РФ. Ф.010. Оп.4. П.21. Д.63. Л.659.

Отдавали ли руководители НКВД себе отчет в бесперспективности попыток вычеркнуть Польшу из числа международных партнеров СССР? Так или иначе, очень скоро эта линия вызвала беспокойство у советских вождей.

2. Сталин, Политбюро и Наркоминдел (сентябрь 1931 г.)

В конце августа коридоры Кремля и Старой площади были полупусты. 25 августа НКВД направил запись беседы Карахана с польским посланником руководителям Политбюро – Сталину, Молотову, Кагановичу⁴⁵. Однако в Москве находился лишь последний из адресатов – 38-летний Секретарь ЦК Лазарь Каганович, который впервые оставался "на хозяйстве" вместо Генерального секретаря, чья решающая роль в руководстве страной стала к тому времени неоспоримой. С начала августа Сталин отдыхал на юге, и в Секретариате ЦК сочли ненужным утомлять его материалами о таком незначительном событии, как визит Патека в Наркоминдел⁴⁶. Председатель Совнаркома Вячеслав Молотов также пребывал в отпуске, который был ему продлен до 15 сентября⁴⁷. Другой высокопоставленный участник дискуссий по международным делам – нарком по военным и морским делам Ворошилов – находился в инспекционной поездке по Волге, Уралу и Дальнему Востоку. После отъезда Сталина и Молотова разгорелся конфликт между влиятельнейшими хозяйственными деятелями – заместителем главы правительства и председателем Госплана Куйбышевым и наркомом тяжелой промышленности Орджоникидзе⁴⁸. Куйбышев подал в отставку и заявил об уходе в отпуск "ввиду болезни" (он был предоставлен ему с 5 сентября, но сомнительно, чтобы в предшествующие дни Куйбышев проявлял активность в вопросах, прямо его не затрагивающих)⁴⁹. Председательство на Политбюро и наблюдение за государственными делами были возложены на Кагановича, погруженного в многообразные заботы ("помнить об алюминии", "налечь на птицу", "быть объективным в отношении Р. и С." и проч.)⁵⁰. С конца августа и до конца сентября из членов Политбюро на посту оставались лишь Калинин, Орджоникидзе, Рудзутак, авторитет которых в области международно-политических проблем был столь же невелик, что и у Кагановича⁵¹. Руководители НКВД, должно быть, полагали, что в такой обстановке они вправе действовать самостоятельно и формулировать позицию СССР в отношении переговоров с Польшей без оглядки на поредевшее Политбюро ЦК ВКП(б).

В партийном руководстве, однако, не осталась незамеченной газетная кампания, которую развернул НКВД, и от него затребовали объяснений. В адресованной Политбюро записке от 29 августа исполнявший обязанности наркома Н.Н.Крестинский попытался оправдать активность своего ведомства по опровержению сообщений зарубежных агентств об отношениях СССР с Францией и Польшей. Крестинский уклонился от рассмотрения польского предложения, расценив его как "новый способ воздействия на Германию", который был "обезврежен" сообщением ТАСС от 27 августа, тогда как повторное заявление ТАСС 28 августа "нейтрализовало" "последнюю попытку Польши" – информацию агентства «Navas».

⁴⁵ Копия записки была направлена также Председателю ОГПУ СССР Менжинскому, вероятно, потому, что Патека сказал несколько слов и о "пограничных делах" ([Делопроизводственные пометы]. – АВП РФ. Ф.08. Оп.14. П.130. Д.137. Л.13).

⁴⁶ Каганович получил документ Карахана (для пересылки Сталину и для себя) лишь 3 сентября, после соответствующего запроса (Письмо Л.М. Кагановича И.В. Сталину, 3.9.1931. С.79.).

⁴⁷ Протокол Политбюро ЦК ВКП(б) № 59 от 30.8.1931. – РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.845. Л.6. (Там же. Л.9).

⁴⁸ Письмо Л.М. Кагановича И.В. Сталину, [17.8.1931] // Там же.С.51.

⁴⁹ Записка В.В. Куйбышева Л.М. Кагановичу, 10.8.1931 // Там же. С.710; Протокол № 59 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 30.8.1931. – РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.845. Л.9.

⁵⁰ См.: Записка И.В. Сталина Л.М. Кагановичу ("на память"), [ранее 6.8.1931] // О.В. Хлевнюк и др. (сост.). Сталин и Каганович: Переписка. 1931-1936. М., 2001. С.37. Двумя годами позже, находясь на отдыхе, Сталин выговаривал Молотову за неожиданное решение уйти в длительный отпуск: "Разве трудно понять, что нельзя надолго оставлять ПБ и СНК на Куйбышева (он может запить) и Кагановича" (Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову, 1.9.1933 // Л.П. Кошелева и др. (сост.). Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. М., 1995.).

⁵¹ В рассматриваемый период в заседаниях Политбюро участвовали также Куйбышев (25 августа) и С. Косиор (5 сентября), и неизменно кандидат в члены Политбюро Микоян.

"Я не согласовывал составленное в НКВД сообщение ТАСС'а с ПБ, потому что в одной своей части (о переговорах с Польшей) наше сообщение повторяло сообщения от 6/I, 27/VII, 6/VIII, 23/VIII и 27/VIII, а во второй своей части (о франко-советских переговорах) повторяло наши опровержения от 6/I и 27/VII, т. е. все это сообщение не содержало в себе ничего нового, не получившего в свое время санкции ПБ". Поскольку в своем ответном заявлении «Navas» ограничился констатацией действительного обстоятельства ("трижды за последние годы советское правительство предлагало Франции заключить договор о ненападении"), "наше выступление от 28/VIII достигло своей цели". Интервью Литвинова его заместитель оценивал как "исчерпывающее и очень убедительное", так что, говорилось в заключительной части записки в Политбюро, "мы можем не возвращаться больше официально и официозно к вопросам польско-советских и советско-французских переговоров"⁵². Днем позже Крестинскому пришлось отстаивать эту позицию на встрече членов Политбюро, которые не удовлетворились его обещанием воздержаться от продолжения газетной полемики. Политбюро признало "неправильным выступление НКВД с опровержением по вопросу о переговорах с Польшей без предварительной постановки вопроса в Политбюро" и пожелало подробнее ознакомиться с "дальнейшим ходом этого дела"⁵³. "...Мы по существу не дали оценку [поведению НКВД], хотя думаем, что они поторопились, – докладывал Каганович Сталину, – надо было выждать, прощупать, может быть, здесь есть стремление создать для французов повод сорвать договор с нами"⁵⁴. Дальше этой догадки воображение Кагановича и его коллег не простиралось, но принятое ими постановление подвергало сомнению исходную посылку Наркоминдела – акция польского правительства не вносит ничего существенного в отношения СССР с Францией и Польшей.

Неожиданно к дискуссии подключился Сталин. "Почему Вы ничего не сообщаете о польском проекте пакта (о ненападении), переданном Патеком Литвинову?" – вопрошал своего заместителя Сталин, узнавший о демарше посланника из газет. Это не помешало ему ясно сформулировать свою позицию: "Дело это очень важное, почти решающее (на ближайшие 2-3 года). Вопрос о мире, и я боюсь, что Литвинов, поддавшись давлению так называемого "общественного мнения", сведет его к пустышке. Обратите на это дело серьезное внимание. Пусть ПБ возьмет его под специальное наблюдение и постарается довести его до конца всеми допустимыми мерами. Было бы смешно, если бы мы поддались в этом деле общемещанскому поветрию "антиполонизма", забыв на минуту о коренных интересах революции и социалистического строительства"⁵⁵.

Записка Сталина создает впечатление, что он не раз обдумывал вопрос о заключении пакта с Польшей. Действительно, в ноябре 1930 г. Генеральный секретарь отчетливо высказался в пользу переговоров с поляками о договоре ненападения вопреки позиции руководителей НКВД⁵⁶. В отличие от деятелей Наркоминдела и своих коллег по Политбюро (насколько об их позиции можно судить по оправданиям, которые направлял им Крестинский), Сталин был убежден в ценности политического урегулирования с Польшей *per se*, вне прямой зависимости от того, как оно повлияет на отношения СССР с великими державами. По существу, он приходил к заключению, которое несколькими месяцами ранее сделала британская миссия в Москве: "С политической точки зрения отношения с Польшей,

⁵² Записка Н.Н. Крестинского Л.М. Кагановичу, 29.8.1931. – АВП РФ. Ф.010. Оп.14. П.21. Д.63. Л.661-665.

⁵³ Протокол № 59 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 30.8.1931. – РГАСПИ. Оп.162. Д.10. Л.177.

⁵⁴ Письмо Л.М. Кагановича И.В. Сталину, 31.8.[1931] // О.В. Хлевнюк и др. (сост.). Указ. соч. С.73.

⁵⁵ Письмо И.В.Сталина Л.М.Кагановичу, Сочи, 30.8.[1931] // Там же. С.71. Любопытно, что Сталин решил высказаться лишь после того, как кампания «опровержений» в советской прессе достигла апогея.

⁵⁶ См. часть 1.

вероятно, являются наиболее деликатными и наиболее важными из всех международных сношений СССР"⁵⁷.

С другой стороны, Сталин несомненно учитывал общие сдвиги в европейской политике. Весной 1931 г. полпред в Чехословакии Александр Аросев подготовил статью о возможных сценариях развития европейской ситуации после заключения австро-германского таможенного союза. Используя личные связи с Молотовым и Ворошиловым и стремясь продемонстрировать свою пригодность к должности полпреда во Франции (Аросев был о себе высокого мнения), он направил рукопись Сталину. В результате статью "одобрил Иосиф Виссарионович"⁵⁸. Его санкция действительно была необходима: в аросевской статье содержался необычный для советской аналитики вывод о том, что СССР следует опасаться усиления позиций Германии в Европе. "Вместе с этим усилением совершенно неизбежна политическая переориентировка Германии. Тут мы должны будем учесть возможность такого положения, когда Германия будет не в орбите французской политики, но *самостоятельно займет антисоветскую линию*"⁵⁹. Одобрение Сталиным этой статьи показывает, что он, по меньшей мере, сомневался в необходимости следовать принципу, согласно которому Германия являлась главным препятствием к созданию антисоветского капиталистического блока и потому Советский Союз должен поддерживать ее в противостоянии версальским государствам. При этом он вполне осознавал, что, по соображениям баланса сил, СССР не следует усугублять внешнеполитические трудности Германии из-за финансового кризиса 1931 г. или демонстрировать свое недружелюбие. В начале августа, перед отъездом в Сочи, Сталин поставил на Политбюро вопрос об "освещении в печати экономического положения в Германии". Редакциям "Известий" и "Правды" было предписано "давать сообщения об экономическом положении в Германии в более умеренном тоне"⁶⁰.

В послании Кагановичу Сталин воздержался от дискуссии по международным проблемам и предпочел высказаться в том плане, в котором его авторитет руководителя правящей партии был неоспорим: он ссылаясь на "коренные интересы революции и социалистического строительства" и беспокоился относительно проникновения в партию мелкобуржуазных ("общемещанских") взглядов. Наученный борьбой с партийной оппозицией, Сталин в совершенстве владел навыками приписывания своим оппонентам

---

⁵⁷ Soviet Union. Annual Report, 1930 (Encl. to E.Ovey to A.Henderson, Moscow, 10.3.1931. – PRO. FO/371/15619/N1831 (para. 154).

⁵⁸ Личное письмо А.Я. Аросева К.В. Ворошилову, Прага, 2.7.1931. – РГАСПИ. Ф.74. Оп.2. Д.96. Л.10. Сталин распорядился ознакомить с «заметками т. Аросева» всех партийных иерархов (36 человек!) (Сопроводительное письмо заведующего Секретным отделом ЦК ВКП(б) членам и кандидатам в члены Политбюро, членам Президиума ЦКК, секретарям ЦК ВКП(б), 19.5.1931. – Там же. Ф.558. Оп.11. Д.695. Л.55).

⁵⁹ Ибрагим. Австро-германское соглашение // Новый мир. 1931. № 6. С.203-204 (курсив мой). Ср. с оценками полпреда в Германии, которые разделяло руководство НКВД: «Следует констатировать, что германо-австрийское таможенное соглашение является ничем иным как фактически первым этапом в реализации «Аншлуса»... С точки зрения наших интересов нам приходится руководствоваться двумя моментами. Внешнеполитически для нас несомненно выгоден переход Германии на более самостоятельные рельсы и возникновение новых усложняющихся моментов в области германо-французских отношений <...> С другой стороны, однако ...дальнейшее развитие германской политики в области региональных соглашений может идти в опасном для нас направлении под углом зрения наших экономических интересов. Однако необходимо учитывать, что процесс это длительный и вступает лишь в начальную стадию» (Письмо Л.М. Хинчука Н.Н. Крестинскому (копии М.М. Литвинову, Б.Е. Штейну), Берлин, 26.3.1931. – АВП РФ. Ф.082. Оп.14. П.63. Д.5. Л.69,66).

⁶⁰ Протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 54 от 5.8.1931. – РГА СПИ. Ф.17. Оп.162. Д.10. Л.132.). Напротив, польский министр иностранных дел при общении с Антоновым-Овсенко "не скрывал злорадства по поводу "катастрофы", постигшей Германию; прямо заявил, что внешняя политика последней была лишена солидной экономической базы; твердо заверил, что Германия так или иначе будет вынуждена финансовыми затруднениями склониться перед Парижем" (Письмо В.А. Антонова-Овсенко Л.М. Карахану, 8.8.1931 (№ 345). – АВП РФ. Ф.0122. Оп.15. П.155. Д.7. Л.212).

нелепых аргументов и обывательских мотивов, разгромить которые затем не составляло никакого труда⁶¹.

Неделей позже, изучив доставленные ему проект Патека и запись его беседы с Караханом 23 августа, Сталин детализировал свои суждения. Критику действий НКВД он сосредоточил на заместителе наркома, которого давно недолго любил и который "вел себя во время "беседы" глупо и неприлично". При этом Сталин дал пронизательный анализ слабостей советской дипломатической тактики: "Карахан не понял того, что после истории с французами (опровержение ТАСС, данное 1 1/2 месяца назад), ни одно государство не решится взять на себя инициативу насчет пакта о ненападении без того, чтобы не получить "неприятности" от "оппозиции". Карахан не понял того, что нам в конце концов безразлично по чьей инициативе происходят переговоры, лишь бы был подписан нужный нам пакт. И вот, вместо того, чтобы уцепиться за повод, данный Патеком и его проектом, Карахан – по глупости – оттолкнул Патека и испортил дело. Что касается проекта Патека, то он ничуть не хуже первоначального проекта французов, послужившего, как известно, одной из баз переговоров между нами и французами". "Для меня ясно, – заключал Сталин, – что Карахан и Литвинов допустили грубую ошибку..." Однако он воздержался от призыва начать переговоры с Польшей, отметив, что для "ликвидации" этой ошибки "необходимо более или менее продолжительное время"⁶².

Эти послания Сталина оказали бесспорное влияние на последующий ход событий. Однако члены Политбюро не спешили принимать его аргументацию. Молотов, который с конца августа находился в Сочи и тесно общался со Сталиным, воздерживался от письменного изложения своего мнения и поставил свою подпись лишь под поручением Кагановичу "разведать действительные намерения поль[ского] пра[вительства]"⁶³. Искренним союзником Сталина мог оказаться нарком Ворошилов, с явным облегчением воспринявший августовский демарш Патека. "...Не исключено, а наоборот, почти predetermined возможность, что капиталисты и не рискнут на нас напасть, – говорил он на митинге в Новосибирске 30 августа. – Вот теперь, например, поляки выступили с предложением пакта о ненападении, при чем всячески это дело облекали в форму как будто бы они инициативу взяли, забыв, что в 1926 г. мы предлагали им подписать пакт о ненападении"⁶⁴. Таким образом, как и Генеральный секретарь, Ворошилов усматривал в польском предложении положительное содержание и, вопреки газетным сообщениям (являвшимся для него основным, если не единственным источником информации о демарше Патека), считал полезным перехватить инициативу и возобновить советское предложение Варшаве о заключении пакта ненападения. Мнение Ворошилова, впрочем, в те недели вряд

⁶¹ В том же письме Кагановичу Сталин дал образец демагогии, по своей гротескности не уступающий филиппике против анонимного "антиполонизма", – обличение "ослов из мещан и обывателей", предлагающих принять закон о "досрочном восстановлении в правах бывших кулаков", а также учреждений, "пытающихся растратить валютные ресурсы рабочего класса" (Письмо И.В.Сталина Л.М.Кагановичу, Сочи, 30.8.[1931]. С.72.).

Сказанное, разумеется, не означает, что сталинское замечание относительно антипольских настроений в советских верхах не имело под собой почвы. Выразительные факты на этот счет были представлены в ноте польского правительства от 30 марта 1931 г. (см.: О.Н. Кен, А.И. Рупасов. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. Часть I. 1928-1934. СПб., 2000. С.219-220).

⁶² Письмо И.В. Сталина Л.М. Кагановичу, [Сочи], 7.9.[1931] // О.В. Хлевнюк и др. (сост.). Указ. соч. С.88-89.

⁶³ Письмо И.В. Сталина и В.М. Молотова Л.М. Кагановичу, 5.9.1931 (автограф Сталина) // Там же. С.82. "...Если есть сколько-нибудь серьезная зацепка, ухватитесь за нее", – говорилось далее в письме. Это мутное выражение, стилистически контрастирующее с отчетливыми заявлениями самого Сталина, возможно, понадобилось ему для того, чтобы побудить Молотова согласиться с этим поручением, которое в контексте писем Сталина от 30 августа и 7 сентября становилось дополнительным указанием в пользу вступления в переговоры с Польшей.

⁶⁴ Речь К.Е. Ворошилова на митинге Ново-Сибирского железнодорожного узла 30.8.1931 (неправленая стенограмма) // РГА СПИ. Ф.74. Оп.1. Д.138. Л.195.

ли запрашивали; расписание наркома обороны во второй половине 1931 г. почти полностью исключало его участие в дискуссиях о переговорах с Польшей⁶⁵. Что же касается верного Кагановича, то он с немалым искусством отверг инвективы Сталина против антипольских везаний в Москве, интерпретировав его замечания насчет "антиполонизма" и "мелкобуржуазности" как относящееся к зарубежному "общественному мнению"⁶⁶. Тем самым спор с НКВД переносился из принципиальной области (нужен ли СССР пакт с Польшей и как добиться его заключения) в иную плоскость – с помощью каких уловок можно сохранить выгоды, полученные благодаря умелому сближению с Францией весной-летом 1931 г.?

К размышлениям на этот счет Наркоминдел вынуждали не только указания Сталина и запросы Кагановича. 29 августа близкая к МИД Франции "Le Temps" в передовой статье оспорила берлинское заявление Литвинова, указав, что поскольку советское правительство не отказалось принять проект Патека, советско-польские "переговоры реально существуют". При этом "Le Temps" обнародовала давно вынашивавшуюся Брианом концепцию: "Все заявления Литвинова не изменят того факта, что пакт о ненападении между Францией и СССР (а параллельно, разумеется, и экономическое соглашение...) будет заключен только в том случае, если Польша и Румыния будут также гарантированы от угрозы нападения со стороны СССР в форме ли непосредственного соглашения или же соглашения трех держав. Без этого условия между Москвой и Парижем не будет заключен никакой пакт"⁶⁷. В особняке НКВД на Кузнецком мосту началось отрезвление, которое усилили донесения из Варшавы об аналогичных высказываниях посла Ж. Ляроша. "Никто из нас не знает и не может утверждать, что Франция имеет действительное желание подписать с нами пакт и что она сделает это без одновременного заключения соглашения между нами и Польшей", – вынужден был признать Крестинский в записке Политбюро, которую Каганович затребовал в НКВД после получения сталинского письма от 30 августа⁶⁸. Исполняющий обязанности наркома располагал лишь "сводками откликов французской, польской и немецкой печати" на полемику вокруг перспектив польско-советского пакта. "Никаких серьезных материалов у них нет", – констатировал Каганович после встречи членов Политбюро 3 сентября, на

---

⁶⁵ Через несколько дней после возвращения 19 сентября из почти двухмесячной командировки на восток Ворошилов выехал в Ленинград и оставался там до начала октября (Протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 66 от 30.9.31. – Там же. Ф.17. Оп.3. Д.851.Л.7). Месяц спустя Политбюро постановило "разрешить т. Ворошилову отпуск с 14.XI. на 1 1/2 месяца" (Протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 74 от 10.11.31. – Там же. Оп.162. Д.11.Л.47). О беседах Ворошилова с В. Адамом (12 ноября) и Г. фон Дирксеном (12 декабря), в ходе которых нарком объяснял потребность СССР в заключении пакта с Польшей см. ниже.

⁶⁶ "Никто из серьезных людей" не поверит, что Польша является миротворцем, "но мелкобуржуазных дураков еще много". "Наши же дипломаты исходили только из необходимости успокоить немцев и, как вы предвидели в письме, поддались вою т[ак] наз[ываемого] общественного мнения и выскочили торопливо, не прощупав ничего", – с обманчивой льстивостью писал Каганович (Письмо Л.М.Кагановича И.В.Сталину, 3.9.[1931] // Там же. С.78.). Понятно, он говорил уже не о советском "общественном мнении", тем более что газетный "вой" в конце августа исходил как раз из кабинетов НКВД.

⁶⁷ Цитируется по бюллетеню ТАСС. Характерно, что в бюллетене Бюро печати полпредства СССР во Франции от 2 сентября 1931 г. эта статья была изложена в смягченной форме и снабжена уничижительным комментарием: "Ясно, что все эти условия рассчитаны на успокоение чувствительных сердец Берньюсов и Ко (П. Берньюс – дипломатический редактор "Le Journal des Debats". – О. К.). Должно быть, расчет оказался верным, ибо с тех пор господа эти, по-видимому, притихли" (АВП РФ. Ф.08. Оп.14. П.130. Д.138. Л.59). Гораздо ближе к истине было замечание Залеского о том, что председатель французского кабинета Лаваль был возмущен настойчивостью, с которой Литвинов в своем берлинском интервью повторял, что инициатива франко-советских переговоров исходила не со стороны СССР (J. Simon to W. Erskine, 10.12.1931. – PRO. FO/371/15586/N7936).

⁶⁸ Записка Н.Н. Крестинского Л.М. Кагановичу, 2.9.1931. Л.656; Телеграмма Л.М. Кагановича И.В. Сталину, [3.9.1931] // О.В. Хлевнюк и др. (сост.). Указ.соч. С.76.).

которой они "слушали сообщение НКИД". Сопоставление письма Кагановича в Сочи, написанного по следам состоявшегося обсуждения, и материалов НКИД позволяет полагать, что наряду с письменными материалами Крестинского Политбюро ознакомилось и с позицией заместителя наркома Карахана.

Положение Карахана было непростым. С одной стороны, он несомненно симпатизировал идее общего улучшения отношений СССР с Польшей. Первый посланник Советской России в Польше (1921 г.), он впоследствии "na gruncie moskiewskim odnosil się do spraw polskich w sposób rzeczowy i porówny" ⁶⁹. Весной-летом 1929 г., когда по указанию Политбюро были предприняты действия по искусственному провоцированию напряженности в отношениях с Польшей, Карахан пытался смягчить советскую линию, не стесняясь официально формулировать свое "особое мнение" ⁷⁰. По иронии судьбы, в августе 1931 г. именно Карахану как временному куратору 1-го Западного отдела пришлось в общении с польским посланником проводить недружественные Польше установки НКИД. С другой стороны, "верный чичеринец" Карахан был личным противником наркома Литвинова, и его критика линии Наркоминдела могла выглядеть попыткой свести старые счеты. Складывавшиеся в Кремле настроения тем не менее позволяли Карахану предлагать собственное решение. Если Литвинов и Крестинский в лучшем случае допускали согласованность польского демарша с Францией, то Карахану она представлялась несомненной и служила исходной посылкой при обрисовывании целей польской дипломатии и выработке соответствующих рекомендаций. Он полагал, что главными целями предложения от 23 августа являлась подготовка почвы для отказа Франции от договора с Советским Союзом, демонстрация "польского пацифизма", устранение впечатления об изолированности Польши в результате франко-советских переговоров. "Нажим на немцев" занимал в этом перечне последнее место. Такая реконструкция мотивов Польши и Франции означала, что ответная советская реакция была по меньшей мере односторонней: "Нашими коммюнике и интервью Литвинова мы сломали то острие польско-французского маневра, которое было направлено против немцев. В этом пункте мы их игру сорвали целиком... Но дав отпор полякам в этом пункте, мы пока ничего или почти ничего не сделали в отношении других сторон польского демарша. Прежде всего необходимо сбить поляков с пацифистской позиции, устранить создаваемое ими впечатление, что они хотят пакта, сделали нам предложение, а мы пакта не хотим и не отвечаем на их предложение".

"Коммюнике и пр. недостаточны, нужен ответный официальный шаг на польский демарш, – предлагал Карахан. – Наш ответ должен быть дан в письменном виде и основной тон и содержание его должны проявить наше желание и готовность подписать пакт, мы должны утверждать, что не видим трудности в самом содержании пакта, что опыт заключения и ведущихся переговоров говорит, что если есть добрая воля, не представляет трудности договориться о содержании пакта. В то же время со всей решительностью отвергнуть польские условия о прибалтах и Румынии как условия не вытекающие из пакта, необычные и являющиеся единственным препятствием к заключению пакта. Такой наш ответ сорвет маску с Польши". Наконец, подобный официальный шаг необходим и с точки зрения отношений с Францией. После выступлений в печати "сейчас Франция может говорить[:] мы вели переговоры уже уверенные, что переговоры о пакте между Польшей и СССР развиваются, теперь СССР резко оборвал [их] и отвернулся от польского предложения... Имея в руках прессу, парламент и пр. франц[узское] пра[вительство] может в связи с такими "новыми фактами" начать движение против пакта, запросы в парламенте (о чем сообщает Довгалевский) и затем сказать нам, что Франция страна демократическая и они не могут идти против своего общественного мнения, что своим отказом разговаривать с Польшей мы сделаем невозможным подписание пакта в "ближайшее время" и все дело будет по существу

⁶⁹ Karty informacyjne MSZ, [1927]. – AAN. Ambasada RP w Moskwie. T.39. S.6.

⁷⁰ См.: О.Н. Кен, А.И. Рупасов. Указ. соч, С.150, 153.

сорвано [...]. Сейчас французы могут говорить: мы хотим пакта, но СССР не хочет пакта с Польшей. Надо их лишить этой возможности"⁷¹.

Анализ Карахана и его рекомендации вызвали симпатию у членов Политбюро и были воспроизведены в шифрованной телеграмме Кагановича Сталину 3 сентября. Ее отклонения от исходного текста состояли лишь в утверждении, что стремление "напугать немцев", "заставить их пойти на политические уступки" являлось первоочередной целью польского предложения, и в более подробной обрисовке содержания ответного советского меморандума: "...Нужно совершить официальный шаг, который 1) подчеркнул бы нашу готовность заключить пакт, 2) содержал бы исчерпывающий текст пакта, приближающийся к тому проекту, который был нами вручен Польше в 1926 году с учетом элементов парафированного с Францией пакта, 3) отвергал бы и разоблачал бы нежелание Польши идти на пакт с нами с перечислением всех явно неприемлемых требований, в особенности, чтобы пакт с Польшей вступил в силу после подписания нами аналогичных пактов с прибалтами, 4) особо подчеркнул бы, что Польша выдвинула новое требование, никогда ею не выдвигавшееся, а именно, чтобы пакт с Польшей вступил бы в силу после того, как мы заключим пакт с Румынией". "Такой официальный акт, – резюмировал Каганович, – выбьет почву и затруднит Польше и Франции игру в пацифизм, а нам даст возможность перед всем миром раскрыть (их (?). – О. К.) карты. Кроме того, такой шаг затруднит Франции отступление от пакта с нами, ибо мы будем и перед Франц[узским] пра[вительством] козырять нашим предложением и сказать Франции: Вы колеблетесь из-за Польши, но вот мы готовы подписать с Польшей пакт такой же, как с Вами"⁷².

При этом ни Карахан, ни Каганович – в отличие от Сталина – не предлагали искать средства для вступления в переговоры с Польшей ради заключения договора о ненападении. Карахан считал это невозможным. Из согласованности действий Парижа и Варшавы он поэтому делал вывод: "Было бы наивно думать, что отвечая Польше на ее демарш мы обеспечиваем подписание пакта с Францией". Предлагаемый Караханом и Кагановичем "официальный акт" имел задачей соблюсти приличия и заодно обнародовать существо разногласий с поляками, что, как полагали в Москве, выставит их в неприглядном свете. "Во всяком случае, – заключал Каганович телеграмму Сталину, – наши выступления для успокоения немцев другим концом ударили по нашей пацифистской позиции, и мы должны исправить это не только через прессу, но и официальным актом Сов[етского] пра[вительства]"⁷³. В общем, на словах демонстрируя преданность Сталину, Каганович лавировал и намекал ему, что не следует горячиться и спешить с директивами насчет

⁷¹ [Запись Карахана (автограф)] (без названия и даты). – АВП РФ. Ф.08. Оп.14. П.130. Д.138. Л.109-115. Конспект этой записи сделан на обороте документа от 3 сентября (Там же. Л.100). Предположению о том, что запись Карахана должна быть датирована 3 сентября противоречит то обстоятельство, что об упоминаемой им беседе посла Ляроша с турецким послом (правильно: временным поверенным в делах Турции в Варшаве) Антонову-Овсеенко стало известно при посещении им турецкого посольства. Согласно дневнику полпреда, этот визит состоялся 4 сентября. Однако сам дневник снабжен исходящей датой 3 сентября, и, по всей вероятности, сведения о высказываниях Ляроша могли по телеграфу достичь НКВД ранее 4 сентября (Дневник полпреда В.А. Антонова-Овсеенко, 3.9.1931. – Там же. Д.137. Л.107).

Рекомендации Карахана относительно "официального шага" были воплощены в документе, подготовленном заведующим 1-м Западным отделом Райвидом (Проект меморандума польскому правительству, [б/д]. – Там же. Л.76-80).

⁷² Телеграмма Л.М. Кагановича И.В. Сталину, 3 (3-5?).9.1931. – РГА СПИ. Ф.81. Оп.3. Д.101. Л.15-17 (машинопись, без подписи, датировано 5 сентября, содержит характерные для Кагановича ошибки в пунктуации). В издании переписки между Сталиным и Кагановичем вторая часть послания (с изложением "задач польского предложения" и проектом "официального шага" СССР) не воспроизведена, и документ опубликован по сохранившемуся оригиналу телеграммы. В пользу предположения, что цитируемый текст не является частью чернового наброска, впоследствии сокращенного, свидетельствует также заключительная фраза опубликованной шифровки: "Продолжение следует" (О.В. Хлевнюк и др. (сост.). Указ. соч. С.76.).

⁷³ Телеграмма Л.М. Кагановича И.В. Сталину, 3 (3-5?).9.1931. Л.17.

доведения "до конца всеми допустимыми мерами" переговоров с Польшей о заключении договора ненападения. В результате дискуссии в Политбюро 3 сентября Наркоминделу было предложено выявить реакцию "правительственных кругов, главным образом во Франции и в особенности в Польше" и представить к 10 сентября "подробный доклад о создавшемся положении и о возможных и необходимых наших шагах"⁷⁴.

10 сентября все руководители НКВД, находившиеся тогда в Москве – Крестинский, Карахан и Стомоняков, предстали перед Политбюро. Вместо "подробного доклада" члены Политбюро получили "общие рассуждения", подкрепленные справками о переговорах 1926-1927 гг.⁷⁵ Деятели Наркоминдела могли оперировать спекулятивными предположениями относительно мотивов Франции и Польши и теми немногими сведениями, которые поступили из полпредства СССР в Варшаве. "Пока не удалось воздействовать на эндеков – уклоняются от встречи со мною, – сообщал полпред. – А линия, занятая ими в вопросе о гарантийном пакте, целиком совпадает с правительственной". Что касается последней, при посещении госсекретаря Бека Антонов-Овсеенко смог лишней раз убедиться в том, что поляки заинтересованы в возобновлении переговоров без всяких предварительных условий. "Наш проект есть именно проект и подлежит обсуждению", – заявил Бек, по существу повторив публичное заявление Патека в "Газете Польской" 26 августа⁷⁶. "НКВД пока оказался бессильным выполнить наше поручение – разведать поглубже действительные намерения польского правительства", – подытоживал Каганович дискуссию 10 сентября. – <...> НКВД внес предложение выступить нам сейчас с официальным письменным ответом на маневр Патека. Мы не приняли этого предложения"⁷⁷. Каганович еще ранее обещал Сталину, что 10 сентября "решения принимать не будем"⁷⁸. Теперь же он присоединился к мнению Сталина (высказанному в письме от 7 сентября) о том, что на исправление "грубой ошибки" НКВД "потребуется продолжительное время", заявляя: "Поэтому выступать сейчас уже без соответствующего прощупывания вряд ли целесообразно"⁷⁹. Таким образом, Каганович дезавуировал поддержанное им предложение об "официальном акте" советского правительства и продолжал лавировать. В итоге 10 сентября Политбюро ограничилось повторным требованием к НКВД представить "серьезный обстоятельный доклад в письменной форме по вопросу о том, насколько серьезны намерения Польши в переговорах о заключении с нами пакта о ненападении в связи с общим положением Польши и с группировками в правительственных и общественных кругах"⁸⁰.

Привычно твердя о фашизации Польши, советские руководители, как явствует из постановления Политбюро и материалов НКВД, в действительности не могли отделаться от ощущения, что буржуазный строй неразрывно связан с политическим плюрализмом и политику Польши определяет борьба "группировок в правительственных и общественных кругах". Не только в партийной печати, но и в документах Наркоминдела в ходу оставались "марксистские" рассуждения об экономических корнях агрессивности Польши – заинтересованности помещиков в земельных приращениях, стремлении буржуазии к

⁷⁴ Протокол № 60 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 30.8.1931. – РГА СПИ. Ф.17. Оп.162. Д.10. Л.183.

⁷⁵ Двумя днями ранее члены Коллегии НКВД провели собственное заседание, на котором, по всей вероятности договорились поддержать идею Карахана об официальном ответе СССР польскому правительству.

⁷⁶ Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову, 4.9.1931 ("о гарантийном пакте"). – АВП РФ. Ф.09. Оп.6. П.52. Д.36. Л.219, 217. Госсекретарь выразил также надежду на то, что "непосредственный контакт нашего министра с вашим народным комиссаром осветит положение..." (Там же. Л.217). Однако Залеский не проявил инициативы, а Литвинов желая обсудить проблемы двусторонних отношений, и их встреча в Женеве на этот раз не состоялась.

⁷⁷ Письмо Л.М. Кагановича И.В. Сталину, 11.9.[1931] // Там же. С.93.

⁷⁸ Письмо Л.М. Кагановича И.В. Сталину, 6.9.[1931] // Там же. С.83.

⁷⁹ Письмо Л.М. Кагановича И.В. Сталину, 11.9.[1931].С.93

⁸⁰ Протокол № 59 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 30.8.1931. – Там же. Оп.162. Д.11. Л.1.

расширению рынков. Соответственно, общенациональные задачи – обеспечение целостности и независимости Польши – оказывались в тени. Лишь немногие усматривали проблему не в "классовой природе", а в особенностях политического уклада Польши по сравнению с западными демократиями. "Если бы Польша была страной с нормальным демократическим строем, то можно было бы судить о том, каковы намерения правительства, но при существующем положении Советы совершенно не ведают, каковы планы маршала Пилсудского", – передавал французский посол Ж. Эрбетт слова Литвинова, сказанные ему при прощальной встрече в марте 1931 г. (когда Эрбетт указал на хорошие отношения СССР с фашистской Италией, Литвинов ответил: "Именно, что и в этом случае мы также совсем не знаем, каковы намерения Муссолини")⁸¹. Ян Ковалевский усматривал в этих рассуждениях Литвинова проявление его общего подхода к взаимосвязи внутренней и внешней политики в охваченной кризисом Европе и напоминал о другом недавнем высказывании наркома: "При нынешней политической конъюнктуре мы верим в то, что у Польши нет агрессивных намерений в отношении СССР, но мы предвидим изменение расстановки политических сил в Европе – и это изменение может сказаться на настроениях в Польше. На этот случай мы хотим иметь гарантию в форме пакта о ненападении"⁸². Однако после того, как появилась возможность получить гарантии ненападения со стороны великой державы – Франции, у Литвинова попросту пропал интерес к аналогичному пакту с ее союзницей.

Авторы проекта доклада НКВД в Политбюро (заведующий 1-м Западным отделом Райвид и референт Николаев) и обсуждавшие его Карахан и Крестинский испытывали немалые колебания. С одной стороны, в НКВД придавали несоразмерное значение позиции народовцев (и требовали от варшавского полпредства побольше материалов на этот счет) и придавали значение слухам о том, что позиция Залеского и Бека отлична от мнения Пилсудского. С другой стороны, в итоговый текст доклада была внесена (вероятно, Литвиновым, появившимся в НКВД 15 сентября) здравая констатация: "Было бы неправильно предполагать, что внешняя политика Польши может зависеть от отношения к ней тех или иных политических партий. Направление внешней политики целиком определяется планами диктатуры Пилсудского, поскольку буржуазная оппозиция в Польше чрезвычайно слаба, а в пределах правительственного лагеря законом является воля Пилсудского и его ближайшего окружения..." При редактировании исчезло жесткое заявление о том, что "остаётся в полной силе" программа Пилсудского по отторжению от СССР Советской Белоруссии и Советской Украины во имя создания великой Польши, а ухудшение отношений между Польшей и Германией является лишь преходящим эпизодом. Его заменило вялое упоминание о стремлении правящих кругов "к осуществлению известных федералистических идей Пилсудского". Рассмотрение всевозможных факторов польской политики приводило к выводам о "серьезной озабоченности правящих кругов Польши" (прежде всего – "крупным сдвигом в соотношении военных и политических сил между СССР и Польшей") и о том, что "польское правительство не ставит своей задачей немедленную войну против СССР". Отсюда оставался лишь шаг до признания заинтересованности Польши в пакте ненападения с Советами, но руководители НКВД вместо того оценили польскую инициативу как "пацифистские жесты", которые, "вероятно, продиктованы ожиданием для польского правительства лучших времен".

Этот тезис (сформулированный, скорее всего, Литвиновым) фактически перечеркивал итоговую рекомендацию первоначального проекта доклада в Политбюро. Вслед за похвалами "ответной акции" НКВД (которая "разоблачила польскую тактику", "успокоила находящуюся

⁸¹ Справедливости ради отметим, что это воззрение было сформировано не только впечатлениями от десяти лет эмиграции в Англии и Франции, не только антипатией к личности Пилсудского и всякого рода "военщине", но и опытом трудных сношений с советским диктатором. Пятнадцатилетняя Елизавета Суриц на всю жизнь запомнила, с какой язвительностью – не смущаясь ее присутствием – Литвинов именовал Сталина "хозяином" во время женевских прогулок с ее отцом в 1937 г. (Интервью с Е.Я. Суриц. Москва, 17.11.1998).

⁸² Raport J. Kowalewskiego do Szefu Oddziału II Sztabu Głównego, Moskwa, 13.3.1931. – AAN. Attache wojskowi w Moskwie. T.93. S.354.

в большой тревоге Германию" и т. д.), Райвид и Карахан предлагали (и Крестинский, как будто, не возражал) подтвердить свою прежнюю позицию: "Этим самым, однако, осуществлена лишь одна часть нашей внешнеполитической задачи в отношении Польши. Вторая часть должна заключаться в том, чтобы в соответствующее, благоприятное для этого время, выявить нашу готовность к заключению советско-польского пакта о ненападении и тогда окончательно разоблачить антисоветские планы правительства Пилсудского". Авторы этого шедевра "политической корректности" оставляли открытым вопрос, идет ли речь об эффективном пропагандистском ходе или о прикрытом трескучими фразами отступлении с занятых в августе позиций. В любом случае, они явно стремились сгладить разногласия НКИД с Политбюро.

Литвинов, напротив, решил дать отпор некомпетентному, на его взгляд, вмешательству Политбюро в иностранные дела. Женевские наблюдения утвердили его во мнении, что поиск договоренности с Польшей излишен. Высказывания французского делегата Р. Массильи "о желательности улучшения наших [СССР] отношений с Польшей, иначе Франция попадет в трудное положение", Литвинов прокомментировал: "Исполняют какой-то неприятный долг", под "улучшением отношений" "можно понимать избежание полемики". На самом же деле Польша "попала в неловкое положение даже перед Францией". Бриан и вовсе не искал встречи с Литвиновым, что "доказывает равнодушие его к польским проискам, иначе он пожелал бы поговорить со мной о польско-советских предложениях"⁸³. В результате абзац, предложенный аппаратом НКИД, был снят, и докладная записка приобрела следующее завершение: "Понятно, что наша позиция была бы еще сильнее, если бы мы в наших выступлениях подробно разоблачили те условия, которыми Польша сделала невозможным заключение пакта с СССР. Однако опубликование и критика этих условий в тот момент еще больше бы усилили полемику с Польшей, в которой мы не были заинтересованы"⁸⁴. В общем, Политбюро оставалось лишь поблагодарить Наркоминдел и отказаться от дальнейшей критики его действий.

В дополнении к этому документу Литвинов, "ввиду крайней серьезности проблемы польско-советских отношений, затрагивающих основы всей нашей внешней политики", счел "необходимым изложить вкратце свою точку зрения на эту проблему". "Предпосылкой к обсуждению" отношений с Польшей он предлагал считать следующие "совершенно бесспорные" положения. "Из Западных государств Германия является не только первой, но и единственной страной, установившей с нами полностью нормальные дипломатические отношения", и проявляет наибольшую заинтересованность в экономическом сотрудничестве с Советским Союзом. Именно "о крепкий утес наших взаимоотношений с Германией" разбивались "попытки создания единого капиталистического фронта против СССР". Ослабление антагонизма между державами Согласия и Германией приводит к утрате этого фактора как важнейшей скрепы рапалльского сотрудничества, но, с другой стороны, "начатая Штреземаном политика сближения с Францией лишает Германию возможности продолжать считать отношения между СССР и Францией серьезным фактором советско-германских отношений", что придает Москве новую степень свободы.

"Иначе обстоит дело со вторым фактором рапалльской акции": в отношении Польши "Германское правительство твердо отстаивает свой курс непримиримости" и потому "не

⁸³ Из женевских телеграмм [Заметки Л.М. Карахана, не позднее 20.9.1931]. – АВП РФ.Ф.08.Оп.14. П.130. Д.138. Л.89.

⁸⁴ Экономическое и политическое положение Польши в связи с предложением пакта о неагрессии [В Политбюро ЦК ВКП(б)], 15.9.1931. – Там же. Ф.0122. Оп.15. П.154. Д.2. Л.256-237 (неподписанный экземпляр 1-го Западного отдела); Там же. Ф.09. Оп.6. П.52. Д.40. Л.105-124 (экземпляр Стомонякова); Экономическое и политическое положение Польши в связи с предложением пакта о неагрессии (В Коллегию НКИД), 14.9.1931.– Там же. Ф.0122. Оп.15. П.154. Д.2. Л.119-101 (экземпляр 1-го Западного отдела); Экономическое и политическое положение Польши в связи с предложением пакта о неагрессии (В Коллегию НКИД), 14.9.1931.– Там же. Ф.08. Оп.14. П.130. Д.137. Л.122-144 (экземпляр Карахана); Записка Н.Н. Крестинского Н.Я. Райvidу, 16.9.1931. – Там же. Ф.0122. Оп.15. П.154. Д.2. Л.257.

может не придавать огромнейшего значения отношениям СССР с Польшей". Их "серьезное изменение" "автоматически влечет за собой со стороны Германии отказ от рапалльской политики и изменение, в сущности, советско-германских политических взаимоотношений". Неразрешимость вопроса о долгах и идеологическая антиверсальская установка СССР сильно ограничивают возможности сотрудничества с Францией даже после подписания с нею пакта о ненападении и торгового договора; перспектива прихода к власти в Англии консерваторов фактически исключает сближение с нею; "Италия не захочет оставаться единственной европейской страной, поддерживающей с нами приличные отношения". Утрата Германии в качестве стратегического партнера поэтому была бы невосполнима. Обращаясь к отношениям СССР с соседними западными государствами нарком указывал на десятилетние усилия Польши по "оформлению блока с Прибалтийскими странами и созданию для себя положения гегемона во всех государствах от Финляндии до Румынии". В результате "и без формального союза, в случае военного столкновения между нами и Польшей, последней рано или поздно придут на помощь Прибалтийские страны"; теперь Польша борется за заключение "общей военной конвенции", которая бы позволила ей "обеспечить себе командующую роль по всей нашей западной границе с самого начала столкновения". "Главным, если не единственным, препятствием в осуществлении такой политико-военной задачи Польши является непримиримость Литвы", – напоминал Литвинов. – <...> Это упорство Литва может проявлять только опираясь на СССР и Германию. <...> Достаточно измениться советско-германско-польским отношениям, чтобы не только полонофильские, но и другие партии в Литве почувствовали себя лишенными опоры и вынужденными идти на соглашение с Польшей". Тогда СССР окажется перед лицом "политического или даже военного финско-эстонско-латвийско-литовско-польско-румынского союза".

Вслед за этим М.М.Литвинов напоминал основные эпизоды дискуссий с Польшей о пакте ненападения после прекращения в 1927 г. официальных переговоров на этот счет. Ссылаясь на свои женеvские беседы, он уверял, что советские опровержения конца августа 1931 г. не только успокоили Берлин и Ковно, но не оказали никакого негативного влияния на переговоры СССР с Францией. "Я был поэтому крайне удручен и поражен, когда узнал, что наше опровержение вызвало недовольство в Москве, – переходил в наступление нарком. – ...Мы сорвали польский трюк. И какие основания думать, что наша акция имеет какие-либо отрицательные последствия, если не считать недовольства польской и отчасти французской прессы? Решительно никаких. Не в наших интересах помогать Польше получить иностранные займы, выжимать из Румынии новые уступки или помогать германской социал-демократии, толкающей Германию на дальнейшее сближение с Францией и Польшей. Именно поэтому НКВД и раньше опровергал неоднократно вздорные польские слухи о переговорах без всяких возражений с чьей бы то ни было стороны. Непонятно, почему на этот раз опровержение признается неправильным поступком".

Резюмирующая часть документа была посвящена будущим возможным акциям СССР. Еще более категорично, чем Крестинский, Литвинов заявлял, что "ни в коем случае Польша не может быть причиной срыва переговоров и неподписания пакта с Францией", однако тут же признавал, что "она может нажать на Францию, чтобы та потребовала от нас одновременного заключения пакта с Польшей". "Если мы уже решились на пакт с Польшей..." – начал следующую фразу Литвинов и, спохватившись, исправил форму глагола на "решимся". Допуская, что выводы Политбюро относительно вступления в переговоры с Варшавой о договоре ненападения уже предрешены, он предлагал в том случае "сделать это в качестве уступки Франции". Сам он предпочитал ("в случае надобности") сделать аналогичную "уступку Франции в области наших отношений с Румынией", а не с Польшей⁸⁵. В любом случае, "мы должны, однако, ждать соответствующих предложений от Франции".

---

⁸⁵ Эти соображения отражали старую позицию Литвинова о желательности достичь примирения с Румынией путем признания ее прав на Бессарабию (см.: О.Н. Кен, А.И. Рупасов. "Нам нечего торопиться вынимать из румынской ноги бессарабскую занозу": Переписка Х. Раковского с М. Литвиновым // Источник: Документы русской истории. 2001. № 1. С.46-62.

Нарком не видел "необходимости предпринимать какие бы то ни было шаги" и по отношению к Польше. Он отказывался принимать всерьез вручение Патеком проекта пакта и утверждал даже, что поскольку "ни один представитель Польши не говорил нигде публично о том, что польское правительство нам сделало предложение и что оно хочет возобновить переговоры", сообщения об этом агентства ПАТ следует отнести на счет "безответственной польской прессы". "Может быть, – примирительно заканчивал записку Литвинов, – в результате всестороннего рассмотрения вопроса мы придем к заключению о необходимости пожертвовать другими соображениями в пользу пакта, но, повторяю, сейчас этот вопрос перед нами не стоит. <...> Переговоры с французами возобновятся не раньше октября и, таким образом, у нас будет достаточно времени для обдумывания всей проблемы. Конкретные решения я предлагаю обсудить и принять только тогда, когда вопрос встанет перед нами конкретно"⁸⁶.

Разведывательный "материал", поступивший 18 сентября из ОГПУ, скорее подтверждал оценки Литвинова. "По сведениям лица, близко стоящего к польскому МИД, внешнеполитические задачи польской политики в последнее время характеризуются большей пассивностью, чем раньше, – говорилось в записке ОГПУ. – <...> С Парижем сейчас ведутся переговоры о заключении с СССР договора о ненападении. <...> Работа эта считается в нынешнем году самой главной. Рассчитывают, что она укрепит французскую систему союзов и объединит с Польшей лимитрофные государства". Утверждая, что Польша ведет серьезную подготовку к заключению пакта с Россией, агент Иностранного отдела ОГПУ вместе с тем оценивал ее как часть французского плана по "привлечению Германии на свою сторону". "В Варшаве говорят, что Париж ожидает, что Германия в этом году под влиянием кризиса очутится в безвыходном положении и что тогда будет легко достигнуть с ней компромисса и заставить отказаться от дружбы с СССР. На этом и основан весь расчет"⁸⁷.

Направляя Сталину "послание Литвинова о Польше", Каганович докладывал: "Должен Вам сказать, что из беседы с Литвиновым я еще более убедился в его своеобразном "германофильстве". Мы, говорит он, "сейчас танцуем на германской ноге", поскольку с французами ничего пока нет. Он не понимает, что мы не можем свою дипломатию подчинить одним отношениям с Германией, и вообще после его приезда из Женевы он производит впечатление человека чересчур самовлюбленного и уверенного в своем "величии"..."⁸⁸ Действительно, на заседании Политбюро 20 сентября Литвинов говорил без обиняков. "Я знаю лучше, а вы здесь ничего не знаете", – заявил он (согласно записи Карахана). Литвинов доказывал опасность отчуждения Германии от СССР: "пакт с Польшей – гарантия границ". Франция "не раскрывает карты"; "мы должны дать ответ", но "пока Франция не скажет, мы не должны"⁸⁹.

Наркому оппонировал его заместитель Л. Карахан. "Фр[анция] Польшу не бросит" и для заключения пакта с Парижем СССР придется, как минимум, пойти на "признание переговоров и ведение переговоров" с Польшей. Вся польская политическая элита едина "в вопросе о пакте", национальные демократы поддерживают правительство. Поляки ставят вопрос ребром: "Россия должна выбирать" – "либо с Фр[анцией] и Польшей, или с Германией". Карахан не был склонен сбрасывать со счетов опасность разрыва советско-германского политического сотрудничества, но протестовал против того, чтобы сводить "всю внешнюю политику" "к одному "узлу" [–] Германии – она якорь спасения СССР, все должно быть подчинено этому "узлу"". "Неверно. Германия – лишь один из главных утесов... Л[итвинов] переоценивает значение Г[ермании] и не учитывает или недооценивает значение

⁸⁶ Записка М.М. Литвинова Л.М. Кагановичу (копии членам Политбюро), 15.9.1931. Л.240-254.

⁸⁷ [Сообщение ИНО ОГПУ] № 341412 (без названия, даты, подписи). – АВП РФ. Ф.08. Оп.14. П.130. Д.138.Л.88-88об. (приложено к: Сопроводительное письмо Начальника ИНО ОГПУ А.Х. Артузова Л.М. Карахану, 18.9.1931. – Там же.Л.76).

⁸⁸ Письмо Л.М. Кагановича И.В. Сталину, 16.9.[1931] // О.В. Хлевнюк и др. (сост.). Указ. соч. С.107 (курсив мой).

⁸⁹ "Литвинов 20/9 в ПБ" [Заметки Л.М. Карахана]. – Там же. Ф.08. П.130. Д.138. Л.92.

других факторов". "Л[итвинов] сводит все к отношениям Германии к Польше", утверждая, что "Германия может примириться с Францией, она может примириться с урегулированием наших отношений с Фр[анцией], но с Польшей никогда. Он забывает, что польский вопрос есть французский вопрос. Коридор разве это только польский вопрос, это в большей степени французский вопрос". Карахан соглашался с Литвиновым, что "игра", которую ведут Париж и Варшава, "неясная", даже "двойная", но все же это "одна и та же игра, только ходят разными картами", и расчет на франко-польские разногласия иллюзорен. Поэтому необходимо направить Польше меморандум, цель которого – "не заключение пакта и не на условиях Польши", а, во-первых, "планомерно подчеркнуть политику мира (ибо наш ушат холодной войны – против нашей пацифистской позиции, которая не исключает Польшу)", и, во-вторых, заставить французов и поляков "раскрыть карты", "помочь выяснению позиций и успокоить"⁹⁰.

В итоге Политбюро постановило "отвергнуть установку т. Литвинова". "Исходя из прежних решений Политбюро о необходимости добиться заключения пакта с Польшей, – говорилось в резолюции, – предложить НКВД в 2-х декадный срок представить в Политбюро свои соображения о мероприятиях, необходимых в связи с этим в данное время"⁹¹. Тем самым решение высшего советского руководства напоминало о директиве четырехлетней давности: "Поручить НКВД в переговорах с Польшей исходить из необходимости доведения их до успешного конца"⁹². Поэтому создается впечатление, что Политбюро отвергло не только "установку" Литвинова, но и предложение "сорвать маску с Польши" – вручить ей "пацифистский" меморандум с констатацией расхождений между Москвой и Варшавой, и фактически предредило вступление СССР в переговоры о заключении с Польшей пакта ненападения. Такая интерпретация, однако, противоречит отчету Кагановича перед Сталиным. "*Никаких решений по существу не приняли, поручили ему [Литвинову] в течение двадцати дней подработать вопрос и вероятно уж обсудим его в Вашем присутствии*", – с видимым облегчением рапортовал Лазарь Каганович⁹³. «...В принципе решено, что необходимо реагировать еще как-то официально на известный шаг Патека, причем реагировать таким образом, чтобы не затруднять эвентуального заключения пакта с Польшей», – говорилось в инструктивном письме Наркоминдела⁹⁴.

Вероятно, мы никогда в точности не узнаем, приняло ли высшее советское руководство окончательное решение вступить в переговоры с Польшей до того, как 23 сентября 1931 г. в Москву пришло известие об изменении официальной позиции Франции.

⁹⁰ [Заметки Л.М. Карахана]. – Там же. Л.94-98.

⁹¹ Протокол № 63 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 20.9.1931. – РГА СПИ. Ф.17. Оп.162. Д.11. Л.9.

⁹² Протокол № 94 (особый № 72) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 7.4.1927. – Там же. Д.4. Л.98.

⁹³ Письмо Л.М. Кагановича И.В. Сталину, 21.9.[1931] // О.В. Хлевнюк и др. (сост.). Указ. соч. С.113 (курсив мой). Не исключено, конечно, что Каганович не понял сокровенного смысла постановления Политбюро. В заседании 20 сентября принял участие вернувшийся от Сталина Молотов. Давний недруг Литвинова, председатель Совнаркома мог позаботиться о том, чтобы основательно закрепить в решении Политбюро неприятную для руководителя НКВД идею заключения пакта с поляками и заодно намекнуть на его самоуправство – игнорирование "прежних решений Политбюро".

⁹⁴ Письмо Л.М. Карахана и Н.Я. Райвида В.А. Антонову-Овсеенко, 26.9.1931. – АВП РФ. Ф.0122. Оп.15. П.154. Д.2. Л.263. Письмо открывалось сообщением о заявлении Бертелло 23 сентября (см. ниже), что побуждало авторов скорее преувеличивать, нежели преуменьшать содержательное наполнение формулировок Политбюро.

3. Решение Политбюро и переговоры с Польшей о пакте ненападения (октябрь 1931 – январь 1932 г.)

В Москве все больше тревожились молчанием французской дипломатии. 8 и 20 сентября в повестку Политбюро вносился вопрос о состоянии переговоров с Францией, касающихся подписания согласованного договора о ненападении и подготовки коммерческого соглашения. "Ввиду отсутствия новых сведений" выработка директив откладывалась⁹⁵. Литвинов поручил полпреду во Франции Валериану Довгалевскому посетить своего главного контрагента – генерального секретаря МИД Филиппа Бертело, чтобы сдвинуть советско-французские переговоры с мертвой точки. Ровно через месяц после последнего визита Патека в Наркоминдел полпред СССР явился в МИД Франции. Бертело "отложил беседу по существу франко-советских переговоров до начала октября", заявив тем не менее, что подписанию франко-советского пакта "должно предшествовать или сопутствовать заключение польско-советского пакта". "Новое требование Бриана" он обосновывал "главным образом тем соображением, что общественное мнение Франции истолкует факт заключения пакта между СССР и Францией в том смысле, что Франция бросила Польшу на произвол судьбы"⁹⁶. Прогноз Литвинова оказался ошибочным – сбывались предсказания Карахана. Это не поколебало наркома в оценке основных тенденций политики Франции и Польши: "Ниоткуда не следует, что французы с самого начала имели ввиду навязать нам пакт с Польшей", и заявление Бертело, очевидно, вызвано "нажимом, произведенным поляками". "Не думаю, – продолжал Литвинов, – что и теперь Польша (т. е. Пилсудский, ибо решает он, а не Залеский) действительно стремится к подписанию пакта с нами". Тем не менее, узнав о заявлении Бертело, Литвинов без промедления признал свое поражение. "У нас пока нет решения о вступлении в переговоры с Польшей, – писал он в Варшаву. – <...> Возможно, что будет признано предпочтительным придать переговорам с Польшей характер нашей уступки Франции. Такая постановка вопроса имеет... и ту выгоду, что Франция не сможет заставить нас принять навязываемые нам Польшей условия, которых от нас и сама Франция не требовала"⁹⁷.

30 сентября Политбюро поручило НКВД "выяснить дополнительно положение с пактом и внести к следующему заседанию Политбюро свои предложения о дальнейших шагах"⁹⁸. "Последнее заявление Бертело тов. Довгалевскому, – докладывал Литвинов Политбюро, – несомненно нарушает имевшуюся договоренность о несвязывании подписания пакта какими бы то ни было условиями". Правда, французы и раньше говорили, что пакт не будет подписан до достижения соглашения о советских заказах, "теперь, однако, Бертело выставил совершенно новое условие об одновременном и предварительном подписании советско-польского пакта или хотя бы получении уверенности в шансах подписания его"⁹⁹. Взамен Москве сообщалось, что французская дипломатия взялась убедить поляков отказаться от ведения переговоров на основе польского проекта. Бриан и Бертело заявили министру иностранных дел Польши (посетившему в начале октября Париж) "о желательности заключения польско-советского пакта в редакции, аналогичной франко-советской"¹⁰⁰.

⁹⁵ Протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 63 от 30.9.1931. – РГА СПИ. Ф.17. Оп.3. Д.849. Л.2.

⁹⁶ Телеграмма В.С. Довгалевского в НКВД, 23.9.1931 // ДВП СССР. Т.14. С.535-536; Выписка из письма В.С. Довгалевского М.М. Литвинову, 2.10.1931. – АВП РФ. Ф.09. Оп.6. П.52. Д.40. Л.125.

⁹⁷ Письмо М.М. Литвинова В.А. Антонову-Овсеенко, 26.9.1931. – Там же. Ф.0122. Оп.15. П.154. Д.2. Л.266; аналогичные соображения см.: Выписка из письма М.М. Литвинова В.С. Довгалевскому, 5.10.1931. – Там же. Ф.09. Оп.6. П.52. Д.40. Л.131

⁹⁸ Протокол № 66 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 30.9.1931 ("О Франции"). – РГА СПИ. Ф.17. Оп.162. Д.11. Л.17.

⁹⁹ Записка М.М. Литвинова Л.М. Кагановичу [копии членам Политбюро], 9.10.1931. – АВП РФ. Ф.010. Оп. 4. П.21. Д.63. Л.219.

¹⁰⁰ Мысль об этом французам подал Довгалевский 23 сентября – прежде, чем получил такое же указание Литвинова (см.: Выписка из письма В.С. Довгалевского М.М. Литвинову, 2.10.1931. Л.125).

"Франко-советский текст был дан Залескому для ознакомления, и Залеский заявил, что он кажется ему приемлемым"¹⁰¹. В действительности, польский министр не прикасался к этому тексту и не взял на себя никаких обязательств ("т. е. одобрил текст для Франции, а отнюдь не для Польши")¹⁰². С другой стороны, и французская дипломатия не стремилась навязать Варшаве следование условиям франко-советского договора¹⁰³.

В начале октября все, однако, указывало на готовность французов заплатить обиженной Москве за вступление в переговоры с Польшей, добившись от нее согласия взять за образец будущего договора пакт СССР и Франции. По всей вероятности, Литвинов рассчитывал, что такой подход либо заставит поляков отказаться от принципа "круглого стола" и других неприятных Москве условий, либо побудит Францию отказаться от жесткого увязывания ее пакта с СССР с польско-советскими переговорами.

На заседании Коллегии НКВД 8 октября обсуждались два варианта действий. Максим Литвинов предлагал "заявить Бертело, что мы ожидаем теперь от Польши официального и формального подтверждения приемлемости для нее текста советско-французского пакта, в результате чего польско-советский пакт мог бы быть скорейшим образом подписан... Такая тактика имеет то преимущество, что Польша будет вынуждена либо сразу раскрыть свои карты, либо оттягивать свой ответ не нам, а самой Франции. Этот путь наиболее убедительным образом докажет и Франции и всеми миру, кто является виновником односторонней оттяжки и саботажа". "Если этот путь отвергается", нарком соглашался пригласить в НКВД руководителя польской миссии и, "сославшись на переданное нам заявление Бертело о приемлемости для Польши текста советско-французского пакта, просить скорейшего официального подтверждения этого заявления, изъявив с нашей стороны согласие на подписание такого пакта"¹⁰⁴. Николай Крестинский соглашался с "тактическими преимуществами первого пути"¹⁰⁵.

Третий участник заседания Коллегии Лев Карахан, "отстаивавший наше непосредственное обращение к Польше и возражавший против первого варианта", оспорил аргументы Литвинова в собственном обращении к Политбюро. Карахан с большим скептицизмом оценивал роль Франции в предстоящих переговорах. "Действовать через Францию – это не прямой и не отчетливый путь. Он облегчит полякам и французам их игру, даст лучшую возможность для всяческих затяжек с их стороны, тогда как "делая прямое предложение" Польше, СССР может "сгладить впечатление от отпора, который мы дали полякам после вручения Патеком польского проекта пакта", "припереть поляков к стенке и укрепить нашу позицию в отношении Франции". Если Литвинов предлагал в случае обращения к Польше, "во избежание всяческих искажений", вручить Патеку или Зелезинскому письменное заявление, то его заместитель настаивал, что информировать французов о советском демарше также следует в письменной форме, "чтобы затруднить им дальнейшее вранье"¹⁰⁶.

---

¹⁰¹ Телеграмма В.С. Довгалецкого М.М. Литвинову, 6.10.1931 // ДВП СССР. Т.14. С.562.

¹⁰² Телеграмма М.М. Литвинова В.С. Довгалецкому, 15.11.1931 // Там же. С.656. Согласно объяснению министра, которое Патеком в ноябре пересказал Литвинову, на запрос Бертело Залеский ответил, что "не находит в советско-французском пакте никаких моментов, противоречащих интересам Польши", и "совсем не было речи о том, чтобы Польша могла подписать пакт о неагрессии по французскому образцу" (Записи бесед М.М. Литвинова с С.Патеком, 14 и 15.11.1931 // Там же. С.647, 657). Выяснилось также, что парафированный текст договора был передан поверенному в делах Польши во Франции (Телеграмма В.С. Довгалецкого М.М. Литвинову, 20.11.1931 // Там же. С.666-667).

¹⁰³ Телеграмма В.С. Довгалецкого М.М. Литвинову, 17.11.1931 // Там же. С.660.

¹⁰⁴ Записка М.М. Литвинова Л.М. Кагановичу, 9.10.1931..Л.220.

¹⁰⁵ Выписка из протокола № 56 заседания Коллегии НКВД от 8.10.1931. – АВП РФ. Ф.08. Оп.14. П.130. Д.137.

¹⁰⁶ Записка Л.М. Карахана Л.М. Кагановичу (копии членам Политбюро), 9.10.1931. – Там же. Л.222-223.

10 октября Политбюро под руководством Сталина¹⁰⁷ завершило эту дискуссию, постановив: "Признать целесообразным одновременное обращение НКВД как к Бертело, в ответ на его запрос, так и к полякам". Политбюро согласилось с рекомендацией Наркоминдела не вручать полякам парафированный текст советско-французского пакта в качестве нового проекта советско-польского договора о ненападении¹⁰⁸, а ограничиться кратким письменным заявлением¹⁰⁹.

Материалы НКВД и Политбюро, относящиеся к концу сентября – началу октября, поражают своей сосредоточенностью на тактических вопросах и полным отсутствием принципиальных аргументов за и против вступления в переговоры с Польшей. Лишь отчасти это можно объяснить тем, что основные проблемы советской политики в сентябре уже были обсуждены на Кузнецком мосту и Старой площади и Политбюро, вслед за Сталиным, отвергло принципиальные возражения против нормализации отношений с Польшей. При всей своей самоуверенности в международно-политической области Сталин и другие советские вожди оказались способны лишь на общие оценочные суждения и были бессильны предложить дипломатическое решение. На протяжении трех недель они тщетно понуждали Наркоминдел двигаться в желаемом направлении. Реального продвижения к пакту с Польшей не происходило – и не произошло до тех пор, пока французская дипломатия не обусловила развитие отношений между Францией и СССР достижением польско-советского соглашения. Заявления Бертело мгновенно устранили основные разногласия между Литвиновым и Сталиным, НКВД и Политбюро¹¹⁰ и поставили в порядок дня практическую работу по организации переговоров между Москвой и Варшавой. По всей вероятности, ради сближения с Францией Наркоминдел принял бы ультимативно предложенный ею образ действий в отношении Польши даже в том случае, если бы высшее политическое руководство СССР оказалось совершенно индифферентно к перспективе заключения с поляками пакта о ненападении. По существу, решение о вступлении в переговоры было принято не в Москве или Сочи. Оно было принято в Париже, и сталинскому Политбюро оставалось лишь придать ему должную форму и определить тактическую линию советской дипломатии. Упоминание в резолюции Политбюро о "запросе Бертело", быть может, отражало смущение, вызванное осознанием этого факта: судя по имеющимся документам, ни с каким "запросом" к Москве генеральный секретарь МИД Франции не обращался.

К 14 октября Литвинов, как предписывало постановление Политбюро, согласовал со Сталиным и Молотовым текст заявления советского правительства. Оно открывалось ссылкой на сообщения Довгалецкого и Залеского руководителям французской дипломатии о согласии их правительств вести переговоры на основе парафированного франко-советского текста. Подтверждая "готовность Советского Правительства к подписанию такого пакта" с

---

¹⁰⁷ Этот день стал первым рабочим днем Сталина после отпуска; вопрос о пакте с Польшей был внесен в повестку заседания 10 октября еще в предыдущем месяце. Возможно, Сталин специально приурочил свое возвращение в Москву к этому обсуждению.

¹⁰⁸ Статья 1 пакта с Францией упоминала о подмандатных территориях и колониях, а статья 4 ссылалась на "совокупность территорий, определенных в 1-й статье", что, замечал Литвинов, "либо к Польше не может быть применимо, либо же может быть воспринято как гарантирование польского коридора и протектората над Данцигом, т. е. как подтверждение Версальского договора". "Если мы, однако, внесем хоть малейшие поправки, – опасался он, – это даст повод Польше со своей стороны вносить поправки и таким образом вновь проявить свое мастерство в бесконечном затягивании переговоров" (Записка М.М. Литвинова Л.М. Кагановичу, 9.10.1931. Л.221). Поэтому подготовленные в НКВД новые проекты договора между Советским Союзом и Польшей оказались невостребованными (см.: Проект договора о ненападении между СССР и Польшей, 3.10.[1931]. – Там же. Ф.0122. Оп.15. П.154. Д.2. Л.269-267; Договор о ненападении. Проект. 10.10.1931. – Там же. Л.270-273).

¹⁰⁹ Протокол № 68 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 10.10.1931. – РГА СПИ. Ф.17. Оп.162. Д.11. Л.23.

¹¹⁰ Ср. цитированные выше постановления Коллегии НКВД и Политбюро от 8 и 10 октября соответственно.

Польшей, "г-н Литвинов просил поэтому г. Поверенного в Делах не отказать снести с Варшавой и сообщить ему, готово ли Польское Правительство подписать с Советским Правительством такой же пакт о ненападении, какой парафирован советско-французскими уполномоченными". 14 октября Литвинов вручил это заявление временному поверенному в делах Польши в СССР А.Зелезинскому. Послу СССР во Франции поручалось передать его Бертело, "объяснив, что ввиду интереса, проявленного французским правительством, и в интересах скорейшего разрешения вопроса, Вы обращаетесь за содействием к Бертело"¹¹¹. Таким образом, соломоново постановление Политбюро об "одновременном обращении НКВД как к Бертело..., так и к полякам" было трансформировано (надо полагать, под давлением Сталина) в пользу подхода, отстаивавшегося Караханом. По своей форме и существу заявление 14 октября явилось нотой польскому правительству. Вместо того чтобы служить выяснению базы двусторонних переговоров, этот документ фактически их возобновлял и Польше вовсе не было нужды давать ответ "самой Франции" (как предлагал Литвинов). Комментируя мотивы и ожидаемый эффект заявления 14 октября, Литвинов и Стомоняков (вернувшийся к своим обязанностям члена Коллегии) пытались делать хорошую мину при плохой игре: оно "передает инициативу дальнейшего развития вопроса о гарантийном пакте с Польшей опять в наши руки и парализует тем самым дальнейшие попытки польского правительства создавать шумиху вокруг патековского "предложения" от 23 августа. Этим заявлением мы заставим, несомненно, поляков раскрыть свои карты и спутаем их игру, направленную к срыву нашего пакта с Францией". Руководители НКВД подчеркивали конфиденциальность советского заявления; НКВД воздержался от информирования о нем немцев – "в надежде на то, что поляки, наученные горьким опытом, не поспешат на этот раз протрубить о новых переговорах"¹¹².

Варшава не только не "протрубила", но и затягивала ответ (на это повлияли и попутные обстоятельства – отъезд Пилсудского, болезнь Залеского и др.). Польская пресса проявляла исключительную сдержанность в обсуждении перспектив пакта. На запрос французского посольства представители МИД Польши поясняли, что она, вероятно, подтвердит свои предложения от 23 августа. По словам Бертело, "у французов осталось впечатление, что в Варшаве имеются две линии по вопросу о заключении пакта... Линия МИД при этом, конечно, более мягкая, а линия Пилсудского фактически против заключения пакта"¹¹³. В Наркоминделе зарождалась надежда, что политическое руководство откажется от курса на переговоры с поляками. Из последнего сообщения Бертело член Коллегии Стомоняков предлагал сделать два вывода, каждый из которых ставил под сомнение целесообразность принятых решений: "1) у Польши и Франции нет такой тесной согласованности в отношении СССР, как это часто предполагается, и 2) подтверждается неоднократно делавшийся у нас в последние пять лет в НКВД и, в частности, мною, вывод, что Пилсудский является противником пакта и всяких договоров с нами, чтобы не создавать демобилизационных настроений в Польше, не связывать себе рук и вообще иметь возможность использовать первый подходящий момент для войны с Советским Союзом. Пилсудский позволяет своей дипломатии (или, может быть, иногда даже сам ей предписывает) от поры до времени (sic) делать всякие миролюбивые заявления и предпринимать пацифистские маневры в отношении СССР, рассматривая все это как дымовую завесу для прикрытия вооружения Польши и приготовления к войне, которую он считает своей исторической миссией"¹¹⁴. Похоже, Литвинов был с этим согласен. Дороги

¹¹¹ Запись беседы М.М. Литвинова с А. Зелезинским, 14.10.1931 [Приложение] // ДиМСПО. Т.V. С.501; Телеграмма М.М. Литвинова В.С. Довгалеvскому, 14.10.1931 // ДВП СССР. Т.14. С.572.

¹¹² Письмо М.М. Литвинова В.А. Антонову-Овсеенко, 16.10.1931. – АВП РФ. Ф.0122. Оп.15. П.154. Д.2. Л.275-274; Письмо Б.С.Стомонякова В.А. Антонову-Овсеенко, [между 14 и 18.10.1931]. – Там же. Л.281.

¹¹³ Телеграмма В.С. Довгалеvского М.М. Литвинову, 19.10.1931 // ДВП СССР. Т.14. С.581; Письмо Б.С.Стомонякова В.А. Антонову-Овсеенко, 26.10.1931. – АВП РФ. Ф.0122. Оп.15. П.154. Д.2. Л.287.

¹¹⁴ Письмо Б.С.Стомонякова В.А. Антонову-Овсеенко, 26.10.1931. Л.287-287об. "...Переговоры возможны, но я отношусь скептически к возможности скорого заключения пакта, поскольку Польша

назад, однако, уже не было: СССР обязался перед Францией следовать указанным ею курсом. Если Польша "хотела бы впутать нас в переговоры, максимально затягивать их и таким путем оттянуть или засаботировать подписание советско-французского пакта"¹¹⁵, то после своего – по сути, сталинского – демарша 14 октября советской дипломатии не оставалось ничего иного, как проявить уступчивость в отношении польских условий и постараться поскорее довести дело до конца. Именно эти обстоятельства позволяют объяснить удивительную сговорчивость Литвинова в ходе переговоров с посланником Патеком 14-16 ноября.

Станислав Патеком прибыл в Москву в начале второй декады ноября, располагая впечатлениями от встречи с Пилсудским, письменными инструкциями министра Залеского и наставлениями государственного секретаря МИД Бека¹¹⁶. 12 ноября в разговоре с Антоновым-Овсеенко, а двумя днями позже – на приеме у Литвинова посланник сообщил, что "его правительство не считает подходящим для Польши советско-французский пакт в котором имеется много лишнего и недостает того, что Польшу особенно интересует". Патеком предложил "вернуться к [советскому] проекту пакта 1926 г. с дополнениями, сделанными им в документе, врученном т. Карахану". Это заявление не стало неожиданностью для советской стороны. Еще 26 октября в беседе с полпредом Залеский дал понять, что франко-советский пакт для Польши неприемлем¹¹⁷. Литвинов, однако, притворился, что не помнит содержания августовского документа, и, не возражая по существу, лишь "резервировал свое мнение в этом вопросе". Он также сделал вид, будто согласие с польским желанием означает возвращение к "старому" (советскому) проекту. На деле, ликовал Патеком, "удержался польский проект". Второй – главной – победой польской дипломатии была капитуляция Литвинова перед требованием об одновременных переговорах СССР с западными соседями о заключении пактов ненападения "по всей линии от Финляндии до Румынии включительно". В обмен Варшава соглашалась изъять упоминание о "юнктиме" из своего проекта пакта. Нарком подтвердил прежнюю советскую позицию – "для нас действительно неприемлемы переговоры с Польшей о наших взаимоотношениях с третьими государствами", после чего приступил к переговорам с Патеком о том, как Польша могла бы содействовать заключению Советским Союзом договоров о ненападении со странами Балтии и Румынией. В завершение беседы посланник поощрил руководителя Наркоминдела заверением, что "если бы удалось благополучно разрешить вопрос о пакте по всей линии, то остальные разногласия серьезных затруднений не создавали бы"¹¹⁸.

18 ноября Коллегия НКВД, при участии приехавшего из Варшавы Антонова-Овсеенко, обсудила пути реагирования на новые заявления польского представителя¹¹⁹. Против предложения Патека вести переговоры на основе советского проекта с польскими поправками Коллегия не возражала. "Что же касается вопроса о том, "не следует ли нам вновь напомнить лимитрофам о предложенном нами [в 1927 г.] пакте, как это подсказывал мне Патеком", сообщал Литвинов членам Политбюро, то "Коллегия подвергла этот вопрос тщательному рассмотрению и единодушно пришла к заключению о преждевременности такого шага". Руководители дипломатического ведомства исходили из предположения, что

пакта не хочет...", – говорил Стомоняков германскому послу и подтверждал оценку августовского демарша как "простого блефа" со стороны поляков (Выписка из записи беседы Б.С.Стомонякова с Г. фон Дирксеном, 3.11.1931. – Там же. Л.289).

¹¹⁵ Письмо М.М. Литвинова В.А. Антонову-Овсеенко, 26.9.1931. Л.266.

¹¹⁶ По всей вероятности, посланнику была предоставлена значительная свобода маневрирования (см.: Дополнение к дневнику полпреда В.А. Антонова-Овсеенко, 26.10.1931. – Там же. Ф.0122. Оп.15. П.155. Д.7. Л.283).

¹¹⁷ "Я не говорил Бертело, что мы готовы подписать совсем такой же пакт <...> Я сказал, что мы готовы подписать аналогичный пакт" (Там же).

¹¹⁸ Запись беседы М.М. Литвинова с С. Патеком, 14.11.1931// ДВП СССР. Т.14. С.647-648; Рапорт С. Патека А. Залескому, 16.11.1931 // ДиМСПО. Т.V. С.506.

¹¹⁹ См.: Письмо Б.С.Стомонякова Ф.А. Бровковичу, 16.11.1931. – АВП РФ. Ф.0122. Оп.15.П.155.Д.7. Л.289). Накануне, 17 ноября, Сталин принял Антонова-Овсеенко и около часа беседовал с ним наедине (Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина // Исторический архив. 1994. № 6. С.41).

"Пилсудский по-прежнему противится пакту и идет на переговоры с нами лишь под давлением Франции", что "главной целью Польши является в настоящий момент затягивание переговоров с нами и оттягивание тем самым подписания советско-французского пакта". С другой стороны, "Бриан поставил нам условием подписания пакта с Польшей. Мы достаточно наглядно доказали нашу полную готовность выполнения этого условия и неосуществимость его по причинам, лежащим вне нашего контроля. Франции остается либо заставить Польшу подписать пакт без вовлечения в это дело новых стран, либо же, признав злую волю Польши, подписать с нами пакт без Польши".

"Наша позиция будет, однако, осложнена, – продолжал Литвинов, – если обращением к лимитрофам мы фактически поставим дальнейшие переговоры как с Польшей, так и с Францией в зависимость от поведения лимитрофных стран. Мы знаем по опыту, как трудно договариваться о чем бы то ни было с "провинциальными" правительствами лимитрофов, в особенности с Финляндией. В лучшем случае переговоры с ними будут продолжаться месяцами, в особенности, если в ход будут пущены польские интриги". Нарком предсказывал, что особенно проблематичной окажется достижение договоренности с Румынией – польской союзницей, не намеренной уступать суверенитета над Бессарабией и Польшей, а также нейтрализация сопротивления пакту со стороны "финских лапуасцев" – "настоящих хозяев положения в стране". "Тем временем Франция будет считать себя совершенно свободной в отношении пакта с нами" и, что еще опасней, "вынуждена будет даже прекратить свое давление на Польшу, поскольку центр тяжести будет передвинут в другие страны". Отметив неизбежную потерю советского (и возрастания польского) престижа в случае прямого обращения Москвы к соседним государствам, Литвинов возвращался к тезису о "злой воле" Пилсудского: "...Было бы величайшей наивностью ожидать со стороны Польши подписания с нами пакта о ненападении, пока у нее остается хоть малейшая надежда на вовлечение нас в конфликт с Японией в ближайшее время". В итоге Коллегия НКВД не исключала "необходимость нашего обращения к лимитрофам в дальнейшем, в зависимости от тактики Франции", но в существующей ситуации предлагала усилить обработку французов, разъясняя "явную невозможность вовлечения в переговоры [СССР] с Францией все новых и новых стран" ("Недаром Патеком упоминал о возможности привлечения к пакту и Чехословакии. Этим заранее создается повод для новой проволоочки"). Пока же "дальнейшее зависит от самих лимитрофных стран и от Польши"¹²⁰.

Фактически Наркоминдел призывал не спешить с принятием польских условий, и так это было понято в Кремле. Ответное постановление Политбюро, принятое на заседании 20 ноября, отсвечивало полемикой, горело нетерпением. Литвинову поручалось "сегодня же, или, в крайнем случае, завтра, начать формальные переговоры с Патеком о заключении пакта ненападения", "завтра же составить проект интервью или сообщения в печати о советско-польских переговорах"¹²¹. Оценки Сталина и его коллег по Политбюро, в отличие от их выводов, могли не слишком отличаться от того, что думали о злокозненных планах Пилсудского в Наркоминделе¹²². Похоже, в Москве настолько запугали себя предположениями о стремлении Варшавы "засаботировать" переговоры СССР как с Польшей, так и с Францией, что после трехмесячной дискуссии о возможности и условиях

¹²⁰ Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину [копии четырем другим членам Политбюро], 19.11.1931. – Там же. Ф.010. Оп.4. П.21.Д.63. Л.647-650. Не исключено, что поставленные в записке проблемы обсуждались в ходе встречи Литвинова, Крестинского и Карахана со Сталиным, Молотовым и Кагановичем. Она продолжалась три с половиной часа (Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина. С.41).

¹²¹ Протокол № 76 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 30.11.1931. – РГА СПИ. Ф.17. Оп.162. Д.11. Л.64.

¹²² Годом ранее Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) побил все рекорды абсурда в описании целей польской политики в отношении СССР (см.: Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову, 1.9.1930 // Л.П. Кошелева и др. (сост.). Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925-1936 гг. М., 1995. С.209). Разумеется, невозможно сказать, насколько он действительно верил в то, что говорил.

переговоров высшие советские руководители не желали терять ни часу¹²³. "На днях мы придрались к одной беседе Патека с Литвиновым, – с нарочитой небрежностью, граничащей с явной ложью, писал Ворошилову Сталин 27 ноября, – и с места в карьер заявили Патеку, что считаем начавшимися переговоры о пакте ненападения". Польский посланник якобы "вертелся и увертывался", но "ему пришлось примириться с фактом"¹²⁴. В действительности, подчиняясь требованию Политбюро, по возвращении с заседания нарком иностранных дел пригласил к себе Патека и утром 21 ноября принял его в особняке НКВД¹²⁵. Посланнику было заявлено о "согласии Советского правительства на возобновление переговоров". После обмена с Патеком краткими заявлениями, подтверждавшими намерения сторон, Литвинов "предложил приступить сейчас же к постатейному обсуждению пакта". Посланник сослался на то, что не имеет с собой необходимых бумаг, ожидает свежую почту из Варшавы. Начало деловой дискуссии было намечено на понедельник 23 ноября¹²⁶. Повествование Сталина об этой беседе с Патеком как важной победе СССР, сильно расходясь с реальностью, нечаянно подтверждало, кто именно стоял за решением Политбюро 20 ноября и какое значение он ему придавал. Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) был доволен результатом: переговоры начались.

Другой заботой Кремля было поддержать свой престиж и прикрыть отступление перед Польшей арьергардными маневрами. Именно такой смысл приобрели предложения Коллегии НКВД после того, как высшее руководство распорядилось перейти к формальным переговорам о пакте. Во-первых, их следовало вести, "исходя, согласно предложению Патека, из старого советского проекта пакта"¹²⁷. Во-вторых, Политбюро "предрешало" вручение французам меморандума с изложением хода переговоров, "включая "недоразумения" в заявлениях Бертелло и Залеского". Этот пункт, впрочем, остался невыполненным. Вероятно,

---

¹²³ По иронии судьбы, именно 14 ноября поверенный в делах СССР в Варшаве с тревогой отмечал, что польская пресса не уделяет вопросу о пакте с СССР "никакого внимания", а в разговорах как эндеки, так и пилсудчики "выражают свое недоверие" официальным заявлениям о готовности Польши к переговорам о ненападении. Глава советской миссии считал, что Польша готовит "какую-нибудь новую провокацию, которая бы поставила в невозможные условия ведение каких бы то ни было переговоров". Будет ли эта провокация связана с Литвой или с Дальним Востоком? – гадал он (Письмо Ф.А. Бровковича Б.С. Стомонякову, 14.11.1931. – АВП РФ. Ф.0122. Оп.15. П.155. Д.7. Л.293-292). Доклады такого рода, несомненно, поддерживали подозрительность и подкрепляли мрачные предположения центрального аппарата НКВД.

Справедливости ради отметим, что осведомленные наблюдатели в Варшаве – германский посол фон Мольтке и французский поверенный в делах де Бресси – в те дни полагали, что хотя в Бельведере и на Вежбовой заинтересованы в успехе переговоров с СССР, Станислав Патека делает все возможное для их срыва. Фон Ринтелен, прослуживший шесть лет на посту советника германской миссии в Варшаве, выражал уверенность в том, что патековская "тактика саботажа" пользуется поддержкой маршала (и «в интересах Германии» фон Ринтелен желал ему долгих лет жизни) (J.C. Wiley to Secretary of State, Warsaw, 23.11.1931. – NA. SD/760c/6111/20; J.C. Wiley to Secretary of State, Warsaw, 24.11.1931. – Ibid. /21).

¹²⁴ Письмо И.В. Сталина К.Е. Ворошилову, 27.11.1931 // А.В. Квашонкин и др. (сост.). Советское руководство. Переписка. 1928-1941. М., 1999. С.162.

¹²⁵ Вечером 20 ноября Литвинов вновь встретился с руководящей тройкой Политбюро (Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина. С.41), но о чем у них шла речь, неизвестно.

¹²⁶ Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину (копия В.М. Молотову), 21.11.1931. – Там же. Ф.010. Оп.4. П.21.Д.63.Л.644. К записке прилагался "проект сообщения ТАСС" (там же. Л.646), текст которого идентичен опубликованному в советской печати 22 ноября 1931 г.

¹²⁷ В беседе с Патеком Литвинов точно выполнил эту директиву, однако в составленном им сообщении для прессы об этом говорилось в более корректных выражениях, близких к согласованной с Патеком записи беседы ("pro memoria") 14 ноября. Советник полпредства в Берлине даже жаловался в НКВД на "двузначность" тассовской телеграммы, которая дает основания полагать, "что мы согласились вести переговоры на базе польского контрпредложения" ("так это поняли некоторые газеты") (Письмо С.И. Бродовского Б.С. Стомонякову, 24.11.1931 (с пометами Стомонякова и Литвинова). – Там же. Ф.09. Оп.6. П.52. Д.40. Л.148).

Довгалецкий возразил против такого демарша: как раз 20 ноября он вновь беседовал с генеральным секретарем МИД о том, чтобы в качестве компенсации за "недоразумение", происшедшее благодаря французскому посредничеству, Париж побудил поляков снять требование об увязке советско-польских переговоров с заключением договоров ненападения между СССР и остальными западными соседями. Увы, сообщал Довгалецкий, "мои повторные попытки добиться от Бертелло обещания, что он побудит поляков отказаться от припутывания лимитрофов, не только не увенчались успехом, но и вызвали с его стороны даже некоторое раздражение"¹²⁸. Итак, Россия вновь оказалась один на один с Польшей, и вступать в формальные переговоры ей предстояло с позиций, чрезвычайно ослабленных за минувшие три месяца.

Советскую сторону на переговорах представляли Литвинов и Стомоняков. 23 ноября состоялось первое заседание с польским посланником "по делу пакта о неагрессии". Польскому дипломату без большого труда удалось добиться принятия польского варианта ст. 1, в которой нападение определялось как любой насильственный акт, нарушающий политическую независимость и территориальную целостность другой договаривающейся стороны¹²⁹. "По существу разногласия по ст. 1-й не имеют никакого значения, – информировал Литвинов Сталина. – Если я предложил ему различные формулировки, то только для того, чтобы показать Патеку свою уступчивость, отказавшись от них и приняв целиком его редакцию"¹³⁰. Эта уступчивость выразительно демонстрировала изменения в подходе Москвы к проблеме ненападения за пять лет, истекших с августа 1926 г., когда тогдашний полпред СССР Войков вручил проект договора министру Залескому. В апреле 1927 г. Коллегия НКВД вначале согласилась обсудить с поляками формулу ненападения, затем рекомендовала «в особом протоколе зафиксировать понятие о ненападении, предложив полякам проект формулировки этого понятия», и наконец постановила «сообщить Патеку, что ...его определение термина «агрессия» мы принимаем, оставляя за собой право сделать по этому поводу дополнительное предложение»¹³¹. Вскоре Стомоняков известил Патеку о принятии советской стороной третьего абзаца ст. 1 в польской редакции, т. е. о включении в договор широкого толкования обязательств ненападения, в соответствии с которым стороны обязывались взаимно воздерживаться "от всякого акта насилия, нарушающего целостность и неприкосновенность территории или политическую независимость другой договаривающейся стороны"¹³².

¹²⁸ Телеграмма В.С. Довгалецкого М.М. Литвинову, 20.11.1931. – ДВП СССР. Т.14. С.666-669. Что касается А. Бриана, он производил впечатление "совершенно одряхлевшего и почти конченого человека". "Беседовать с ним очень трудно, ...очень тягостно", – сообщал Довгалецкий, переживший министра всего на два года (Письмо В.С. Довгалецкого Н.Н. Крестинскому, 21.11.1931. – Там же. Л.143).

¹²⁹ Протокол [№ 1] заседания по делу пакта о неагрессии, 23.11.1931. – АВП РФ. Ф.05. Оп.11. П.78. Д.85. Л.233 (оригинал, подписанный Стомоняковым и Патеком); Дополнение к протоколу № 1 заседания по делу пакта о неагрессии от 23 ноября 1931, 26.11.1931 (подписано Стомоняковым). – Там же. Ф.0122. Оп.15. П.154. Д.2. Л.323-320.

¹³⁰ Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину (копия В.М. Молотову), 21.11.1931. – Там же. Ф.010. Оп.4. П.21. Д.63. Л.642.

¹³¹ См.: Справка 1-го Западного отдела НКВД СССР о переговорах с Польшей о гарантийном пакте (1927-1931), [не позднее 16.8.1931]. Л.154-151 (решения Коллегии НКВД от 5, 8 и 18 апреля 1927 г.).

¹³² Приложение к "Сравнительной таблице нашего проекта пакта 1926 года и польского проекта пакта 1931 г." (Там же. Ф.09. Оп.6. П.52. Д.40. Л.153.). В соответствующих статьях договоров о ненападении, заключенных СССР в 1926-1927 гг. (с Афганистаном, Литвой и Ираном), воспрещались лишь «нападение» и «агрессивное действие» либо «введение своих вооруженных сил на территорию другой Стороны». Предложив новую формулу понятия «ненападение» польская дипломатия ссылалась на определение видного финского юриста, эксперта Лиги Наций Р. Эриха. Впрочем, ключевая часть этого определения – нарушение «политической независимости или территориальной целостности другой Стороны» – фигурировала уже в Рижском договоре 1921 г. (она была включена в статью о взаимном обязательстве России и Польши не участвовать в коалициях, враждебных другой стороне»).

Приступая к переговорам с Францией, в июне 1931 г. высшее советское руководство согласилось принять ст. 1, начинавшуюся словами: «Франция и СССР взаимно обязуются не прибегать к войне и не предпринимать какого-либо нападения», что в наибольшей степени ограничивало взаимные враждебные действия. Изменение позиции Москвы вызвала непонимание даже у полпреда Валериана Довгалецкого, пользовавшегося почти неограниченным доверием центральных органов. Вопреки директиве в переговорах с Бертело Довгалецкий «счел целесообразным настаивать на опущении слов «не прибегать к войне»», которые, по его мнению, «могли поддаваться слишком широкому и абсолютному толкованию». «Без этих слов статья меняет свой характер, трактуя лишь об агрессивной войне», – не без гордости сообщал полпред. В НКВД реагировали на эту инициативу отрицательно. «Это же для нас хуже!! – записал Стомоняков, исполнявший тогда обязанности первого заместителя наркома. – Француз[ское] предложение было против (помощи) выступления Франции на стороне Польши в случае войны последней с нами !...»¹³³ В начале августа формула ненападения дважды обсуждалась на Политбюро¹³⁴. В результате согласованный текст договора СССР с Францией содержал обязательство каждой из сторон в отношении другой стороны «не прибегать ни в коем случае ...ни отдельно, ни совместно с ...третьими Державами ни к войне, ни к какому-либо нападению и уважать неприкосновенность территорий, находящихся под ее суверенитетом...» Таким образом, по одному из главных вопросов различий между позициями Польши и СССР более не существовало¹³⁵.

Напротив, советское требование относительно взаимного соблюдения нейтралитета в случае нападения на одного из участников договора со стороны третьего государства, вытесненное из согласованной ст. 1, стало предметом острой дискуссии, начатой на втором заседании (26 ноября) и продолжавшейся почти до самого конца переговоров. Патек настаивал на том, что достаточно предусмотреть обязательство «не оказывать помощи и поддержки нападающему государству». Его партнеры, ранее согласившиеся на такую формулу в договоре с Францией, упорно отстаивали применение понятия «нейтралитет», поскольку оно, объяснял Стомоняков, шире, чем «неоказание помощи», и включает вооруженное противодействие нарушению нейтралитета (например, Бельгия в 1914 г.). Тем самым Польше предлагалось взять на себя обязательство вооруженного отпора тем, кто попытается силой заставить ее отказаться от неоказания помощи государству, совершившему нападение на СССР. Польский посланник выразил решительное несогласие и с другим советским условием – упомянуть в ст. 2 о неучастии сторон в соглашениях, враждебных другой, назвав его «нетерпимым ограничением суверенитета», «рычагом воздействия извне». Наконец, Патек отказывался заменить упоминание об обязательствах Польши, вытекающих из ее участия в Лиге Наций и оборонительных пактах, глухой ссылкой на сохранение в силе ранее заключенных договоров (как это было сделано в договоре СССР с Францией). Со своей стороны, Литвинов отклонил новое предложение поляков, основанное на франко-советском тексте, – внести в пакт положение о праве каждой из договаривающихся сторон денонсировать его в случае агрессии другой стороны против третьего государства¹³⁶.

Первые советско-польские заседания разочаровали руководителей НКВД. Они рассчитывали, что Патек как доверенный представитель Пилсудского будет не только отстаивать польскую позицию, но и идти на уступки. Посланник же действовал напористо, а при возникновении неодолимых препятствий ссылался на директивы МИД и, извлекая обычные в таких случаях дипломатические преимущества, предоставлял руководителям

¹³³ Письмо В.С. Довгалецкого Н.Н. Крестинскому, Париж, 8.7.1931 (с пометами Стомонякова от 16 июля). – Там же. Ф.09. Оп.6. П.52. Д.40. Л.17.

¹³⁴ См.: Г.М. Адибеков и др. (ред.). Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001. С.255.

¹³⁵ О причинах этого изменения в позиции Москвы см. ниже.

¹³⁶ Протокол № 2 заседания по делу пакта о неагрессии, 26.11.1931. – Там же. Ф.010. Оп.4. П.21. Д.63. Л.313–312; Дополнение к протоколу № 2 заседания по делу пакта о неагрессии от 26 ноября 1931, 28.11.1931 (подписано Стомоняковым). – Там же. Л.332–324.

Наркоминдела искать выход из создавшегося положения. Литвинов, как сказал он Патеку 26 ноября, надеялся согласовать текст польско-советского договора за одно-два заседания и передать его на утверждение высшего политического руководства¹³⁷. Стомоняков вообще склонялся к мысли, что решение вести переговоры с польским посланником в Москве было ошибкой. "Поскольку Патек не является переговорщиком в действительном смысле этого слова, а лишь передаточным пунктом (к тому же крайне бесталанным), эти переговоры можно было бы вести письменно или же закончить на одном заседании с тем, чтобы предоставить поль[скому] пра[вительству] сказать свое последнее слово"¹³⁸. Личность старого адвоката, словоохотливого и уклончивого, стала к тому времени традиционной мишенью для иронических и желчных высказываний советских дипломатов. Приступ стомоняковской язвительности был, впрочем, вызван отнюдь не отсутствием у него дипломатического дарования: Патек, добившись признания собственного проекта в качестве основы переговоров, вместе с тем стремился извлечь наибольшую выгоду из неловкого предложения СССР исходить из парафированного франко-советского текста. Неуязвимый тезис: Польша не Франция, а СССР – это все же СССР, проходил красной нитью через его рассуждения. Скорого конца переговорам уже не предвиделось.

"Ягодки еще впереди", – предупредил Патек 26 ноября, и Литвинов, ссылаясь на эти слова, в тот же день обратился к Сталину с предложением "образовать небольшую комиссию Политбюро для руководства переговорами", чтобы "давать ответ как по выяснившимся, так и по неизбежным новым и более существенным разногласиям"¹³⁹. Генеральный секретарь немедленно (опросом) провел решение Политбюро о создании "комиссии по советско-польским делам в составе гг. Сталина, Молотова, Литвинова и Стомонякова"¹⁴⁰. Включение в комиссию Политбюро руководителя ведомства являлось распространенной практикой. Куда менее ординарным было одновременное участие в ней высших руководителей партии и правительства, а также ее название, указывавшее на то, что в компетенцию комиссии входит рассмотрение широкого круга вопросов и принятие по ним решений от имени Политбюро. Вместе с тем образование комиссии по советско-польским делам выводило эту область за рамки компетенции созданной тремя днями ранее Комиссии по международным делам (Сталин, Молотов, Каганович)¹⁴¹. Появление нового органа, в котором отсутствовали представители дипломатического ведомства, сопровождалось распоряжением Совнаркома о проведении заседаний Коллегии НКВД не чаще одного раза в декаду (вместо обычных 2-3 заседаний в неделю), что резко снижало ее роль в процессе выработки политических решений¹⁴². В полном составе комиссия по советско-польским делам заседала по меньшей мере трижды – 30 ноября и 12 декабря 1931 г. и 3 января 1932 г.¹⁴³

¹³⁷ После заседания Политбюро 20 ноября (и не позднее 25 ноября) Наркоминдел направил членам и кандидатам в члены Политбюро (кроме С.М. Кирова и украинских руководителей – С.В. Косиора, Г.И. Петровского, В.Я. Чубаря), а также А.А. Андрееву, П.П. Постышеву, Е.М. Ярославскому и В.Р. Менжинскому "Сравнительную таблицу нашего проекта пакта 1926 года и польского проекта пакта 1931 г." (АВП РФ. Ф.09. Оп.6. П.52. Д.40. Л.149-152.). По всей вероятности, Литвинов и его коллеги полагали, что вскоре им предстоит, вникнув в эту таблицу, принять решение относительно условий советско-польского договора.

¹³⁸ Письмо Б.С.Стомонякова В.А. Антонову-Овсеенко, 28.11.1931. – Там же. Ф.0122. Оп.15. П.154. Д.2. Л.319.

¹³⁹ Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину, 26.11.1931. – Там же. Ф.010. Оп.4. П.21. Д.63. Л.635-636.

¹⁴⁰ Протокол № 78 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 1.12.1931 (опросом от 26.11.1931). – РГА СПИ. Ф.17. Оп.182. Д.11. Л.73. Литвинов явно предпочел бы обойтись без Молотова: до образования комиссии Политбюро протоколы советско-польских заседаний он направлял лишь Сталину (как обычно, два экземпляра), членам Коллегии, в 1-й Западный отдел НКВД и в варшавское полпредство.

¹⁴¹ См.: О.Н. Кен, А.И. Рупасов. Указ. соч. С.562-563.

¹⁴² См.: S. Dullin. Des hommes d'influences. Les ambassadeurs de Staline en Europe 1930-1939. P., 2001. P.85.

¹⁴³ Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина // Исторический архив. 1994. № 6. С.42-43. 1995. № 2. С.129.

На новой встрече с Литвиновым и Стомоняковым 1 декабря Патеки сообщил ответ Варшавы по выявившимся разногласиям. Новые препирательства привели к скромным результатам. Советская сторона согласилась с тезисом о денонсации (взамен за устранение польской оговорки о том, что нападение третьего государства на одну из договаривающихся сторон будет считаться агрессией лишь при условии ее "мирного поведения"¹⁴⁴) и с общими положениям ст. 3 о сохранении в силе ранее принятых сторонами своих международных обязательств (при условии внесения указания на отсутствие в них "элементов агрессии"). Было также достигнуто взаимопонимание по ст. 4, определяющей общие принципы разрешения спорных вопросов: Польша отказалась от абсолютно нереалистического требования об арбитражном рассмотрении в пользу согласительной процедуры. В общем, констатировал Стомоняков, польский представитель проявлял твердость и даже стал "развязен". При обсуждении даты следующего заседания Патеки предложил 7 декабря, Литвинов – 10-е. "Назначение тов. Литвиновым сравнительно отдаленного срока для следующего заседания после того, как он был сторонником более частых заседаний, видимо, произвело впечатление на Патека...", – отмечал Стомоняков¹⁴⁵. Дезориентировать польского посланника удалось лишь отчасти. Он решил, что Советы хотят оттянуть подписание согласительной конвенции (которой польский МИД придавал иррационально большое значение и которую он желал подписать сразу после заключения пакта ненападения), но продолжал думать, что Москва крайне заинтересована в скорейшем завершении начатых переговоров¹⁴⁶.

Четвертое заседание в Наркоминделе позволило закрепить предварительную договоренность по ранее обсуждавшимся разногласиям и найти новые частные решения. Из тактических соображений Патеки упорствовал в требовании для будущей согласительной комиссии полномочий разбирать старые конфликты и отклонил предложение Литвинова предусмотреть в договоре процедуру его продления после истечения пятилетнего срока действия. В ответ на решительный отказ поляков от закрепления в пакте понятия "нейтралитет" применительно к случаю нападению третьего государства на одну из сторон, Литвинов перешел в наступление. Он вручил Патеку "компромиссное" предложение: описать обязательства нейтралитета, не употребляя самого этого понятия, в особом Заключительном протоколе¹⁴⁷.

Между тем намеченное на 14 декабря польско-советское заседание было по просьбе Патеки, ожидавшего новых инструкций с Вержбовой, перенесено на 16-е. Но и тогда он не смог ничего сообщить о позиции своего правительства (Залеского и Бека не было в Варшаве). Несмотря на это, посланник отметил, что идея особого протокола о нейтралитете вызвала

---

¹⁴⁴ В 1926 г. при заключении договора о ненападении и нейтралитете с Германией Москве пришлось согласиться на формулу, обуславливающую обязательства нейтралитета «миролюбивым образом действий» другой стороны в отношении третьих государств. Спустя полгода такая же оговорка появилась и в пакте СССР с Литвой. Однако в ходе переговоров 1931 г. польская дипломатия не использовала эти прецеденты, предпочтя обменять обсуждаемую формулировку на более существенный пункт о денонсации. Действительно, упоминание в договоре о «мирном поведении» в условиях непризнания Советским Союзом Женевского и Гаагского международных институтов, которые только и могли дать обязывающее заключение на этот счет, не имело реальной юридической силы. Это признавал и Г. Штреземан, первым предложивший СССР такую редакцию (см.: Письмо Н.Н. Крестинского М.М. Литвинову, Берлин, 23.4.1926 // Г.Н. Севостьянов (отв. ред.). Дух Рапалло. Советско-германские отношения 1925-1933. М., 1997. С.37).

¹⁴⁵ Протокол № 3 заседания по делу пакта о неагрессии, 1.12.1931. – АВП РФ. Ф.05. Оп.11. П.78. Д.85. Л.235-237 (оригинал, подписанный Стомоняковым и Патеком); Дополнение к протоколу № 3 заседания по делу пакта о неагрессии от 1 декабря 1931, 2.12.1931 (подписано Стомоняковым). – Там же. Ф.0122. Оп.15. П.154. Д.2. Л.359-351.

¹⁴⁶ Рапорт Патеки в МИД Польши, 1.12.1931 // ДиМСПО. Т.V. С.516-517.

¹⁴⁷ Протокол № 4 заседания по делу пакта о неагрессии, 10.12.1931. – АВП РФ. Ф.05. Оп.11. П.78. Д.85. Л.245-247 (оригинал, подписанный Литвиновым и Патеком); Дополнение к протоколу № 4 заседания по делу пакта о неагрессии от 10 декабря 1931, 13.12.1931 (подписано Стомоняковым). – Там же. Ф.0122. Оп.15. П.154. Д.2. Л.378-371.

волнение в правительственных кругах. "Таким образом, протокол о нейтралитете составляет главное препятствие и он [Патек] лично и частно очень просит его снять" (Патек мог бы добавить, что в договоре между СССР и Литвой (ст. 3) также не использовалось понятие «нейтралитет», но никакого особого протокола на этот счет к договору не прилагалось). Литвинов не уступал, и, играя на юридических иллюзиях Патека относительно неотложности переговоров о согласительной конвенции, широким жестом предложил подписать ее одновременно с гарантийным пактом, если за образец будет взята советско-германская конвенция 1929 г.¹⁴⁸ На следующий день Литвинов, Стомоняков и Патек вновь сошлись на заседание. "Большое, несколько сумбурное", оно "не дало никаких результатов, вследствие чего было решено отказаться от составления обычного протокола". "На все возможные лады Патек убеждал тов. Литвинова отказаться от наших требований по нейтралитету и неучастию во враждебных комбинациях, обещая взамен ...поставить в Варшаве лично вопрос о разногласиях по согласительной процедуре. , – рассказывал член Коллегии НКВД полпреду в Варшаве. – Тов. Литвинов, – отказываясь делать какие бы то ни было формальные уступки без уступок с польской стороны и указывая на создавшееся неравенство при переговорах, когда он, Литвинов, в зависимости от дискуссии принимает решения и дает окончательные ответы по ряду вопросов, в то время как Патек отказывается решать даже мелкие вопросы и взамен за серьезные уступки с нашей стороны предлагает лишь передавать наши требования в Варшаву, – все же, в конце концов, дал ему понять, что при условии договоренности по другим вопросам мы готовы были бы пересмотреть нашу позицию о нейтралитете. В результате бесконечных разговоров было решено, по предложению тов. Литвинова, что Патек отложит свою поездку в Варшаву с тем, чтобы потом поехать в Варшаву уже только с одним или двумя крупными разногласиями.

В заключение Патек заявил, что он очень разочарован этим оборотом дела, ибо он был убежден, на основании хода переговоров, что мы уступим как по вопросу о нейтралитете, так и по вопросу о неучастию во враждебных комбинациях. Тов. Литвинов констатировал, что поскольку содержанием пакта должны были бы быть обязательства ненападения, нейтралитета и неучастию во враждебных комбинациях, польская сторона стремится на две трети сократить это содержание и таким образом свести по существу обсуждаемый гарантийный договор к повторению пакта Келлога. По заявлению тов. Литвинова, большое политическое содержание этой дискуссии заключается в том, что в то время, как мы стремимся наполнить пакт возможно большим содержанием, обеспечивающим мир и развитие наших отношений, Польша от этого уклоняется и стремится придать пакту лишь формальное значение и тем самым уклониться от всякого углубления польско-советских отношений"¹⁴⁹.

Это был сильный и искренний ход. Перед началом официальных переговоров Ю. Бек и С. Патек подчеркивали, что заключение между СССР и Польшей четвертого – после Рижского договора 1921 г., пакта Келлога 1928 г. и Московского протокола 1929 г. – соглашения о мирном сосуществовании имеет смысл лишь постольку, поскольку оно внесет новое содержание – станет договором "по всей линии", т. е. приведет к заключению СССР пактов со всеми западными соседями. "Без этого, – резюмировал Литвинов польские заявления, – пакт с нами интерес для Польши не представляет"¹⁵⁰. Москва уступила и по договоренности с Варшавой выразила правительствам стран Балтии свою заинтересованность в возобновлении переговоров, незамедлительно согласилась с соответствующим пожеланием Румынии. Выполнив (хотя и в обтекаемой форме) главное условие Польши, советская дипломатия по существу требовала от нее помочь исполниться предсказанию Патека о том,

¹⁴⁸ Запись переговоров по делу пакта о ненападении 16 декабря 1931 г., 16.12.1931. – Там же. Л.396-390.

¹⁴⁹ Письмо Б.С. Стомонякова В.А. Антонову-Овсеенко, 19.12.1931. – Там же. Л.406-405. См. также: Запись переговоров по делу пакта о ненападении (17 декабря 1931 г.). – Там же. Ф.05. Оп.11. П.78. Д.85. Л.58-74.

¹⁵⁰ Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину (копия В.М. Молотову), 21.11.1931. Л.644.

что остальные разногласия серьезных трудностей не создадут¹⁵¹. Согласившись с идеей заключения пакта "по всей линии", Москва заявляла, что эта линия должна простираться не только "вширь", но и "вглубь".

21 декабря на пятом официальном заседании "по делу пакта о ненападении" удалось составить протокол, зафиксировавший договоренность по большинству статей, принятие Патеком *ad referendum* редакционных поправок к ст. 2 и 3 и сохраняющиеся разногласия¹⁵². Польскому представителю удалось выдержать советский напор относительно введения в пакт понятия нейтралитета или описания его в особом протоколе, в результате ст. 2 (о неказании помощи нападающему) повторяла франко-советский текст. В итоге четырехнедельных переговоров остался непреодоленным конфликт между подходами СССР и Польши к взаимным обязательствам по отношению к третьим странам в условиях мира. Поначалу эти позиции были диаметрально противоположны. Москва предлагала принять взаимное обязательство "не принимать участия ни в каком соглашении политического и экономического характера, которое было бы направлено против другой стороны" (ст. 2 советского проекта). Если бы поляки верили в намерения большевистской России уважать международное право, они, вероятно, сочли бы небезвыгодным согласиться с таким условием. Но дело обстояло иначе, и польский проект предлагал зеркально противоположную формулу: обязательства ненападения и неказания поддержки нападающему "не могут ни в коем случае ограничить или видоизменить права и обязательства, вытекающие для Польши из ее участия в Лиге Наций...", а также обязательства Польши, вытекающие из оборонительных пактов, заключенных Польшей в связи с пактом Лиги Наций" (ст. 3). Разумеется, у участников переговоров не было иллюзий в возможности включения столь "идеологизированной" и односторонней декларации в советско-польский договор. По существу, эта формула позволяла полякам идти на небольшие уступки, советская сторона приняла ее основное содержание в качестве первой части ст. 3. Добившись исключения ссылок на Лигу Наций, советские переговорщики подрубили собственный сук: без таких ссылок советско-польский договор признавал сохранение в силе *всех* ранее заключенных Польшей соглашений. Поэтому Литвинову и Стомонякову пришлось уговаривать польскую сторону внести уточняющую оговорку ("поскольку эти соглашения не заключают в себе элементов агрессии"). С точки зрения НКВД главное препятствие состояло в упорном нежелании поляков согласиться на принятие скорректированной статьи 2 советского проекта в качестве второй части статьи 3 будущего договора.

На этом дискуссии прервались – польский посланник отбыл перед Рождеством в Варшаву. 30 декабря Пилсудский принял Залеского, Бека и Патека. По всей вероятности, маршал посоветовал им не переоценивать полезность для Польши будущего пакта с Советами и не торопиться с его подписанием, тем более что параллельные переговоры между СССР и Румынией еще не начались¹⁵³.

13 января С. Патеки вновь появился в НКВД, и на вопрос Литвинова, "что хорошего он привез из Варшавы", отвечал, что считает хорошим отсутствие чего-то нового, "ибо еще перед его отъездом мы приближались к концу переговоров". Польская сторона выражала готовность произвести завершающий обмен советских и польских пожеланий, что позволило бы преодолеть остающиеся второстепенные разногласия, но отвергала дискуссию по дополнению статьи 3. "Нам важно не только подписание документа, но получение уверенности, что у сторон нет никаких камней за пазухой и никаких задних мыслей, – рассуждал Литвинов (применял ли он это пожелание к своему государству?). – Как можно говорить о мирных отношениях, если одна из сторон сознательно оставляет за собой право

¹⁵¹ См.: Запись беседы М.М. Литвинова с С. Патеком, 14.11.1931. С.650.

¹⁵² Протокол № 5 переговоров по делу пакта о ненападении (21 декабря 1931 г.). – АВП РФ. Ф.05. Оп.11.П.78.Д.85. Л.97-107 (оригинал, подписанный Литвиновым и Патеком). Опубликовано (под иным названием и с мелкой редакционной правкой): ДВП СССР. Т.14. С.719-721.

¹⁵³ См.: P.S. Wandycz. August Zaleski. Ministr spraw zagranicznych RP w 1926-1932 w świetle wspomnień i dokumentów. Paryż, 1980. S.97.

участия во враждебных соглашениях против другой стороны". Нарком ссылаясь на наличие подобной статьи во всех пактах ненападения, заключенных СССР с другими государствами, на нежелание подавать "плохой пример другим странам". Патеком был неколебим и отказался составлять обычный протокол заседания с констатацией взаимных уступок, пока не получит окончательный ответ советского правительства по поводу обязательств сторон по ст. 3¹⁵⁴. Литвинов обещал "доложить своему правительству", и на следующий день предложил Сталину и Молотову собрать заседание комиссии Политбюро либо провести телефонный опрос ее членов для того, чтобы решить, как быть дальше. Нарком чувствовал себя неловко и почти оправдывался по поводу остающегося крупного разногласия ("Во все время переговоров я подчеркивал большое значение, которое мы придаем этой статье, без которой пакт для нас не имел бы большого интереса", и т. д.). Он предлагал "согласиться на перенесение этой статьи в особый протокол, на что я имею еще некоторую надежду добиться согласия Патека"¹⁵⁵.

Примирительный настрой Литвинова на последней стадии переговоров с Патеком основывался на ожидании, что "после подписания пакта с Польшей быстро подвинутся вперед переговоры с остальными нашими партнерами"¹⁵⁶. В декабре с помощью поляков советская дипломатия подготовила условия для открытия переговоров с западными соседями о двусторонних пактах ненападения. В начале января начались переговоры румынского и советского уполномоченных в Риге, МИД Финляндии и полпреда СССР в Хельсинки. Литвинов стремился избежать одновременности переговоров, понимая, что уступку, сделанную одному из партнеров, придется распространять и на других. Однако его рекомендация замедлить переговоры с балтийскими странами до согласования пакта с Польшей была отвергнута (Кремль явно стремился форсировать заключение пактов "по всей линии"). В начале января нарком констатировал, что его опасения сбываются: финский министр Юрье-Коскинен "танцует от польской печки" и ничего другого не приходится ждать от эстонцев, латышей и румын¹⁵⁷. Казалось, ключ к переговорам СССР со всеми лимитрофами хранится в польском МИД, и поляки считали, что могут проявить упорство (и даже упрямство) в полемике с НКВД.

Безвыходность ситуации, в которой оказалась Москва, побуждала ее искать слабые звенья. Заведующий 1-м Западным отделом Райвид предлагал наркому "покончить скорей с Финляндией" — подписать договор с ней раньше, чем с Польшей, что "укрепит нашу позицию по отношению к Польше и Румынии в вопросе о неучастии во враждебных группировках". В отличие от Литвинова, Райвид считал, что "финны на это пойдут"¹⁵⁸, и оказался прав. 19 января на переговорах в Хельсинки произошел перелом, а утром 21 января, "продемонстрировав остатки той "независимости", которой финны кичились до сих пор", министр Юрье-Коскинен и полпред Майский подписали договор о ненападении¹⁵⁹.

¹⁵⁴ Запись беседы М.М. Литвинова с С. Патеком, 13.1.1932 // ДВП СССР. Т.15. С.23-25. Литвинову приходилось заканчивать переговоры без Стомонакова, который в начале января выехал в Ригу для ведения переговоров с графом Стурдзой о заключении пакта ненападения между СССР и Румынией.

¹⁵⁵ Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину и В.М. Молотову, 14.1.1932. — АВП РФ. Ф.05.Оп.11. П.78. Д.85. Л.105-106. Приняли ли Сталин и Молотов этот вариант, неизвестно; на встречах Литвинова с Патеком 18 и 23 января он не обсуждался.

¹⁵⁶ То же. Л.106.

¹⁵⁷ См.: Личное письмо М.М. Литвинова Б.С. Стомонакову, 8.1.1932 (изложено в: А.И. Рупасов. Советско-финляндские отношения: середина 1920-х — начало 1930-х гг. СПб., 2001. С.171).

¹⁵⁸ Письмо Н.Я. Райвида М.М. Литвинову, 16.1.1932 (там же).

¹⁵⁹ Анализ хода советско-финских переговоров, тактики и мотивов сторон, причин быстрого заключения пакта о ненападении см.: Там же. С.168-174. Из-за отъезда главы МИД Финляндии в Женеву советская сторона настолько торопилась, что приняла неудачную для нее редакцию ст. 3, по которой договаривающиеся стороны взяли на себя обязательства не участвовать в соглашениях, "явно враждебных другой стороне и (вместо «или». — О. К.) противоречащих, формально или по существу, настоящему договору" (подробнее см.: Там же. С.175). Польские дипломаты, однако, не заметили этой выгодной для них оплошности.

Одновременно переговоры Стомонякова с графом Стурдзой зашли в тупик. Положение Польши, крайне заинтересованной в сохранении "единого фронта" лимитрофов, стало весьма проблематичным. Для того чтобы не отстать от финнов, Варшаве следовало стремиться к окончанию переговоров с СССР, а чтобы поддержать Румынию – отложить подписание пакта.

Как показали заявления Патека Литвинову 19 января, польская дипломатия сумела быстро разрешить эту дилемму. Советской стороне было, во-первых, предложено трактовать вопрос о неучастии во враждебных соглашениях в той форме, которая еще ранее была выдвинута МИД Финляндии и на которую Москва уже в целом согласилась. Во-вторых, Патек ввел в дискуссию тезис о парафировании пакта перед его подписанием. Литвинов отверг эти подходы и угрожал обнародовать разногласия¹⁶⁰. 23 января он, с торжеством указав Патеку на подписание Гельсингфорского пакта, усилил свое давление. В результате полемики нарком все же предложил формулу неучастия "ни в каких соглашениях, агрессивных и явно враждебных другой стороне". Такая редакция ограждала польские интересы, как они излагались в ходе переговоров с СССР на протяжении пяти лет. В протоколе констатировалось: "соглашение не достигнуто"¹⁶¹, но по существу переговоры были закончены. Ввиду известной позиции Сталина, подкрепленной резолюциями Политбюро, угроза Литвинова отказаться от парафирования текста не могла материализоваться¹⁶². Варшаве оставалось лишь получить согласие советской стороны на замену слова "агрессивных" выражением "с агрессивной точки зрения" – выражением, звучащим на русском языке странно и малоприятным для Москвы, которая предпочла бы иметь больше простора в интерпретации соглашений Польши с другими странами¹⁶³.

Парафирование договора о ненападении между СССР и Польшей, состоявшееся в Москве 25 января, стало бесспорным успехом польской дипломатии. Текст договора включал наиболее важные положения августовского проекта С.Патека, и представитель СССР был прав в своих lamentациях Ф.Бертело: договоренность с Польшей оказалась возможной "благодаря тому, что мы шли от уступки к уступке"¹⁶⁴.

Являлись ли эти уступки необходимыми для заключения договора с поляками, не вызовет ли оно отчуждения Германии от СССР – эти вопросы буквально преследовали советских дипломатов в конце 1931 – начале 1932 г. Роль античных фурий взяли на себя представители германского МИД.

---

¹⁶⁰ Запись беседы М.М.Литвинова с С.Патеком 19.1.1932 // ДВП СССР. Т.15. С.38-39.

¹⁶¹ Протокол № 6 по делу пакта о ненападении 23 января 1932 г. – АВП РФ. Ф.05. Оп.11. П.78. Д.85. Л.158-161 (оригинал с подписями Литвинова и Патека); Запись беседы М.М.Литвинова с С.Патеком 23.1.1932 // ДВП СССР. Т.15. С.51-52.

¹⁶² Нарком направлял Сталину и Молотову полную запись своих переговоров с Патеком 19 и 23 января, однако его докладных записок, относящихся к финальной стадии переговоров, не обнаружено. Вероятно, санкция "советского правительства" запрашивалась им в устной форме (по телефону).

¹⁶³ Положение о неучастии во враждебных соглашениях составило третью статью окончательного текста, а ранее согласованная ст. 3 – четвертую.

¹⁶⁴ Телеграмма В.С. Довгалева в НКВД, 25.1.1932 // ДВП СССР. Т.15. С.56.

4. Германские протесты и предостережения (ноябрь 1931 – январь 1932 г.)

Согласие советского руководства вступить в переговоры с Польшей вызвало острое недовольство и обеспокоенность правительства Германии. По всей вероятности, оно надеялось, что давление на СССР со стороны Франции в пользу заключения пакта с поляками может быть частично компенсировано активностью германской дипломатии. С середины ноября Auswärtiges Amt развернул наступление на Москву с целью удержать ее в русле своей антипольской стратегии. Поначалу (до того, как 22 ноября в советской и польской печати появились официальные сообщения о начале переговоров Литвинова и Патека) немецкая дипломатия пыталась возобновить свои старые увещания о ненужности и вредности любого общеполитического соглашения СССР с Польшей (хотя "с точки зрения всеобщего мира" германское правительство не может-де возражать против советско-польского пакта ненападения)¹⁶⁵. Поскольку решение о переговорах Советы уже приняли, первые «дружеские» демарши Дирксена в НКВД и посещение послом в Париже фон Хешем своего коллеги Довгалецкого¹⁶⁶ во второй половине ноября по существу подготавливали почву для предъявления Москве требований по выхолащиванию содержания договора с поляками. Официальная позиция Берлина, как она была изложена статс-секретарем МИД фон Бюловым полпреду Хинчуку в начале декабря, состояла в том, что "немцы приветствуют наши переговоры с Францией и Польшей и что на этой почве никаких принципиальных разногласий у нас нет"; МИД Германии желает лишь "указать на некоторые пункты этого соглашения, которые имеют значение не только для нас [СССР], но и для них [Германии]".

5 декабря 1931 г. немецкий посол вновь посетил наркома Литвинова "исключительно в связи с нашими переговорами с Польшей". Дирксен передал разработанную в МИД записку («Bemerkungen»), в которой содержался политико-юридический анализ возможных условий советско-польского договора¹⁶⁷. Немецкие возражения вращались вокруг трех проблем: (1) взаимный нейтралитет и обязательства СССР перед Польшей в случае ее войны с Германией, (2) определение нападения как нарушения территориальной целостности и политической независимости, и (3) сохранение в силе ранее заключенных соглашений.

Если Варшава была склонна ограничить пакт обязательствами ненападения, а Москва – придать ему вид гарантийного договора, включающего обязательства нейтралитета и неучастия во враждебных комбинациях, то немцы в своих теоретических послышках исходили из того, что нейтралитет, в случае конфликта участника пакта с третьим государством, входит в понятие ненападения. Однако к советско-польскому соглашению, разъяснялось в записке Auswärtiges Amt, это общее правило совершенно неприменимо, "ибо Польша как член Лиги Наций согласно статье 16 Устава не может обеспечить никакого обязательного нейтралитета". Это замечание затрагивало болезненную струну советской дипломатии – ее опасения, что в случае военного конфликта СССР с одним из государств, входящих в Лигу Наций, Совет Лиги признает агрессором Советский Союз и тем самым санкционирует

¹⁶⁵ Запись беседы М.М. Литвинова с Г. фон Дирксеном, 16.11.1931 // ДВП СССР. Т.14. С.658.

¹⁶⁶ См.: Запись разговора В.С. Довгалецкого с Л. фон Хешем, 20.11.1931. – АВП РФ. Ф.09. Оп.6. П.52. Д.40. Л.142.

¹⁶⁷ АВП РФ.Ф.05. Оп.12. П.86. Д.67. Л.4-7. Москва располагала и другим документом германского МИД, в котором рассматривались условия договора о ненападении между СССР и Польшей, – "Vermerk" (n.d.). Этот документ был передан в секретариат Стомонакова 7 декабря 1931 г. и 4 января возвращен Литвинову; на нем, однако, имеется неожиданная помета наркома: "Пол[учено] от Дирксена 5/IV/31" (Там же. Л.1-3). В равной степени трудно утверждать, что этот документ был передан в НКВД в апреле 1931 г. или что Литвинов просто ошибся (и этот материал был вручен ему 5 декабря). Характеристика немецкой записки в дневнике Литвинова соответствует обоим документам ("Vermerk" и "Bemerkungen"): они близки не только по теме, но и по содержанию. Немецкая дипломатия не была осведомлена о содержании польского проекта 1931 г. и строила свою аргументацию на условиях советского проекта 1926 г. (с принятыми в 1927 г. поправками) и "секретном" тексте договора между СССР и Францией.

оказание ему коллективного международного противодействия. Соответственно Москве предлагалось отказаться от попыток внести в текст договора с Польшей обязательство взаимного нейтралитета и вместо этого сохранить полную свободу действий в случае германо-польской войны. Ознакомившись с запиской МИД, Литвинов не без иронии заметил Дирксену, что при полном несходстве мотивов Германии и Польши их настояния в этом пункте оказываются весьма сходными. "Я готов подумать о том, не следует ли нам, – говорил нарком немецкому послу 5 декабря, – прекратить настойчивость в отношении слова "нейтралитет". Во всяком случае, статья будет отредактирована таким образом, чтобы под нее нельзя было подводить случаев нападения Польши на Германию или другое государство"¹⁶⁸.

Ввиду позиции Польши на московских переговорах это обещание ничего не стоило Литвинову, который готовился предложить полякам дополнить пакт о ненападении особым протоколом, в котором излагались бы обязательства нейтралитета без использования самого этого термина. С другой стороны, это не помешало советской стороне на все лады убеждать поляков закрепить в пакте принцип неоказания помощи нападающей стороне. Дискуссия о том, не нарушит ли советско-польский пакт букву и дух Берлинского договора, заключенного между СССР и Германией в 1926 г., переместилась поэтому в плоскость рассуждений о том, будет ли обеспечено автоматическое освобождение СССР от обязанности не нападать на Польшу в случае начала ее вооруженных действий против Германии (например, для выполнения союзных обязательств, вытекающих из франко-польского договора). Беспокойство немцев было тем большим, что в старом советском проекте тема досрочной денонсации вообще не затрагивалась. Поскольку 1 декабря С. Патека поставил перед Литвиновым и Стомоняковым вопрос о дополнении ст. 2 пунктом о денонсации (и заручился их принципиальным согласием), то в своих "контрзамечаниях" Москва могла с легкостью заверить Берлин, что условия будущего пакта позволят каждой из сторон самой определять, совершила ли другая договаривающаяся сторона агрессию против третьего государства и принимать соответствующее решение¹⁶⁹.

Другие немецкие пожелания радикально расходились с польской позицией и не устраивали саму Москву. В первую очередь это относилось к трактовке нападения как нарушения целостности и государственной независимости, содержащейся в августовском проекте Патека в качестве неотъемлемой части ст. 1. Германский МИД доказывал юридическую нелогичность введения в нее специального определения *Gewaltakt*. Доказывая выгодность "короткой формулировки" ст. 1 МИД ссылался даже на такое компрометирующее *Integritätsklausel* обстоятельство как ее текстуальная близость ст. 10 Устава Лиги Наций. "Упоминания о целостности территорий нельзя будет избежать, – сразу же предупредил Литвинов Дирксена, – поскольку это предложено Польшей и содержится во французском пакте"¹⁷⁰. Тем не менее несколькими днями позже статс-секретарь МИД Б. фон Бюлов вернулся к этой теме. Признание интегритета, заявил он полпреду Льву Хинчуку 9 декабря, создавало бы плохой прецедент не только для СССР, но и для Германии и Литвы. Хинчук отвечал, что "никакого поворота в этом вопросе у нас нет" и о признании границ нет и речи. Однако он дал понять Бюлову, что советско-германское взаимопонимание относительно будущего Польши в основном принадлежит прошлому: "Отклонение польского предложения означало бы, что мы допускаем нападение Польши на одну из Республик ССР и свое собственное нападение на Галицию или другую часть Польши"¹⁷¹. "Совершенно верно, – говорилось в пространном ответе НКВД в конце декабря, – что обязательство о ненападении на какую-нибудь страну означает ненарушение целостности страны и поэтому особое упоминание о ненарушении целостности является излишним. Когда, однако, одна сторона

¹⁶⁸ Дневник М.М. Литвинова. Прием Дирксена 5.12.1931. – Там же. Ф.0122. Оп.15. П.154. Д.2. Л.349.

¹⁶⁹ Gegenbemerkungen zum Entwurf eines polnisch-sowjetischen Nichtangriffpakt, [не позднее 28].12.1931]. – Там же. АВП РФ. Ф.010. Оп.4. П.21. Д.63. Л.565-567. Русский текст ("Контрзамечания к проекту советско-польского пакта о ненападении") см.: Там же. Ф.05. Оп.12. П.86. Д.67. Л.15-17.

¹⁷⁰ Дневник М.М. Литвинова. Прием Дирксена 5.12.1931. Л.348.

¹⁷¹ Запись беседы Л.М. Хинчука с Б. фон Бюловым, Берлин, 9.12.1931. Л.384-383.

предлагает формулировку, оговаривающую специально ненарушение целостности, то возражать против такой формулировки, а тем более ультимативно абсолютно невозможно"¹⁷².

Это была лишь часть правды: Наркоминдел предпочел прятаться за поляков, нежели объяснять собственную заинтересованность в *Integritätsklausel*. Несмотря на то что международные органы (Постоянная совещательная комиссия по разоружению и др.) подвергали рассмотрению возможные критерии определения нападения, краткое пояснение этого понятия в ст. 10 Устава Лиги не получило официального развития. Как Устав Лиги Наций, так и Рейнский пакт 1925 г. ставил решение вопроса о том, имела ли место агрессия в зависимости от решения Совета Лиги. Кроме того, после заключения пакта Бриана-Келлога об отказе от войны как орудия национальной политики в Женеве появились проекты приравнения отказа от мирного разрешения споров к акту нападения¹⁷³. В интересах Советского Союза, упорно воздерживавшегося от участия в Лиге Наций и не признававшего международного арбитража, было ослабить возможность произвольной интерпретации военных действий между СССР и другим государством со стороны "международного сообщества" Женевы и Гааги.

До призыва Литвинова закрепить международно-правовым актом развернутое определение агрессии оставалось еще более года¹⁷⁴. Несомненно, однако, что нарком и его коллеги в конце 1931 г. отдавали себе отчет в общеполитических выгодах принятия той ясной формулы, которая содержалась в польской редакции ст. 1. С другой стороны, Москва была заинтересована в недвусмысленном признании со стороны Польши своего суверенитета над большей частью Украины и Белоруссии, а также Грузией, находившихся с 1921 г. под советским контролем. Неподдельные опасения советских руководителей в отношении польского прометеизма (который они возводили в статус "федеративной программы" Пилсудского) во многом основывались на понимании того, что значительная часть населения западных районов СССР была готова принять польское вмешательство как свое освобождение от жесткой большевистской длани¹⁷⁵. В тексте франко-советского договора констатировалось, что "уважение суверенитета или господства другой стороны на совокупности ее территорий" означает обязательство каждой из договаривающихся сторон по отношению к другой "никоим образом не вмешиваться в ее внутренние дела, в частности, воздерживаться от всякого действия, клонящегося к возбуждению или поощрению какой-либо агитации, пропаганды или попытки интервенции, имеющей целью нарушение территориальной целостности другой Стороны, или изменение силой политического или социального строя всех, или части, ее территорий" (ст.5). Среди международных партнеров Советского Союза в то время не было страны, сходные обязательства которой были бы так важны для него, как обязательства Польской Республики. Верно и обратное: никто более поляков не имел стольких оснований требовать прекращения советского вмешательства в их внутренние дела. Острота взаимных претензий обрекала оба государства на бесконечные препирательства в том случае, если бы в договор о взаимном ненападении была включена соответствующая статья. Неудивительно, что предложение такого рода отсутствовало как в старом советском, так и в новом польском проекте пакта о ненападении, и что ни Литвинов, ни Патеки не поднимали этого вопроса в ходе переговоров. Поэтому единственной возможностью закрепить в договоре с Польшей суверенитет Москвы над западными

¹⁷² Контрзамечания к проекту советско-польского пакта о ненападении, [не позднее 28].12.1931]. Л.17.

¹⁷³ См.: Записка А.В. Сабанина М.М. Литвинову, 5.8.1931. – Там же. Ф.09. Оп.6. П.52. Д.40. Л.20-26.

¹⁷⁴ Конвенция об определении агрессии, внесенная советской делегацией на обсуждение Генеральной комиссии по разоружению в феврале 1933 г., была разработана Литвиновым и юристами НКВД в декабре 1932 г. 25 января 1933 г. нарком представил эту инициативу на утверждение Политбюро, изобразив ее как «новое юридическое средство дипломатической пропаганды наряду с декларацией о разоружении». По мнению С. Дуллан, действительная новизна проекта ускользнула от внимания высшего советского руководства (S. Dullin. Op. cit. P.52-53).

¹⁷⁵ O. Ken. «Alarm wojenny» wiosną 1930 roku a stosunki sowiecko-polskie // Studia z dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. T.XXXV. S. 41-74.

советскими республиками (в развитие постановлений Рижского мирного договора, подписанного еще до образования Союза ССР) являлось указание на принципы территориальной целостности и политической независимости, как это предлагалось Варшавой.

Высшие советские руководители понимали неприемлемость этих принципов для германской внешней политики, которая вступала в фазу открытого ревизионизма, и постарались сгладить впечатление о своей солидаризации со сторонниками послевоенного статус-кво. На встрече с послом фон Дирксеном 12 ноября нарком по военным и морским делам подтвердил, что договор с Польшей не вызовет "ухудшения или изменения в дружественных отношениях Советского Союза с Германией". По существу, однако, заявления Ворошилова о приверженности советского правительства антиверсальскому курсу скорее разочаровывали: "ведь Советский Союз заключил мирный договор с Польшей", напомнил нарком, "и до известной степени признал ["польскую восточную"] границу"¹⁷⁶. Германской дипломатии было трудно возражать против такой интерпретации (как и против включения в преамбулу договора между СССР и Польшей ссылки на Мирный договор 1921 г. как на "основу их взаимоотношений и обязательств"). Выдвигая возражения против политического урегулирования Советским Союзом своих отношений с Польшей в 1926-1927 гг. и 1931 г., немцы обычно ограничивались рассуждениями об опасности признания Москвой западных польских границ, которая-де таится в формулировках об уважении "территориальной целостности".

В действительности с точки зрения германских "национальных интересов" главную угрозу представляла не возможные интерпретации этой формулы, а как раз подтверждение Советским Союзом своего признания границ Польши на востоке. В свое время Г. Штреземан предупреждал Москву, что будущее германо-советских отношений зависит от того, "удовлетворит ли она каким-либо способом потребность Польши в обеспечении ее восточной границы"¹⁷⁷. Если пятью годами позже рейхсканцлер и министр иностранных дел Г. Брюнинг воздерживался от подобных откровений, то это скорее отражало его скептическое отношение к развитию политического сотрудничества с Россией, нежели изменение германской позиции в этом вопросе. Неудивительно, что германские дипломаты в дальнейшем предпочли не вспоминать о заявлении Ворошилова: прямой разговор о судьбе восточной польской границы предполагал такую близость интересов и такую степень доверия, какие в советско-германских отношениях – будь то контакты между дипломатами или военными – были уже утрачены¹⁷⁸.

На следующий день, 13 декабря, Сталин принял Эмиля Людвига, прибывшего в Кремль в сопровождении заведующего Отделом печати НКВД Уманского. В ходе почти двухчасовой беседы со Сталиным писатель задал вопрос (надо полагать, инспирированный

---

¹⁷⁶ Копия доклада Г. фон Дирксена в МИД Германии, 12.12.1931 (получено агентурным путем) // Ю.Л. Дьяков, Т.С. Бушуева. Фашистский меч ковался в СССР: Красная армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922-1933. Неизвестные документы. М., 1992. С.128-129. Тремя неделями ранее нарком Ворошилов заверял начальника *Truppen Amt'a* (фактически – Генерального штаба) В. Адама в том, что "разговоров о границах и вообще о Германии мы вести с поляками не собираемся. С Польшей мы можем говорить только о взаимном обязательстве не нападать друг на друга" ([Фрагменты записи беседы К.Е. Ворошилова с В. Адамом], 12.11.1931 // Там же. С.125.)

¹⁷⁷ J. Korbel. *Poland Between East and West: Soviet-German Diplomacy Toward Poland, 1919-1933*. Princeton, NJ, 1963. P.195 (из инструкции Штреземана послу в Москве Брокдорфу-Ранцау 27 марта 1926 г.). Подробнее см.: H.L. Dyck. *Weimar Germany and Soviet Russia 1926-1933: A Study in Diplomatic Instability*. L., 1966. P.33-37.

¹⁷⁸ В этой связи характерны неоднократное откладывание руководством НКВД поездки генерала В. Адама в СССР и отказ обсуждать с ним и другими представителями рейхсвера оперативные планы в отношении Польши (Письмо военного атташе СССР в Германии В.К. Путны "Дорогому Жоржу" [Я.К. Берзину(?)], Берлин, 5.5.1931 (незаверенная копия). – РГВА. Ф.9. Оп.29с. Д.187. Л.73-74; Выписка из письма военного атташе СССР в Германии Яковенко, 30.8.1931. – Там же. Д.102. Л.187; Выписка из письма помощника военного атташе СССР в Германии Зенека, 1.9.1931. – Там же. Л.180).

Auswärtiges Amt) о судьбе советско-немецкой дружбы в случае "признания нынешних границ Польши со стороны СССР". В ответ Сталин сделал пространное заявление, в котором возложил на "некоторых поляков и французов" ответственность за распространение слухов, вызывающих "известное недовольство и тревогу" "некоторых немецких государственных деятелей". "Мы точно так же, как и поляки, должны заявить в пакте, что не будем применять насилия, нападения для того, чтобы изменить границы Польши, СССР или нарушить их независимость <...>. Без такого пункта о том, что мы не собираемся вести войны, чтобы нарушить независимость или целостность границ наших государств, без подобного пункта нельзя заключать пакт. Без этого нечего и говорить о пакте. Таков максимум того, что мы можем сделать". С точки зрения СССР, заинтересованного в гарантийном пакте с Польшей, обязательства ненападения являлись *минимумом*, но Сталин в этом полемическом рассуждении исходил из германских интересов и обещал Берлину, что в обмен на уступку в данном вопросе Москва не предпримет ничего, что вредило бы германской политике: "Является ли это признанием версальской системы? Нет. Или, может быть, это является гарантированием границ? Нет. Мы никогда не были гарантами Польши и никогда ими не станем, так же как Польша не была и не будет гарантом наших границ. Наши дружественные отношения к Германии остаются такими же, какими были до сих пор"¹⁷⁹.

Устные и письменные объяснения дипломатов и даже публичные изъявления симпатии к немцам, прозвучавшие из Кремля, не устранили напряженности, возникшей между СССР и Германией. Пробыв несколько дней на родине, посол фон Дирксен "с нескрываемым волнением" говорил советнику полпредства в Германии, что "успел убедиться, до какой степени здесь [в Берлине] обеспокоены правительственные и политические круги ходом и всей обстановкой" польско-советских переговоров. Спора нет о том, что мы [СССР] не можем отказаться от заключения пакта. Все здесь понимают это, но в то же время опасаются слишком далеко идущих уступок наших польским притязаниям"¹⁸⁰. Одновременно автор немецких меморандумов по поводу условий договора СССР с Польшей, директор Правового департамента МИД Фридрих Гаус подтвердил, что советские объяснения по двум важнейшим пунктам (обязательства нейтралитета и определение нападения как нарушения территориальной целостности) не удовлетворяют Германию. Желает того Советский Союз или нет, заявил Гаус, "но эти пункты чреваты громадными политическими последствиями"¹⁸¹.

В рождественские праздники Герберт фон Дирксен срочно возвратился в Москву, и уже через несколько часов после прибытия сделал наркому Литвинову представление – зачитал и передал ему новую записку Гауса ("Weitere Bemerkungen") по поводу советско-польских переговоров. Большая часть этого документа была посвящена критике самого рассмотрения *Gewaltakt* в советско-польском договоре. Во-первых, отмечалось в записке МИД, вторая часть ст. 1 не имеет формы интерпретации первой фразы – "она дает не определение обязательства о ненападении, а определение совершенно не встречающегося в первой фразе понятия "насильственное действие" и идет гораздо дальше того, что обычно понимается под нападением. «Очень широко сформулированное постановление о "целостности"» вкупе с использованием понятия "политической независимости" создает "установку на признание состояния владения" и имеет самостоятельное международно-правовое значение. "Равным образом не может параллель относительно клаузулы о целостности в статье 10-й Устава Лиги Наций рассеять наши сомнения относительно этого постановления в советско-польском пакте, – констатировалось в документе МИД, – ввиду того, что наряду со статьей 10-й в Уставе как равноценный политический контрбаланс имеется известная статья 19-ая". (Эта статья резервировала возможность "приступить к

¹⁷⁹ И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. // Он же. Сочинения. Т.13. М., 1952. С.116-117.

¹⁸⁰ Письмо И.С. Якубовича Н.Н. Крестинскому, 25.12.1931. – АВП РФ. Ф.082. Оп.15. П.68. Д.7. Л.1 (изложение беседы с Дирксеном 21 декабря).

¹⁸¹ Там же (изложение беседы с Гаусом 22 декабря).

новому рассмотрению договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир", и была знаменем усилий Германии и Италии по "мирной ревизии" версальских установлений.) Если СССР заинтересован в том, чтобы уточнить понятие «нападение», рассуждали руководители германской дипломатии, то вместо "нежелательных распространительных толкований" следовало бы написать, например, следующее: "Нападение имеет место, если одна сторона вторгается своими вооруженными силами в область другой стороны и не эвакуирует эту область по ее требованию".

Таким образом, германский подход по своему существу оказывался диаметрально противоположной позиции Польши (с которой советская сторона в конце ноября немедленно согласилась): ст. 1 будущего договора основывалась на понимании агрессии как "всякого акта насилия", даже если он был бы предпринят "без объявления войны и с избеганием всех ее возможных проявлений". В свете этого принципиального расхождения второстепенным выглядело беспокойство германского МИД относительно сохранения за СССР возможности автоматически денонсировать пакт с Польшей в случае ее нападения на Германию и возражения против фактической легализации союзного договора между Польшей и Францией (что подразумевалось при подтверждении сторонами своих обязательств перед третьими странами)¹⁸².

После дискуссии с Литвиновым фон Дирксен по его просьбе 26 декабря был принят первым заместителем наркома Крестинским, а 29 декабря вновь появился в кабинете наркома. В изнурительных спорах относительно условий договора с Польшей обе стороны повторяли ранее сформулированные аргументы. В конечном счете Литвинов прочел записку с изложением советских контраргументов¹⁸³. В завершение беседы с Крестинским, отмечал тот в своем дневнике, "Дирксен не смог привести никаких новых возражений и почти согласился со мной". Посол, однако, просил: "Скажите Вашему правительству, что хотя Вы считаете совершенно неправильными наши опасения, но что эти немецкие опасения настолько сильны, что с ними политически нужно посчитаться". Заместитель наркома в ответ посоветовал послу "успокоить" свое правительство – ничего другого не остается: "ведь мы уже согласовали интересующие его статьи с поляками". Крестинский также "высказал удивление по поводу того, что германский МИД задерживает опубликование беседы Эмиля Людвига со Сталиным", которое "внесло бы значительное успокоение в общественно-политические круги"¹⁸⁴. В действительности накануне (25 декабря) соответствующие фрагменты из записи беседы Сталина с Э. Людвигом все же появились в "Berliner Tagenblatt"¹⁸⁵. Однако ожидаемого серьезного эффекта эти разъяснения, как и аргументация Наркоминдела, не возымели.

---

¹⁸² Weitere Bemerkungen zum Entwurf eines sowjetisch-polnischen Nichtangriffspaktes, [ранее 25.12.1931]. – Там же. Ф.05. Оп.11. П.78. Д.85. Л.93-96 (русский текст: "Дальнейшие замечания к проекту советско-польского пакта о ненападении" (Там же. Л.90-92)). Точное содержание статей договора, согласованных Советами с Польшей, оставалось неизвестно немцам. При встрече с Крестинским 26 декабря Дирксен сказал, что намерен просить Литвинова предоставить ему текст согласованных статей. Заместитель наркома выразил сомнение в том: что такая просьба может быть удовлетворена (Дневник Н.Н. Крестинского. Прием фон Дирксена 26.12.1931. – Там же. Ф.0122. Оп.15. П.154. Д.2. Л.418).

¹⁸³ См.: Письмо М.М. Литвинова Л.М. Хинчуку, 28.12.1931. – АВП РФ. Ф.010. Оп.4. П.21. Д.63. Л.564. Эта записка была сообщена также полпреду в Германии, но не передавалась в руки германских дипломатов («Gegenbemerkungen zum Entwurf eines polnisch-sowjetischen Nichtangriffspaktes» (Там же. Л.565-567)).

¹⁸⁴ Дневник Н.Н. Крестинского. Прием фон Дирксена 26.12.1931. Л.423-418. Крестинский в эти дни еще находился в отпуске, но согласился принять посла, т. к. знал "тревожные настроения" немцев (Там же. Л.423).

¹⁸⁵ В высшей степени характерно, что в СССР запись беседы Сталина с Людвигом была опубликована лишь четырьмя месяцами позже.

В Берлине усваивали новый тон в общении с советскими представителями. Руководитель 4-го департамента МИД Рихард Майер начал беседу с временным поверенным Сергеем Александровским заявлением: "Он должен прямо сказать, что в Москве, очевидно, не отдадут себе отчета во всей опасности того переворота (Umschurtz), который прodelывается самой же Москвой. ...Он вынужден констатировать создание новой обстановки и при этом прямо противоположной основам рапалльской политики". Ссылка Александровского на авторитет Сталина не помогла: "М[айер], уверяя во всяческом уважении к т. Сталину, буквально заявил, что его разъяснения, данные "какому-то Людвигу", не имеют никакого государственного значения. Это документ о том, как думает Сталин..." Александровский просил конкретизировать немецкие опасения, и Майер выдвинул на первый план малозаметное упоминание о денонсации договора: "Ему известно от Дирксена, что в советско-польском пакте имеется статья, содержащая оговорку, что в случае нападения Польши на третье государство, СССР имеет право без предупреждения денонсировать договор. М[айер] поручил пересмотреть все существующие аналогичные договоры и нашел, что такая формула существует, может быть, только в советско-литовском и еще каком-то договорах. В договорах всех других стран существует иная формула: прямого, автоматического прекращения действия договора в случае предусматриваемого соответствующей статьей нападения одной из договорных сторон на третье государство. Почему СССР не хочет применить эту формулу – автоматическое прекращение действия договора? Условие денонсации заставляет М[айера] задать вопрос, а кто же гарантирует, что СССР захочет денонсировать в нужный момент? Ведь право не есть обязанность. <...> Советско-французский пакт катастрофичен в своем содержании. Но он не так волнует его потому, что как раз реально политически из него вытекает не особенно многое для Германии. Существует Локарно. <...> Совсем другое дело с Польшей". Ведь в случае ее выступления на стороне Франции "Польша будет уже не нападающим государством, а лишь исполняющим свои союзные обязанности", и в обстановке польско-немецкой войны "СССР не сможет протестовать или отказаться от соблюдения нейтралитета" в отношении поляков. Советник полпредства заверил, что и в этом случае СССР сохранит свободу рук. На обвинение в нелояльности он ответил невероятным для рапалльских отношений обвинением в подготовке агрессии против Польши: "Наши пакты с Францией и Польшей могут быть неудобны Германии лишь тогда, когда она сама собирается напасть". Беседу с Александровским руководитель «русского отдела» МИД завершил заявлением: "В Москве должны понять одно – дело обстоит очень серьезно, если все останется так, как М[айер] об этом информирован. Это не его личное мнение. *Так же думают Брюнинг, Гинденбург, Бюлов и др.* Если обнаружатся позже те скверные последствия, о которых он предупреждает, СССР не сможет сказать, что он не был вовремя осведомлен как об отношении Германии, так и об этих последствиях". Майер напомнил о возможности образования единого экономического фронта против Советского Союза (в его тоне "звучала вполне ясная угроза") и о том, что "СССР был вовремя предупрежден хотя бы уже его разговором с Литвиновым 4-го сентября 1931 г. в Женеве"¹⁸⁶. Переход германской дипломатии от просьб и советов к угрозам и созданию для себя алиби на случай разрыва с СССР завершило замечание фон Дирксена заведующему 2-м Западным отделом НКВД: еще "в 1928 г. с немецкой стороны в Берлине было сделано заявление, что заключение советско-польского договора неизбежно должно задеть германо-советские отношения. Таким образом, германское правительство уже тогда высказало свою точку зрения на этот вопрос"¹⁸⁷.

¹⁸⁶ Запись беседы С.С. Александровского с Р. Майером, Берлин, 4.1.1932. – Там же. Ф.082. Оп.15. П.68. Д.7. Л.24-17 (курсив мой; слово «Umschurtz» в оригинале передано кириллицей). 7 января на ту же тему с Александровским беседовали (раздельно) Типпельскирх и Шлезингер (Дневник С.С.Александровского, 7.1.1932. – Там же. Л.11, 14-12).

¹⁸⁷ Запись беседы Д.Г.Штерна с Г. фон Дирксеном, 21.1.1932. – Там же. П.67. Д.3. Л.23. Две других беседы Штерна и Дирксена о советских пактах с Францией и Польшей состоялись 5 и 14 января 1932 г.

Сотрудник 4-го департамента МИД В. фон Типпельскирх, которому "пришлось говорить, докладывать и т. д. со всеми политическими деятелями сегодняшнего дня", убеждал полпредство СССР в Берлине, что с опубликованием текстов советско-французского и советско-польского договоров разразится буря, если не прямо катастрофа¹⁸⁸. Ничего подобного, однако, не случилось, когда в конце января советская печать обнародовала парафированный Литвиновым и Патеком текст советско-польского договора о ненападении. Нажим на Москву со стороны Германии, достигший в первой половине января 1932 г. своего апогея, вскоре уступил место примирительным заявлениям. Тактика немецкой дипломатии была проста: не давать волю чувствам и скрывать свои непреодолимые расхождения с СССР, дабы не усугублять свое и без того затруднительное положение. Германская печать, не без подсказки Auswärtiges Amt, сочувственно комментировала согласованный СССР и Польшей текст договора и отмечала, что у Германии нет оснований чувствовать себя ущемленной, приводя, констатировал Крестинский, «те самые аргументы, какими мы в наших предыдущих разговорах здесь [в Москве] и Берлине успокаивали немцев»¹⁸⁹. Советская сторона, охотно объясняла западным дипломатам на Вильгельмштрассе, лояльно информировала немцев о своих переговорах с поляками, что позволило избежать каких-либо недоразумений¹⁹⁰. Посол фон Дирксен при посещении первого заместителя наркома иностранных дел 27 января на этот раз "очень спокойно говорил о пакте". "Он при этом прибавил, что наличие в пакте с финнами статьи, гарантирующей границы и отсутствие таковой в польском пакте производит на него и на германское общественное мнение очень благоприятное впечатление, являясь объективным подтверждением правильности нашего [советского. – О. К.] толкования второго абзаца I ст. пакта, где говорится о насильственных актах, нарушающих целостность и неприкосновенность территории"¹⁹¹. Советник германского посольства в Москве Ф. фон Твардовский хвалил советских коллег за опубликование парафированного текста,

¹⁸⁸ Запись беседы С.С. Александровского с В. фон Типпельскирхом. 7.1.1932. – Там же. П.68. Д.7. Л.11. Через несколько месяцев Типпельскирх возглавил "Русский" отдел Auswärtiges Amt.

¹⁸⁹ Письмо Н.Н. Крестинского В.А. Антонову-Овсеенко, 27.1.1932. – Там же. Ф.010. Оп.4. П.21. Д.64. Л.81.

¹⁹⁰ F.M. Sackett to Secretary of State, Berlin, 27.1.1932. – NA. SD:761.62/266. Истинный дипломат, фон Дирксен продолжал эту линию даже в послевоенных мемуарах. Конечно, рассказывал он, "экстравагантные требования, которыми Рихард Мейер бомбардировал меня из Берлина, не могли быть полностью удовлетворены", "однако наше главное требование было недвусмысленно удовлетворено, а именно, что Советский Союз воздержался от гарантий, даже в самой косвенной форме, в отношении ныне существующих границ между Германией и Польшей" (H. von Dirksen. Moscow, Tokyo, London: Twenty Years of German Foreign Policy. Norman, Okla., 1952. P.106 (цит. по: Г. фон Дирксен. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М., 2001. С.157)).

¹⁹¹ Письмо Н.Н. Крестинского В.А. Антонову-Овсеенко, 27.1.1932. Л.80. В действительности особой статьи о гарантии границ в договоре СССР с Финляндией не было. Согласно ст. 1 этого договора, стороны "гарантируют взаимно неприкосновенность границ", установленных *между ними* Тартуским договором. Упоминание о "гарантии" объяснялось незавершенностью – вплоть до весны 1938 г. – демаркации советско-финской границы (см.: А.И. Рупасов, А.Н. Чистиков. Советско-финляндская граница. 1918-1939. СПб., 2000. С.74-105), а также существованием в Финляндии оппозиционного правительству лапуаского движения, требовавшего ее пересмотра. В этой обстановке, по всей вероятности, МИД Финляндии счел ненужным раздражать соседа отказом от заявления о неприкосновенности границ. С другой стороны, в декабре 1931 г., при определении переговорной позиции СССР, заведующий 1-м Западным отделом НКВД Райвид высказывался против сохранения этого пункта в советском проекте договора ("вряд ли финны на эту формулировку пойдут и нам не стоит из-за этого спорить") (А.И. Рупасов. Указ. соч. С.168). Важно также, что стороны не брали на себя соответствующих *обязательств*, а лишь подтверждали приверженность существующему территориальному разграничению между ними; ссылка на уважение обязательств Мирного договора присутствовала и в договоре СССР с Польшей. Таким образом, никакого принципиального значения для советской политики в отношении соседних государств упоминание или неупоминание о взаимной гарантии общих границ в договорах о ненападении не имело и не порождало прав или обязанностей договаривающихся сторон.

соглашался, что Литвинову было неудобно ехать в Женеву без достижения согласия с Польшей, и отмечал, что в успокоении Берлина "большую роль сыграло интервью тов. Сталина, а также заверения, которые Посольство получило от НКВД по вопросу о стабильности германо-советских отношений"¹⁹².

Германский дипломат не мог знать, что ровно через два года, 30 января 1934 г., именно на его долю выпадет указать представителю НКВД на то, что "в свое время Дирксен и он очень усиленно обращали наше [СССР] внимание на опасные последствия нашего [советского] пакта ненападения с Польшей". "Не подлежит сомнению, сказал Т[вардовский], что *в тот день, когда был подписан пакт, было убито Рапалло*, т.к. по существу в основе рапальской политики лежало заявление, сделанное Чичериным Брокдорфу-Ранцау о том, что в случае столкновения Германии с Польшей к советской границе будет приковано не менее 15 польских дивизий"¹⁹³.

---

¹⁹² Запись беседы Д.Г. Штерна с фон Твардовским, 28.1.1932. – АВП РФ. Ф.082. Оп.15. П.67. Д.3. Л.23. Твардовский подходил на роль сладкогласной сирены больше своих коллег, ибо не участвовал в предшествующих демаршах посольства.

¹⁹³ Запись беседы Д.Г. Штерна с фон Твардовским и фон Хильгером, 30.1.1934. – Там же. Оп.17. П.77. Д.3. Л.42 (курсив мой).

5. От парафирования договора к его ратификации (февраль – ноябрь 1932 г.)

Прошло полгода, прежде чем парафированный текст договора о ненападении был подписан представителями Польши и СССР, а после подписания – еще пять месяцев до его ратификации Варшавой и Москвой. Переговоры, сопровождавшие этот процесс, были связаны с двумя главными требованиями Польши, которые рассматривались ею как составная часть соглашения с Советами о пакте ненападения. Первое из них состояло в принятии Советским Союзом обязательств ненападения по отношению ко всем своим соседям в Европе – от Финляндии до Румынии. Второе условие ратификации и вступления в законную силу советско-польского договора было оговорено в самом его тексте. Согласно ст. 5, обе договаривающиеся стороны обязались передавать "спорные вопросы, в отношении которых в надлежащий период времени не могло быть достигнуто соглашения дипломатическим путем", на согласительную процедуру. Соответствующая конвенция о применении согласительной процедуры объявлялась "неотъемлемой частью настоящего Договора" и подлежала ратификации одновременно с ним.

Наибольшие политические трудности вызывала реализация первого условия. Слабым звеном в задуманном Варшавой "едином фронте лимитрофов" с самого начала являлась Румыния. Январские переговоры в Риге между советским и румынским уполномоченными натолкнулись на нежелание Бухареста ставить под сомнение свой суверенитет над Бессарабией и требование Москвы признать наличие территориального спора между двумя странами. Это расхождение лишало всякого смысла принятие Советским Союзом обязательства не нападать на Румынию. Формулирование той самой ст. 1, которая была с легкостью согласована обеими сторонами при подготовке договора СССР с Польшей, превратилось в неразрешимую проблему. К октябрю 1932 г., после нескольких туров переговоров при польском и французском посредничестве, формальные разногласия между СССР и Румынией свелись к тому, употреблять ли слово "existants" применительно к упоминаемым в согласованном проекте спорам. Вопреки настояниям Литвинова Кремль отказался снять свое требование о включении в пакт ссылки на "существующие споры"¹⁹⁴. В начале 1932 г. лишь разносторонне одаренный граф Михаил Стурдза, на протяжении трех недель дискутировавший в Риге с Борисом Стомоняковым, сумел в полной мере осознать "мораль румыно-советских переговоров" и предвидеть их исход. "Самая простая пронизательность, самое слабо обостренное чувство подскажут..., – писал он главе правительства Румынии, – что Бессарабия не является для СССР ни простым вопросом престижа, ни незначительным территориальным вопросом. Бессарабия осталась до настоящего времени для Советов одним из самых главных резервов драмы, которую они тщательно готовят. Бессарабия – политическая брешь, заботливо охраняемая в границах буржуазного мира, зародыш военного прорыва в их планах разрушения этого мира"¹⁹⁵. Вряд ли кто-либо из членов высшего советского руководства специально формулировал внешнеполитические цели СССР в отношении Румынии, однако обсуждение в НКВД и Политбюро ЦК ВКП(б) ближайших задач советской дипломатии свидетельствует в пользу правоты М.Стурдзы.

В переговорах с Румынией политическое руководство СССР делало ставку на то, что занятая им ультимативная позиция либо приведет к очевидной дипломатической победе, облегчающей предъявление Румынии новых требований в отношении спорной провинции, либо принесет иную выгоду – усугубит противоречия между Румынией и ее союзницами и, в конечном счете, оставит ее один на один с усиливающейся советской державой. Жесткость в переговорах с Румынией была призвана компенсировать ту, как сокрушенно писал член Коллегии НКВД, "необыкновенно быструю уступчивость, которую мы, после долгих споров,

¹⁹⁴ Подробнее см.: О.Н. Кен, А.И. Рупасов. Указ. соч. С.348-354.

¹⁹⁵ Письмо М. Стурдзы Н. Йорге, Рига, 30.1.1932 // Советско-румынские отношения: Документы и материалы. Т.1. 1917-1934. М., 2000. С.367.

проявили в переговорах с Польшей о заключении пакта о ненападении"¹⁹⁶. Избранная Москвой линия поведения противостояла внешнеполитическому императиву Польши о "пакте по всей линии": политико-дипломатическая брешь – не столь важно, на Буге или на Днестре, – должна была оставаться открытой при любом исходе переговоров СССР с его западными соседями.

Согласование текста договора между СССР и Польшей поэтому не только не устранило соперничества за влияние в восточноевропейском регионе, но даже обострило старое противоборство. Неудивительно, что член Коллегии НКВД с ожесточением комментировал сообщение, которое сделал Литвинову Залеский на встрече в Женеве 26 февраля (о желании Польши ввести в силу парафированный пакт одновременно с другими соседями СССР от Балтики до Черного моря), и польскую восточную политику в целом. "Таким образом, – указывал Стомоняков, – подтверждается дававшаяся нами неоднократно оценка поведения Польши в этих переговорах. Пилсудский не хотел и не хочет пакта. Он пошел на переговоры под влиянием Бриана и Бертелло. Когда нажим Франции на Польшу прекратился, Польша перестала проявлять к нему интерес и дала соответствующие директивы своему верному вассалу – Эстонии"¹⁹⁷.

4 мая 1932 г. переговоры Москвы со странами Балтии о пактах ненападении завершились: нарком Литвинов и посланник Сельямаа поставили свои подписи под договором о ненападении между СССР и Эстонией (советско-латвийский пакт был подписан в Риге тремя месяцами ранее). Хельсинки, Рига и Таллинн не скрывали своего намерения ратифицировать пакты с СССР в самом близком будущем. Согласие СССР на одновременное заключение пакта со всеми лимитрофами, включая Румынию, превращалось из успеха польской дипломатии в новое осложнение для восточной политики Варшавы. Дальнейшая солидаризация с неуступчивой Румынией перерастала в зависимость от нее и грозила отчуждением Польши от балтийских стран. Перед завершением советско-эстонских переговоров польское руководство вновь предложило Румынии и СССР свое посредничество, одновременно предупреждая союзницу, что в случае провала второго раунда переговоров Польша подпишет пакт с Советами самостоятельно. В конце мая Залеский информировал об этом решении наркома Литвинова¹⁹⁸, тем самым признав обременительность для Польши дальнейшей поддержки Румынии. Месяцем позже польский министр вручил главе советского дипломатического ведомства новый проект договора между СССР и Румынией. "Литвинов обещал обсудить предложение Залеского и дать ответ, но тут же заметил от себя, что несогласие Румынии упомянуть о наличии спорных вопросов помешает заключению пакта и что Польше в таком случае придется подписывать пакт без Румынии, Залеский промолчал, не заявил о неприемлемости для него такой перспективы. По ряду имеющихся информации Польша готова ратифицировать пакт одновременно с прибалтами без Румынии. Полагаем, что формулировка Залеского-Титулеску неприемлема и что в вопросе о Бессарабии надо остаться на прежней позиции", – телеграфировали Сталину руководящие члены Политбюро, прося сообщить свое мнение. Тот, разумеется, согласился¹⁹⁹. 28 июня Политбюро утвердило

¹⁹⁶ Письмо Б.С.Стомонякова М.М. Литвинову, Рига, 21.1.1932. – АВП РФ. Ф.010. Оп.4. П.22. Д.65. Л.79. Впрочем, если Стомоняков, исходя из заключения соглашения с Польшей, культивировал жесткость в отношении Румынии, то Литвинов (вообще считавший, что было бы лучше признать суверенитет Румынии над Бессарабией) в середине осени 1931 г. предлагал договориться с румынами и отвергнуть предложения поляков о заключении пакта ненападения.

¹⁹⁷ Письмо Б.С.Стомонякова В.А. Антонову-Овсеенко, 5.3.1932. – АВП РФ. Ф.0122. Оп.16. П.160. Д.8. Л.11.

¹⁹⁸ Запись беседы М.М. Литвинова с А. Залеским, Женева, 24.5.1932 // ДВП СССР. Т.15. С.330.

¹⁹⁹ Телеграмма В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, К.Е. Ворошилова и Г.К. Орджоникидзе И.В. Сталину, 26.6.1932 // О.В. Хлевнюк и др. (сост.). Указ. соч. С.194. Информационная часть шифротелеграммы почти дословно повторяла соответствующее сообщение Литвинова в НКВД и записку его заместителя в Политбюро (см.: Телеграмма М.М. Литвинова в НКВД СССР, Женева, 23.6.1932 // ДВП СССР. Т.15. С.380; Записка Н.Н. Крестинского Л.М. Кагановичу, 25.6.1932. – АВП РФ. Ф.09. Оп.7. П.35. Д.5. Л.55-56). Цитируемые формулировки интересны тем, что отражают

телеграмму наркому Литвинову, которая подтверждала прежнюю советскую позицию и предписывала "принимать меры к тому, чтобы задержка заключения пакта с Румынией не имела своим последствием отсрочки подписания и ратификации пакта с Польшей"²⁰⁰. Литвинов получил это указание одновременно с известием о том, что Латвия первой из соседних стран ратифицировала пакт с Советским Союзом. Руководитель НКВД перешел в наступление и заявил Залескому, что "если польское правительство действительно хочет благополучного окончания переговоров, то единственным средством является скорейшее подписание пакта, после чего румынское правительство станет более разумным"²⁰¹.

Через несколько дней Пилсудский дал указание МИД Польши о подписании договора ненападения с СССР, отложив его ратификацию до заключения советско-румынского пакта. Подписание было поручено Станиславу Патеку, однако 5 июля советник польской миссии предупредил Наркоминдел, что "он болен и долго не сможет выходить". Патек "уже начал характерные для него фокусы", оценил это известие Стомоняков. Он предполагал, что Патек, «получив поручение подписать пакт, разрабатывает какой-то большой "стратегический" план, сносится с Варшавой и, может быть, с лимитрофами и, чтобы выиграть время, сказался больным». Тем не менее, "поскольку связь с Румынией обеспечена и Румынии от Польши бежать некуда, а прибалты являются все же "ненадежными клиентами", Польша, надо полагать, заинтересована в том, чтобы действительно поторопиться с заключением пакта"²⁰².

Из-за отсутствия наркома Литвинова подписать договор со стороны СССР выпало на долю его заместителя Крестинского, который полутора годами ранее не стеснялся признать, что "вообще был бы огорчен, если бы нам пришлось заключить пакт с поляками"²⁰³. Чувства его вряд ли изменились. За десять дней до того, как Крестинский поставил подпись под договором о ненападении, он направил в Политбюро ЦК ВКП(б) предложение по организации обмена политзаключенными, которым предполагалось сопроводить это подписание. Особое внимание заместитель наркома уделил яркой фигуре Б. Тарашкевича, ожидавшего в Польше суда. "Для нас Тарашкевич представляет ценность не только как видный работник Польской Компартии вообще, но и особенно как признанный вождь рабоче-крестьянских масс Западной Белоруссии. Его пребывание на советской территории имеет огромное значение на случай войны с Польшей, – докладывал Крестинский. – Тов. Тарашкевич принес бы нам в этом случае огромную пользу не только в агитационно-пропагандистской работе на Белорусском фронте, но, вероятно, сыграл бы большую роль в органах революционной власти в случае занятия нами Западной Белоруссии"²⁰⁴. Судя по всему, Крестинский довольно ясно представлял вероятное развитие событий после принятия Союзом ССР обязательств воздерживаться от "всякого акта насилия, нарушающего целостность и неприкосновенность территории или политическую независимость" Польской Республики.

25 июля 1932 г. в особняке Наркоминдела на Кузнецком мосту договор о ненападении между СССР и Польшей был наконец подписан. По завершении процедуры Крестинский осведомился у посланника, когда он намерен приступить к переговорам о примирительной процедуре. "Вопрос мой был вызван тем, – писал Крестинский в Варшаву, – что полномочие у Патека было подписать и пакт, и конвенцию о примирительной процедуре. Патек на это ответил, что он в среду или четверг (27 или 28 июля) уезжает в Варшаву, чтобы повидаться с

восприятие женевских переговоров руководящей группой Политбюро. Это послание, предлагавшее Сталину ответить на риторический для советской политики вопрос, подтверждает, что переговоры с Румынией находились под личным контролем Генерального секретаря (см.: О.Н. Кен, А.И. Рупасов. Указ. соч. С.326). Возможно, это частично вызывалось опасениями, что без такого контроля Литвинов может зайти слишком далеко в уступках Румынии и поставит Политбюро перед необходимостью согласиться с ними.

²⁰⁰ Протокол № 106 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 28.6.1932. – РГА СПИ. Ф.17. Оп.162. Д.13. Л.3, 9.

²⁰¹ Телеграмма М.М. Литвинова в НКВД СССР, Женева, 30.6.1932 // ДВП СССР. Т.15. С.393.

²⁰² Письмо Б.С. Стомонякова Б.Д. Подольскому, 7.7.1932. – АВП РФ. Ф.010. Оп.4. П.21. Д.64. Л.90-89.

²⁰³ См. выше (часть 1).

²⁰⁴ Записка Н.Н. Крестинского Л.М. Кагановичу, 15.7.1932. – АВП РФ. Ф.010. Оп.4. П.21. Д.63. Л.236.

возвращающимся из своего имени маршалом и переговорить с МИД, и приступит к дальнейшим переговорам по возвращении²⁰⁵. Вместе с посланником Пилсудский вызвал к себе государственного секретаря Ю. Бека, начальника Восточного отдела Т. Шетцеля и военного атташе в Москве Я. Ковалевского. "По сведениям С. Семполовской, которая беседовала с Патеком после его возвращения от маршала, вопрос о ратификации дело далекого будущего. Пилсудский заявил им, что пока довольно того, что сделано, что сейчас Польша не поставлена в такие условия, при которых ей нужно было особенно торопиться"²⁰⁶.

Откладывание переговоров о согласительной конвенции и ратификации договора с Польшей "очень обрадовало" члена Коллегии НКВД Стомонякова, поскольку увеличивало разрыв во времени между ратификацией аналогичных договоров СССР с балтийскими странами. "Таким образом, мы можем с удовлетворением констатировать, – писал Стомоняков своему коллеге, – что борьба, которую Польша в течение 6 лет ведет за образование единого фронта лимитрофов под руководством Польши в деле заключения пактов, кончается не в ее пользу. Мы будем иметь, по-видимому, три этапа вместо одновременного введения в силу всех пактов. Сначала вступает в силу финляндский пакт, потом латвийский и эстонский и уже после этого польский, вероятно, вместе с румынским, а может быть даже и одновременно с французским"²⁰⁷.

В отношении пакта СССР с Румынией этот прогноз оказался ошибочным. В начале ноября переговоры между ними окончательно зашли в тупик, что были вынуждены признать правительства Польши и Франции, пытавшиеся помочь отысканию компромисса. В октябре 1932 г., в обстановке нарастания социально-политического кризиса в Германии и общеевропейской нестабильности, правительство Папена объявило, что до удовлетворения требования Германии о "равноправии в вооружениях" она покидает Конференцию о разоружении и прекращает свое членство в Лиге Наций. Потребность в укреплении международного режима безопасности требовала от Парижа и Варшавы по меньшей мере нормализовать свои политические отношения с Советским Союзом. 21 октября влиятельные пилсудчики – редакторы "Gazety Polskiej" И. Матушевский и Б. Медзиньский и вице-министр финансов А. Коц – устроили завтрак для полпреда Антонова-Овсеенко и говорили с ним об "общности нашего с вами положения перед лицом германской опасности", о том, что в Польше, в отличие от Англии и Германии, "интервенционистские тенденции" "совершенно незначительны" и "вы должны бы стремиться к дружественным отношениям с нами"²⁰⁸.

В конце октября Залеский сообщил полпреду Антонову-Овсеенко, что продолжение польского посредничества возможно лишь в случае предоставления Румынией "гарантии доброй воли". Если же соглашение между СССР и Румынией окажется невозможным, то "Польша сочтет себя свободной в ратификации пакта". В предвидении этого министр предложил "вскоре закончить вопрос о согласительной конвенции"²⁰⁹. Эта важная беседа с

²⁰⁵ Письмо Н.Н. Крестинского Б.Д. Подольскому, 25.7.1931. – Там же. Л.82.

²⁰⁶ Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Н.Н. Крестинскому, Варшава, 6.8.1932. – АВП РФ. Ф.010. Оп.4. П.21. Д.63. Л.255. От такого ответа Патека якобы "растерял все свое повышенное настроение, которое как рукой сняло" (Дневник временного поверенного в делах Б.Д.Подольского, 6.8.1932. – Там же. Д.64. Л.316). Возможно, к этому посещению Пилсудского относится и другое свидетельство известной общественной деятельницы, выполнявшей деликатную миссию представителя советского Красного Креста в Польше и неофициально информировавшей полпредство о настроениях правительственных кругов. "Бек исключительно влиятелен; С[емполовск]ая с просьбой не разглашать рассказывает, что Патека на себе испытал это: в последний раз он с Ковалевским пробыл (sic) три дня (sic) у маршала и убедили его в определенных вещах, но приехал Бек и, после 15-минутной с ним беседы маршал снова их призвал и изменил свои решения сообразно тому, что говорил Патеку несогласный с ним Бек» (Там же. Д.64. Л.334-333.)

²⁰⁷ Письмо Б.С. Стомонякова Н.Н. Крестинскому, Берлин, 26.7.1932. – Там же. Л.240-240об. Стомоняков находился в Германии на лечении и запомнил, что "латвийский пакт" вступал в силу ранее финляндского (28 июля и 9 августа соответственно).

²⁰⁸ Дневник полпреда В.А. Антонова-Овсеенко, 24.10.1932 (запись 21 октября). – Д.64. Там же. Л.336.

²⁰⁹ Телеграмма В.А. Антонова-Овсеенко в НКВД, Варшава, 31.10.1932 // ДВП СССР. Т.15. С.595

советским представителем была одной из последних акций Августа Залеского на послу главы Министерства иностранных дел.

Перевод любимца Пилсудского Юзефа Бека в МИД в ноябре 1930 г. явился (как докладывал Антонов-Овсенко) симптомом изменения в "советской политике" польского правительства, предпринявшего тогда попытку вступить в переговоры об урегулировании отношений с СССР. Назначение его 2 ноября 1932 г. министром иностранных дел означало, среди прочего, решимость закрепить перемены, происходившие в польско-советских отношениях за минувшие два года²¹⁰. Когда Антонов-Овсенко 14 ноября заметил Беку, что неопределенность положения компрометирует намеченный Польшей политический курс на установление "ясных, недвусмысленных добрососедских отношений", новый министр ответил обещанием дать указание Патеку о вступлении в переговоры с НКВД о заключении согласительной конвенции²¹¹. На этот раз Патеке действовал без промедления и 16 ноября предложил Литвинову завершить переговоры о согласительной конвенции, начатые годом ранее.

Они были нелегкими. Если Польша, как и большинство других государств, вступавших в переговоры о заключении согласительных конвенций с Советами, была заинтересована в создании автономного института рассмотрения двусторонних споров и наделении его возможно большими полномочиями, то советские руководящие инстанции относились к согласительной процедуре как обременительной для них уступке международному праву. В силу очевидных причин (и в полном противоречии с российской политикой времен Николая II) советская дипломатия изначально отрицательно относилась к принципу судебного разрешения международных конфликтов и основанному на нем арбитражу²¹². Взамен ей пришлось согласиться на использование двусторонних согласительных комиссий как правового механизма разрешения споров. Впервые образование таких комиссий было предусмотрено советско-латвийским договором о ненападении (парафированным в марте 1927 г., но так и не подписанным сторонами). В начале 1929 г., когда вслед за заключением с Германией особой конвенции о согласительной процедуре, перед Москвой встал вопрос о применимости этого инструмента в отношениях с другими государствами, Коллегия НКВД констатировала "отсутствие политической заинтересованности Союза в заключении согласительных конвенций с иностранными государствами" и рекомендовала всячески уклоняться от вступления в переговоры на этот счет²¹³. "Коллегия исходила при этом из того основного положения, что при отношении к нам капиталистического мира и при характере возникающих с ним конфликтов согласительные комиссии лишь в редких случаях будут приводить к удовлетворительным результатам". С другой стороны, разъяснял тогдашнему полпреду в Польше член Коллегии НКВД, "количество спорных вопросов, возникающих из неправильного применения договоров или

---

²¹⁰ Одновременно был окончательно решен вопрос о замене С. Патека Ю. Лукасевичем в качестве нового посланника Польши в СССР (другим кандидатом на эту должность был Б. Медзиньский). Ощущение, что достигнутый осенью 1932 г. рубеж в отношениях СССР и Польши склоняет к кадровым переменам, присутствовало и в Наркомате по иностранным делам. В конце ноября, в связи с желанием В. Антонова-Овсенко "перебраться в СССР", Крестинский предложил ему пост представителя НКВД в Тифлисе. Полпред отказался, но продолжал ожидать решения о своей "дальнейшей работе" (Личное письмо Н.Н. Крестинского В.А. Антонову-Овсенко, 29.11.1932. – АВП РФ. Ф.010. Оп.4. П.21. Д.64. Л.23; Личное письмо В.А. Антонова-Овсенко Н.Н. Крестинскому, Варшава, 6.12.1932. – Там же. Л.24).

²¹¹ Запись беседы В.А. Антонова-Овсенко с Ю. Беком, 14.11.1932 // ДВП СССР. Т.15. С.608-609.

²¹² Правда, на Московской конференции по сокращению вооружений (1922 г.) М.М. Литвинов заявлял, что возглавляемая им делегация «никогда не отвергала в принципе идею арбитража» и лишь отмечает недостаточность этого инструмента. Декларация 1922 г. явилась изолированным эпизодом, не имевшим серьезных последствий (см.: M.W. Graham. The Soviet Security Treaties // American Journal of International Law. Vol.23. Issue 2 (Apr. 1929). P. 338, 343-344).

²¹³ Выписка из протокола № 23 заседания Коллегии НКВД от 6.3.1929. – Там же. Ф.0122. Оп.13. П.145. Д.9. Л.10.

их нарушения, в которых мы (т.е. СССР) заинтересованы, крайне невелико. Зато другая сторона заинтересована во многих таких делах, поскольку наш аппарат дает больше оснований для жалоб на нарушение договоров или прав граждан"²¹⁴. Соответственно главными задачами при переговорах с лимитрофами назывались лишение согласительных комиссий атрибутов постоянного органа по расследованию инцидентов и внесение в конвенции формулировок, обеспечивающих для Москвы возможность "непринятия практических мер по спорным вопросам, подвергнутым согласительной процедуре"²¹⁵.

Принципиальные разногласия по существу согласительной процедуры заняли немалое время на польско-советских заседаниях в декабре 1931 г. (в особенности на переговорах 1 и 16 декабря). Литвинов и Стомоняков добились отказа от намерения Польши поручить руководство согласительной комиссией нейтральному председателю (т.е. лицу, являющемуся гражданином какой-либо третьей страны) и расширить полномочия комиссии вплоть до включения в ее компетенцию разбора старых конфликтов, связанных с исполнением Рижского мирного договора. В конечном итоге польская дипломатия предпочла пожертвовать содержанием согласительной конвенции, нежели идти на большие уступки в отношении текста пакта о ненападении, а советская сторона согласилась на одновременное введение в силу пакта и конвенции при условии, что при составлении последней за образец будет принята советско-германская согласительная конвенция (продобно тому, как это было сделано)²¹⁶. В Протоколе подписания № 2, скрепленном Патеком и Крестинским 25 июля, констатировалось "отсутствие между сторонами существенных разногласий... по поводу представленного советской стороной проекта согласительной конвенции". Речь поэтому могла идти лишь о внесении поляками поправок к этому проекту. Таких поправок было предложено четыре. Первая из них придавала согласительной комиссии постоянный характер, что позволяло передавать ей спорные вопросы в любое время. Во-вторых, "принимая во внимание значительность границ между СССР и Польшей", предлагалось исключить из компетенции согласительных комиссий вопросы об изменении территориального статута; согласительная комиссия при этом могла бы служить второй инстанцией при разрешении пограничных конфликтов, рассматриваемых пограничными комиссиями. Третье возражение касалось советского пожелания, чтобы процедура работы комиссии устанавливалась не конвенцией, а решениями самой комиссии. Наконец, Варшава настаивала на предоставлении Москвой обязательства автоматически распространить на отношения с нею арбитражную процедуру, если СССР в будущем даст согласие на арбитраж какому-либо государству. Впрочем, в тексте польского проекта, который Патека передал главе НКВД, были и другие новации. Так, ст. 10 адресовала стороны к правилам Гаагской конвенции 1907 г. о мирном разрешении споров и "ведении расследований (дознаний)"²¹⁷.

После изучения польского варианта Литвинов заявил, что он "радикально отличается от внесенного нами в свое время". Это относится, говорил Литвинов Патеку 17 ноября, как к статьям о постоянной работе согласительной комиссии, так и к "некоторым другим положениям польского проекта", которые уже "были предметом требований со стороны других наших контрагентов, но мы их неизменно отклоняли. Мы попали бы в неудобное положение, если бы после этого приняли предложения, предлагаемые Польшей". Рассмотрение проекта Патека "может потребовать длительных переговоров", предупредил Литвинов, особенно если польская сторона будет настаивать на своих пожеланиях относительно постоянного характера и компетенции согласительных комиссий. Вместо этого посланнику предлагалось "выбрать любую конвенцию, заключенную нами с другими

²¹⁴ Письмо Б.С. Стомонякова Д.В. Богомолу, 9.3.1929. – Там же. П.144. Д.2. Л.43.

²¹⁵ А.И. Рупасов. Указ. соч. С.178.

²¹⁶ Дополнение к протоколу № 3 заседания по делу пакта о неагрессии 1 декабря 1931, 2.12.1931. Л. 355; Запись переговоров по делу пакта о ненападении 16.12.1931, 16.12.1931. Л.390-386; Запись беседы М.М. Литвинова с С. Патеком, 13.1.1932. С.25.

²¹⁷ Дневник М.М. Литвинова. Прием Патека 16.11.1932. – АВП РФ. Ф.010. Оп.4. П.21. Д.64. Л.339; "Польский проект согласительной конвенции, врученный Патеком тов. Литвинову 16 ноября 1932 г." (перевод, с пометами Литвинова). – Там же. Ф.05. Оп.11. П.78. Д.85. Л.15-21.

странами", в качестве прототипа польско-советского соглашения о согласительной процедуре. Литвинов отверг и последнее предложение Патека – об обещании распространить на споры с Польшей арбитражную процедуру, если СССР признает такую процедуру в отношениях с каким-либо государством²¹⁸.

МИД Польши в целом согласился с предложенным Литвиновым образом действий, сообщил Патека на следующей встрече (19 ноября), однако возражает против отказа от последнего польского предложения. "...Мы отнюдь не отказываем Польше в арбитраже, – прервал его Литвинов, – а только не желаем заранее связывать себя, что отнюдь не означает, что если у нас будут арбитражные договоры с другими странами, мы обязательно откажем в этом Польше". Патека ответил, что «от этого условия Варшава не откажется и поставит вопрос ультимативно». Руководитель НКВД дал понять, что если такое обязательство со стороны СССР останется в секрете, то оно будет предоставлено Польше в обмен на ее отказ от внесения других поправок²¹⁹.

21 ноября посланник вручил "новый контрпроект, составленный, как он выразился, в духе финской, французской и других конвенций"²²⁰. В тот же день член Коллегии Стомоняков и заведующий 1-м Западным отделом Райвид представили наркому заключение по новому польскому проекту. По большинству статей они считали возможным ограничиться небольшими поправками. Главные возражения были связаны с редакцией двух статей (ст.2 и 4), которая была заимствована из советско-финляндской конвенции от 22 апреля 1932 г. Переговоры с финнами о ее заключении велись в большой спешке, отчасти вызванной желанием отделить государства восточной Балтии от Польши. Полпред Майский, которому было поручено ведение переговоров, предлагал отступить от обычного требования о том, что на заседание комиссии могут приглашаться только эксперты, но никак не свидетели. Заместитель наркома Крестинский от имени Коллегии обратился в Политбюро с компромиссным предложением разрешить вызов свидетелей с согласия обеих сторон. Высшая инстанция (возможно, под влиянием аргументов Стомонякова) указала "не уступать в вопросе о свидетелях", но разрешила добавить, что, "кроме экспертов, в случае согласия обеих сторон, могут быть приглашены и другие лица" ("сообщения которых", пояснялось в директиве Майскому, "будут признаны полезными"). Полпред отклонился от этой директивы и, якобы из-за недостаточного знания французского языка, согласился на термин "déposition" (свидетельское показание) – вместо "information". В результате неопределенные "лица" оказывались именно свидетелями²²¹. Последующие переговоры с Латвией о согласительной конвенции, констатировал Стомоняков, были для советской стороны "очень неприятны и порой мучительны – исключительно из-за финляндской конвенции"; сходные требования поначалу выставила и Эстония. В июне Москве удалось сломить сопротивление Риги и Таллинна, однако прецедент Гельсингфорсской конвенции оставался в силе. Если протестовать против права комиссии допрашивать свидетелей (о чем также упоминалось в польском проекте) НКВД не составляло труда, то относительно замены "показаний" на "сообщения" (в ст. 2) Стомонякову и Райvidу приходилось высказывать лишь пожелание. "Статья четвертая, – отмечалось в их заключении по проекту Патека, – является почти точным воспроизведением текста финляндской конвенции, который, однако, надо признать неудачным. Этот текст дает возможность полякам, если не формально, то фактически превратить Согласительную Комиссию в постоянный институт" (поскольку устанавливает регулярный созыв комиссии).

Записка Литвинову завершалась следующими рекомендациями: "Представленный сегодня Патеком проект настолько отличается от проекта, предложенного им 16 с.м., что не

²¹⁸ Дневник М.М.Литвинова. Прием Патека 17.11.1932. – Там же. Ф.010. Оп.4. П.21. Д.64. Л.342-341. О реакции Литвинова на третью польскую поправку в документе не упоминается (об этом см. ниже).

²¹⁹ Дневник М.М.Литвинова. Прием Патека 19.11.1932. – Там же. Л.344

²²⁰ Дневник М.М.Литвинова. Прием Патека 21.11.1932. – Там же. Л.346; Согласительная Конвенция между Польшей и Союзом ССР (вручено Патеком Литвинову 21.12.1932). – Там же. Л.44-38.

²²¹ О.Н. Кен, А.И. Рупасов. Указ. соч. С.305-308.

подлежит сомнению, что этот новый проект предложен им по своей инициативе и не является результатом варшавских инструкций. Из этого надо сделать вывод, что Патеку даны достаточно широкие полномочия и что он торгуется, стремясь путем всяких запугиваний получить от нас наиболее выгодный для Польши проект. Мы поэтому предполагаем, что при соответствующем нажиме с нашей стороны он пойдет на дальнейшие уступки. Сильным козырем в наших руках является по-прежнему то обстоятельство, что 25 июля Патек сам подписал протокол, в котором зафиксировано, что у Польши нет принципиальных возражений против нашего проекта согласительной конвенции. Можно, в конце концов, предоставить уступку в вопросе об арбитраже в качестве цены за соответствующие уступки Патека в отношении о посредниках, свидетелях, документах и т. п."²²² Эту программу советской стороне удалось реализовать лишь в минимальной степени.

Окончательная договоренность между главой НКВД и посланником Польши включала полное или частичное признание всех четырех польских поправок²²³. Подписанная 23 ноября 1932 г. конвенция о согласительной процедуре между Союзом ССР и Польшей устанавливала участие совместной согласительной комиссии в рассмотрении пограничных конфликтов, но сохраняла неподотчетность ей территориальных вопросов. "Оговорка относительно территориальных вопросов..., – пояснялось в Протоколе № 1, являвшемся приложением к конвенции, – означает, что из согласительной процедуры исключаются все споры, касающиеся либо изменений, либо юридических оснований территориального статута обоих Государств, установленного согласно Рижского Договора от 18 марта 1921 года"²²⁴. Польские пожелания относительно компетенции согласительной комиссии и порядка ее работы нашли отражение в соответствующих статьях, без изъятий повторявших "финляндскую" редакцию. Наконец, одновременно с конвенцией Литвинов и Патек подписали Заключительный протокол, основная часть которого гласила: "В случае, если Союз Советских Социалистических Республик заключит Арбитражную Конвенцию с третьим государством, Правительство Польской республики будет иметь право требовать заключения между ним и Правительством Союза Советских Социалистических Республик специальной Конвенции, основанной на аналогичных началах. То же право принадлежит Правительству Союза Советских Социалистических Республик". Во втором абзаце оговаривалось, что хотя, будучи секретным, этот протокол не подлежит ратификации, его постановления имеют ту же силу, как если бы он был включен в ратификационную грамоту²²⁵. Согласительная конвенция и конфиденциальные приложения к ней ставили Польшу в едва ли не исключительное положение среди других международных партнеров Советского Союза. Пожалуй, ни одному другому государству не удалось получить от него столь широких обязательств о взаимоприемлемом разрешении споров и одновременно закрыть последнюю политико-юридическую возможность подвергнуть сомнению установления Мирного договора. Немногословный Ю.Бек откликнулся на подписание согласительной конвенции специальным интервью представителю ТАСС, чтобы подтвердить ее принципиальное значение для польских интересов и, прибегнув к эвфемизму о "взаимной доброй воле", воздать должное сговорчивости Москвы²²⁶.

Оставалось покончить с формальностями. 25 ноября Совет Народных Комиссаров утвердил договор между СССР и Польшей от 25 июля и конвенцию от 23 ноября 1932 г. и

²²² Записка Б.С. Стомонякова и Н.Я. Райвида М.М. Литвинову, 21.11.1932. – АВП РФ. Ф.010. Оп.4. П.21. Д.64. Л.47-45.

²²³ При прощании 21 ноября Литвинов и Патек условились встретиться на следующий день. Запись беседы 22 ноября в изученных архивных делах отсутствует, но итоговые совместные документы возмещают этот пробел.

²²⁴ Протокол № 1, Москва, [23].11.1932 (заверенная копия, изготовленная перед подписанием протокола Литвиновым и Патеком). – Там же. Ф.05. Оп.11. П.78. Д.85. Л.8. Протокол № 1 заменял обмен секретными нотами, предложенный для урегулирования этого вопроса Стомоняковым и Райвидом. Протокол не имел грифа секретности, но не подлежал опубликованию.

²²⁵ Заключительный протокол ("доверительно"), Москва, 23.11.1932 (заверенная копия). – Там же. Л.9.

²²⁶ J. Beck. Przemówienia, deklaracji, wywiady. Warszawa, 1939. S.41.

представил их для ратификации Центральным Исполнительным Комитетом СССР. "По условиям договоренности с Польским правительством необходимо провести через Президиум ЦИКС ратификацию польского пакта 27-го ноября 1932 г.", – телефонировал Литвинов в Кремль²²⁷. В указанный день ЦИК СССР в Москве и Президент Польши в Варшаве ратифицировали эти двусторонние акты. В полдень 23 декабря министр Бек и посланник Антонов-Овсеенко обменялись ратификационными грамотами. В преддверии поворотного для судеб Европы 1933 года пакт о ненападении между СССР и Польшей вступил в силу.

6. Вместо заключения

Суждение о переменах, которые внесло в советскую внешнюю политику заключение договора о ненападении с Польшей, оценка их глубины и устойчивости и, тем самым, – значения этого акта для истории отношений России с Польшей, зависит от ответа на вопрос: почему советское руководство решило заключить пакт о ненападении с Польшей?

Природа рассматриваемого сюжета побуждает начать поиск такого ответа в пределах "истории трактатов" (*storia di trattati*, как элегантно называют итальянцы историю внешней политики и дипломатии). Стабилизация внешнего положения Советской России, ее участие в международных сношениях направляли иностранную политику в русло осторожного соблюдения старого принципа баланса сил. "Поддержать слабейшего" – так, "по-народнически" формулировал его Чичерин в конце 20-х гг. В широком значении этот постулат не исключал и даже предполагал оказание СССР содействия движениям национальных меньшинств – "подрывной" по своему существу деятельности, однако в целом ориентировал внешнюю политику Москвы на поддержание международного равновесия и получение выгод от участия в мирной эволюции мировой системы. Возрождение империалистической Германии создавало предпосылки для постепенной эволюции внешней политики СССР от противодействия гегемонии версальских государств к поддержке стран, заинтересованных в недопущении германского господства на континенте, и в рамках этой эволюции – к нормализации отношений с Польшей²²⁸. Убедительность такого объяснения ослабляют, с одной стороны, представленные выше документальные сведения о том, как принималось решение о вступлении в переговоры с Польшей и, с другой стороны, общие наблюдения над международной политикой Москвы.

Понятие эволюции предполагает наличие целостного организма или системы, но применительно к советской внешней политике уместно усомниться в существовании подобной целостности. "Выделять "внешнюю политику" из политики вообще... есть в корне неправильная, немарксистская, ненаучная мысль", – объяснял Ленин²²⁹. Применительно к СССР 20-30-х гг. это было верное описание его "иностранной политики". Люди, профессионально занимавшиеся ею – руководители и сотрудники НКВД, дипломаты и аналитики, мыслили в категориях главным образом внешней политики и международной дипломатии. Те же, кто ими повелевал, обычно обсуждали международные дела в духе обывательского зубоскальства или идеологической геополитики²³⁰. Как мы видели на примере переписки Кагановича со Сталиным и подготовки постановлений Политбюро

²²⁷ Постановление СНК СССР № 1747/365с от 25.11.1932. – Государственный архив РФ. Ф.3316. Оп.2. Д.1226. Л.1; Срочная телефонограмма М.М. Литвинова А.С. Енукидзе, 25.11.1932 (17 ч. 20 мин.). – Там же. Л.2.

²²⁸ Подробнее эти тезисы представлены: O. Ken. *Collective Security or Isolation. Soviet Foreign Policy and Poland, 1930-1935*. St.Petersburg, 1996. P.14-23.

²²⁹ В.И. Ленин. ПСС. Т.30. С.93 (цит. по: Э.А. Поздняков. *Внешнеполитическая деятельность и межгосударственные отношения*. М., 1986. С.10).

²³⁰ Некоторые примеры "низкого" и "высокого" стилей приведены в настоящем очерке, другие читатель найдет в сборниках переписки советских вождей. Анализ языка (и мышления) Сталина см. также: Л. Баткин. *Сон разума: О социально-культурных масштабах личности Сталина* // *Знание – сила*. 1989. № 3. С.80-95; № 4. С.69-77; М. Вайскопф. *Писатель Сталин*. М., 2001.

осенью 1931 г., в тех случаях, когда эти документы содержали четкие внешнеполитические инструкции, авторами предлагаемых формулировок неизменно являлись руководители НКВД. Напротив, в тех случаях, когда их предложения отвергались, это делалось на невнятном и лишенном мотивировок бюрократическом жаргоне. Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), инициировав пересмотр советской линии в отношении Польши, без труда дал оценку умственных способностей Карахана, но ничего не сказал о том, как исправить "допущенную ошибку", и тем более о том, какие выгоды предоставляет заключение пакта с Польшей, с какими внешнеполитическими рисками это может быть связано, каким образом они могут быть уменьшены и т. д. Высшее партийно-государственное руководство не подвергло сомнению утверждение Литвинова, что "польско-советские отношения не могут быть обсуждаемы вне рамок всей нашей внешней политики", но не пожелало посвятить этому "специальное заседание Политбюро", как предлагал руководитель НКВД²³¹. Для советских вождей существовали внешнеполитические вопросы в рамках "политики вообще", а не внешняя политика как таковая.

Такое утверждение, возможно, излишне ригористично, поскольку игнорирует индивидуальные различия между членами политического руководства. Несомненно, Сталин и, отчасти, Молотов стремились приобщиться к международной дипломатии (в силу деловой необходимости контролировать "правого" Литвинова? из-за желания овладеть традиционно престижной эзотерикой дипломатического механизма? ради упрочения собственного авторитета?). Некоторые соображения относительно общей направленности внешнеполитических усилий СССР могли появляться и у иных членов правящей группы²³². В связи с директивным посланием Сталина от 31 августа выше было высказано предположение, что его заявление о необходимости "довести до конца" "дело" о пакте с Польшей было связано с раздумьями о необходимости сойти с рельс антиверсальской и прогерманской политики. Намек на этот счет дал и Каганович, отметив, что, по его мнению, "вообще НКВДовцы держатся чересчур предупредительно по отношению к Германии" и "не учитывают, что у нас нет такой обстановки, которая вынуждала бы нас забегать перед Германией"²³³. Но есть ли достаточные основания придавать этим отрывочным высказываниям расширительный характер? Не руководит ли нами естественная человеческая слабость – желание увидеть в обладателях высшей власти носителей высшего знания, поднять их мышление на высоту, соответствующую масштабу их исторической роли, и для этого усмотреть в эпистолах вождей тот общий взгляд на международные процессы и задачи внешней политики, который в действительности им был присущ в самой незначительной мере? Во всяком случае, доступные материалы свидетельствуют об отсутствии у советского руководства отчетливых внешнеполитических идей и концепций, которые могли бы обосновать поворот в отношениях СССР с ее самым сильным соседом на западе²³⁴.

В сталинском послании от 30 августа 1931 г. необходимость заключения договора о ненападении с Польшей объяснялась "коренными интересами революции и социалистического строительства". В первой половине 1931 г. произошли важные сдвиги в понимании Сталиным ближайших перспектив "социалистического строительства". В декабре 1930 г. ЦК ВКП(б), развивая "наступление социализма по всему фронту", утвердил на следующий год самый авантюристический хозяйственный план в истории советской плановой экономики. Предписанное им увеличение промышленного производства в 1931 г. на 45 процентов означало, как разъяснял Сталин в феврале, не только выполнение пятилетки в четыре года ("это дело уже решенное"), но и установку на ее завершение в три года "по основным решающим отраслям промышленности". "Нам осталось немного: изучить технику,

²³¹ Записка М. М. Литвинова Л. М. Кагановичу (копии членам Политбюро), 15.9.1931. Л.254.

²³² Вспоминая 20-е гг., Молотов, впрочем, утверждал, что поступавшие в ЦК "секретные шифровки" по международным делам "никто не читал, кроме меня" (Ф. Чуев. Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999. С.246).

²³³ Письмо Л.М.Кагановича И.В.Сталину, 11.9.[1931]. С.94.

²³⁴ Обсуждение этой темы см. также: О.Н.Кен, А.И.Рупасов. Указ. соч. С.75-78.

овладеть наукой. И когда мы сделаем это, у нас пойдут такие темпы, о которых мы не смеем и мечтать", – заканчивал Сталин свою речь перед работниками социалистической промышленности²³⁵. Уже несколькими месяцами позже, на совещании хозяйственников в июне 1931 г. он был вынужден взять иной тон и посвятить свою речь проблеме невыполнения текущих планов в основных отраслях промышленности. "Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства"; пришлось заговорить о "новых условиях развития нашей промышленности" и даже убеждать хозяйственный актив в том, что "наша производственная программа может и должна быть осуществлена"²³⁶. Другим ограничением, на которое натолкнулось осуществление "генеральной линии" в 1931 г., стала невозможность выполнить план государственной заготовки зерна. В конце августа Сталин санкционировал уменьшение плановых заданий для нескольких областей Сибири и Поволжья, особенно пострадавших от засухи, и двойное сокращение фонда зерна на животноводство²³⁷. Тем временем быстро возрастал дефицит внешнеторгового баланса. Возражая против наращивания экспорта дешевого на мировых рынках зерна, Сталин настаивал на ограничении импорта технологического оборудования и в конце августа, ввиду "валютных затруднений и неприемлемых условий кредита", потребовал "воспретить дачу новых заказов в Америку"²³⁸.

"Генеральная линия" оставалась прежней, но ее осуществление требовало изменения тактики, и в оценке советскими руководителями ближайших перспектив преобразования страны происходила смена акцентов. Главным аргументом для подхлестывания страны оставалась ссылка на внешние обстоятельства и "волчий закон капитализма": "Ты отстал, ты слаб – значит ты неправ, стало быть тебя можно бить и поработать. Ты могуч – значит ты прав, стало быть тебя надо остерегаться. Вот почему нам нельзя больше отставать"²³⁹. В середине июля 1931 г. по инициативе Сталина возглавляемая им Комиссия Оборона Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР дала старт программе постройки к концу 1935 г. 200 подводных лодок и 40-50 эскадренных миноносцев. Вслед за этим, накануне отъезда Сталина на юг, Комиссия Оборона приняла новую танковую программу, предусматривавшую производство к концу 1932 г. 8200 танков сопровождения. То была совершенная фантастика²⁴⁰. Эсхатология собственных планов (хозяйственных и военных) и необходимость все больше считаться с "сопротивлением материала" создавали в высшем руководстве полуосознанное стремление перво-наперво разделаться с этими проблемами, устранив все то, что могло бы затруднить исполнение задач по коренной переделке страны и ее превращению в могущественную державу. Более десяти лет большевистское руководство культивировало представление о Польше как главном, ближайшем вероятном противнике, плацдарме антисоветской интервенции. Военная тревога конца зимы – начала весны 1930 г. актуализировала этот стереотип. Теперь он обернулся иной стороной. Возможное обязательство Польши воздерживаться от проведения агрессивной политики представлялось тем более важным, чем большими были подозрения в отношении ее целей на востоке. Вручение Патеком проекта договора о ненападении на пороге осени 1931 г. оказалось как нельзя более кстати. Руководители советской дипломатии, сравнительно далекие от проблем проведения "генеральной линии" (и более взвешенно оценивавшие положение в Европе с точки зрения ближайших интересов СССР), не увидели и не могли увидеть в польском предложении той необычайной ценности, которую усмотрел в нем озабоченный

²³⁵ И. Сталин. О задачах хозяйственников: Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, 4 февраля 1931 г. // Он же. Сочинения. Т.13. М., 1952. С.42.

²³⁶ Он же. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства: Речь на собрании хозяйственников 26 июня 1931 г. // Там же. С.51-80.

²³⁷ Телеграмма И.В. Сталина Л.М. Кагановичу и П.П. Постышеву, 22.8.1931 // О.В. Хлевнюк и др. (ред.). Указ. соч. С.59.

²³⁸ Телеграмма И.В. Сталина Л.М. Кагановичу, 25.8.1931 // Там же. С.64.

²³⁹ И. Сталин. О задачах хозяйственников. С.42.

²⁴⁰ См.: О.Н. Кен. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930-х гг.). СПб., 2002. Гл. 5, 6.

общеполитическими ("внутренними" по своему существу) задачами Сталин: "Дело это очень важное, почти решающее (на ближайшие 2-3 года), вопрос о мире..."²⁴¹

Наивно было бы утверждать при этом, что рассматриваемые документы не содержат скрытых интенций, однако вовсе необязательно, что они имеют исключительно внешнеполитический смысл. Вернемся к письму Сталина от 30 августа, столь озадачившему Кагановича своими рассуждениями о вреде *антиполонизма*, что он постарался перенести обвинения в мещанской узости за советские пределы. О том, какое содержание мог вкладывать в борьбу с "антиполонизмом" Сталин²⁴², свидетельствуют рассуждения его близких помощников – редактора "Известий" Ивана Гронского и члена редколлегии этой газеты, заведующего Бюро международной информации ЦК ВКП(б) Карла Радека в конце 1932 г. Гронский и Радек убеждали своих польских собеседников, что отношение большевистской верхушки к Польше имеет "особый характер" и Польша не рассматривается как "типичная представительница капиталистической и империалистической системы"²⁴³. Военного атташе Яна Ковалевского более всего поразило всяческое подчеркивание Гронским того, "что линия мирного сожительства с лимитрофами – это линия Сталина и он является ее главным защитником". Конфидент Сталина акцентировал те черты, которые сближали Польшу Пилсудского со сталинской Россией, и преходящий исторический характер того, что их разделяет. Поляки "из ничего сделали государство, крепкое, большое государство". Их чувства к русскому царизму понятны, "хотя царский режим кончился, но русские несут на себе еще его позор. Сталин это прекрасно понимает, и пока он находится у власти эта сторона вопроса в польско-советских отношениях так и будет ставится". "Я долго и старательно изучал психологию Пилсудского, – продолжал Гронский, – и я нашел, что главную чертою его политики является глубокое стремление сохранить полнейшую независимость Польши в ее политической жизни. Как по отношению с своим союзникам – Франции, так и по отношению к нам. <...> И я полностью одобряю его взгляд на польско-советские отношения. Он умный старый (sic)"²⁴⁴. "Обеспечение независимости польской политики и

---

²⁴¹ Вопрос о том, что способствовало заключению советско-польского договора – сила или слабость СССР, стал впоследствии предметом любопытной дискуссии Я. Ковалевского с С. Раевским, К. Радеком и Вандурским (польским писателем-коммунистом). Атташе протестовал против пропагандистских утверждений о том, что готовность Польши подписать пакт с Советами была обусловлена осознанием их военной мощи. Наоборот, утверждал Ковалевский, пока Маршал имел основания опасаться, что на заключении договора скажется растущее советское влияние, он не считал нужным стремиться к этому результату. «Однако уже с конца 1931 г. хозяйственное и внутреннее положение СССР стало так ухудшаться, что Маршал увидел в этом ухудшении ранее недостававшую ему гарантию того, что СССР не в состоянии вести авантюристическую войну с сильным противником и такое положение сохранится на определенное время. С другой стороны, – излагал Ковалевский, – в наших интересах, чтобы ситуация в Советах не слишком ухудшалась, ибо тогда мог бы наступить момент для отчаянного шага, вроде известной угрозы Троцкого о "хлопанье дверью"». Решение о заключении пакта Пилсудский принял "именно потому, что благодаря снижению военного потенциала Советов из-за внутреннего положения появилась достаточно конкретная гарантия того, что Советы будут соблюдать подписанное соглашение". "Самое интересное состоит в том, – докладывал Ковалевский своему шефу, – что с советской стороны я не встретил ни одного слова протеста, и они приняли это заявление без спора. Мало того, они соглашались, говоря, что тем лучше и что правда, что сейчас Советам действительно требуется передышка, и не стыдятся того, что после усилий пятилетки должны заняться наведением порядка" (Raport J. Kowalewskiego do Szefu Oddziału II Sztabu Głównego, 6.12.1932. – ЦХИДК. Ф.308. Оп.12. Д.120. Л.76).

²⁴² Весьма существенно, что в российской традиции понятие "полонизм" выступало не как синоним "польскости" (в противоположность "русскости"), а как политическая концепция польской элиты, обосновывающая ее претензии на руководство польским обществом.

²⁴³ Raport H. Sokolnickiego do MSZ, Moskwa, 21.12.1932. – CAW. 1775/89/538. S.246.

²⁴⁴ Notatka "Rozmowa podpułkownika Kowalewskiego z redaktorem "Izwiestij" Gronskim w dniu 7 listopada 1932 roku na przyjeściu u Kalinina". – ЦХИДК. Ф.308. Оп.12. Д.120. Л.61-62 (рассуждения Гронского переданы латиницей по-русски). Заслуживает внимания эмоциональная и смысловая значимость

государственной мысли от чуждых влияний, представляемое личностью Маршала Пилсудского, является фактором, который, по мнению советских журналистов, – резюмировал их высказывания временный поверенный в делах Польши в СССР Х. Сокольницкий, – в наибольшей мере будет способствовать нормальному развитию хороших соседских отношений между Польшей и Советами"²⁴⁵. "Пока мы, большевики со Сталиным, у власти" – "и это знают поляки и знает Пилсудский" – мы всегда можем сговориться с вами, несмотря на разный социальный строй наших стран и мы можем жить друг около друга, имея нормальные политические и экономические отношения"²⁴⁶.

Эти рассуждения, акцентировавшие совместимость двух систем правления, персональный характер советской и польской политики, несомненно, соотносились с новой фазой эволюции советского режима – утверждением личной диктатуры Сталина. Летом 1932 г. Ковалевский отметил появление в московской среде "отчетливой тенденции к интеллектуальному панибратству", "интеллектуальному заигрыванию с нами" ("Już np. nasza teoŃja elit, nasze formy etatyzmu i t.p. są przychylnie komentowane w rozmowach")²⁴⁷. В конце декабря 1932 г. он констатировал быстрое развитие "культы Маршала" и задумывался над тем, с какой легкостью советские собеседники воздают почести "чужим богам". Предлагая выпить за здоровье Пилсудского, Гронский громко сожалел о том, что лишь недавно его распознал ("rozgryzł"). "Мне (нрзб. – О. К.) писали о его жестокой [brutalnej] политике. Но он верно понял путь для политики. Необходимо бить [walić] общество дышлом по лбу. Так устроен мир и иначе нельзя. Ленин тоже это понимал и применял". В наших глазах, заявлял редактор «Известий», "Гинденбург – ноль в сравнении с Пилсудским" (очевидно, в силу того, что он *этого* как следует не понял). Все это говорилось в присутствии других членов ВКП(б), и атташе был уверен: в ходе "партийной чистки Гронскому и Радеку культ Маршала выйдет боком – это гарантировано". Тем не менее они "не боялись так рискованно говорить, да что там говорить – кричать". В отличие от тогдашнего польского атташе мы достоверно знаем, что Гронскому (через которого нарком Литвинов порой просил Сталина об аудиенции) и Радеку (по инициативе Сталина назначенного в 1932 г. заведующим Бюро международной информации ЦК ВКП(б)) бояться было нечего. Несомненно, они действовали по его прямым указаниям²⁴⁸.

В сталинском дискурсе Польша отождествлялась с Пилсудским²⁴⁹, который воспринимался как "умный старик" – правитель революционного происхождения, чья неброская диктаторская власть обеспечивала успех строительству крепкого государства. Совершенно иным, как показано выше, было восприятие режима Пилсудского в руководящих кругах Наркоминдела. ореол личной диктатуры привлекал Сталина и вызывал отвращение у Литвинова. В глазах Сталина всевластие Пилсудского являлось аргументом в пользу партнерства с управляемым им государством. Для Литвинова Пилсудский оставался воплощением опасной непредсказуемости, провинциальным авантюристом. Не эти ли традиционные воззрения, распространенные в партийной среде и служившие серьезным

слова "старый" ("старик"?). В молодой большевистской культуре "Стариком" любовно называли Ленина.

²⁴⁵ Raport H. Sokolnickiego do MSZ, Moskwa, 21.12.1932.S.247.

²⁴⁶ Notatka "Rozmowa podpułkownika Kowalewskiego z redaktorem "Izwiestij" Gronskim w dniu 7listopada 1932 roku na przyjeciu u Kalinina". Л.62.

²⁴⁷ Raport J. Kowalewskiego do Szefu Oddziału II Sztabu Głównego, 19.7.1932. – Там же. Л.46.

²⁴⁸ Сам Ковалевский был близок к этому выводу: "Эти господа из "Известий", естественно, не являются теми, кто принимает решения о советской политике, но являются исполнителями, которые непосредственно получают директивы и которым часто представляется случай беседовать в Совнаркоме и у Сталина" (List J. Kowalewskiego do T. Pelczyńskiego, Moskwa, 20.12.1932. – Там же. Л.80об.-81об).

²⁴⁹ "...Не забывайте, что Пилсудский – это вся Польша", – говорил Сталин своим приближенным, отдавая распоряжение прекратить выпады против Пилсудского в советской печати (по всей вероятности, в 1930-1931 гг.) (Notatka K. Zaborowskiego "Rozmowa z Radkiem dnia 14.3.1936 г."– САУ.1775/89/1136. S.235).

препятствием на пути Сталина к установлению собственного режима личной власти, имел он в виду, выражая негодование «общественным мнением» и «мещанским поветрием "антиполонизма"» (и не была ли для него "мещанством" сравнительно высокая оценка "буржуазно-демократической" системы)?

Имеющиеся свидетельства о политических симпатиях Сталина к Пилсудскому и созданному им режиму относятся ко второй половине 1932 г. Однако такого рода тяготения не возникают внезапно, а самое эффектное "битие общества по лбу" было проделано Пилсудским много ранее – в 1926-1930 гг.²⁵⁰ Другое дело, что состояние межгосударственных отношений и отсутствие у Сталина собственного агентства по иностранной политике (каковым стало радековское Бюро международной информации) препятствовали открытому выражению этих симпатий в контактах с представителем Пилсудского. Можно предположить, что постепенно складывающиеся расчеты Сталина на переход от коллегиального правления Политбюро к личной диктатуре уже в 1930-1931 гг. воздействовали на его видение Пилсудского и Польши как естественного партнера СССР и явились существенным фактором в его настоящих относительно вступления в переговоры о пакте ненападения²⁵¹. Их успешное завершение в свою очередь создавало благоприятную обстановку для дальнейшей позитивной переоценки авторитаризма.

Каковы бы ни были разнообразные политические импульсы к нормализации отношений СССР с Польшей, остается фактом, что они не привели ни к началу переговоров о договоре ненападения, ни к недвусмысленному советскому решению на этот счет до тех пор, пока французская дипломатия не сделала его заключение условием *sine qua non* договора между СССР и Францией. Реакция НКВД и Политбюро на польское предложение возобновить переговоры о пакте, поведение советской дипломатии в августе-октябре 1931 г. вскрыли слабость тогдашней внешней политики СССР. До середины сентября она, по признанию Литвинова, "танцевала на германской ноге", отвергая предложения Польши. Вслед за этим советской дипломатии пришлось производить "des pas" в обратном направлении ("на французской ноге"). Требования Сталина строить отношения с Польшей исходя из собственных "коренных интересов социалистического строительства" ("танцевать на собственных ногах") оказались исполнимыми лишь отчасти. Вопреки советским заявлениям и после середины октября, когда Москва фактически вступила в переговоры с Варшавой, инициатива оставалась в руках поляков. Советы оказались вынуждены отказаться от своих основных требований, будь то заключение польско-советского договора независимо от переговоров Москвы с другими западными соседними государствами либо содержание обязательств о нейтралитете и неучастии во враждебных комбинациях.

Заключение пакта о ненападении стало второй после Московского протокола 1929 г. крупной внешнеполитической победой Польши. Условия, на которых договор был подписан,

---

²⁵⁰ Дополнительные штрихи к проблеме восприятия в советских кругах действий Пилсудского добавляют воспоминания Евгения Александровича Гнедина. «В конце двадцатых годов, работая в «Известиях», я написал статью по поводу так называемой пацификации в Польше; такое название правительство Пилсудского дало систематическим репрессиям в Западной Белоруссии; это были жестокие мероприятия, в деревнях свирепствовали карательные отряды, тюрьмы были переполнены. Я озаглавил свою статью об этих событиях «Пацификация как метод внутренней политики». С.А. Раевский, заведовавший иностранным отделом редакции, визируя статью, которая ему не очень понравилась, сказал мне: «Я пропускаю статью только ради заголовка. Я тогда не уловил скрытого смысла в словах этого умнейшего и весьма сдержанного человека» (Е. Гнедин. Выход из лабиринта. М., 1994. С.59-60). Таким образом, применительно к началу 30-х гг., вероятно, правильнее было бы говорить не о появлении аналогии между действиями Пилсудского и Сталина, а об изменении ее истолкований.

²⁵¹ Представленные материалы не лишне сопоставить с полным отсутствием надежных прямых свидетельств, подтверждающих почти общепризнанный тезис о том, что заключение советско-германского пакта 1939 г. отчасти обуславливалось симпатиями Сталина к гитлеровскому режиму. Критику этого тезиса (порой чрезмерную и даже доходящую до смешного) см.: О.В. Вишнев. Накануне 22 июня 1941 года: Документальные очерки. М., 2001 (в особенности, с.112-113, 116-117).

и его содержание явились вместе с тем огромным благом для внешней политики Советского Союза. Дело не только и даже не столько в том, что в ходе переговоров советской стороне отчасти удалось наполнить пакт содержанием, приближающим его к гарантийному договору с обязательствами ненападения, нейтралитета и неучастия во враждебных комбинациях²⁵². Главное состояло в сдвиге, который благодаря переговорам с Польшей и другими западными соседними государствами произошел в подходе Москвы к окружающему миру, в ее частичном отказе от великодержавных претензий.

За истекшие после подписания советско-польского пакта семьдесят лет тонны типографской краски в России были израсходованы на то, чтобы показать, сколько бед принесла Польше и ее восточному соседу мегаломания пилсудчиков. Вторая Республика была слишком значительным региональным фактором, чтобы смириться с ролью тогдашнего малого государства, следующего за могущественным покровителем (и слишком слабой, чтобы играть роль великой европейской державы)²⁵³, но вызываемое этим обстоятельством напряжение не мешало польской политике осознавать первостепенную значимость отношений с ближайшими соседями. Иначе обстоит дело с тогдашней советской мегаломанией, выражавшейся в усилиях играть большую мировую роль, наладить и развивать партнерские отношения с великими державами (вначале с Германией и Италией, затем с Францией, США и Англией) – прежде чем были урегулированы отношения СССР с его европейскими соседями. Не будем называть такой подход проявлением агрессивных замыслов – довольно и того, что он сам функционально продуцировал агрессивную политику, поскольку оставлял разрешение вопросов мирного сожительства до времени, когда силы СССР возрастут как за счет внутреннего развития, так и за счет усиления его позиций в отношениях с великими державами, т. е. до того срока, когда Советский Союз перестанет нуждаться в равноправном сосуществовании и партнерстве с соседними государствами и сможет рассчитывать на их вынужденное подчинение. Эта тенденция, характерная для всей советской (и даже постсоветской российской) политики, бесспорно, преобладала на протяжении 20-х гг. Осенью 1931 г. советское руководство на время смирилось с очевидностью: путь из Москвы в Париж лежит через Варшаву²⁵⁴.

Политическое урегулирование отношений с соседними государствами – начатое Московским протоколом 1929 г., продолженное пактами о ненападении с Польшей и балтийскими странами и получившее развитие в Лондонских конвенциях об определении нападающей стороны (1933) – создало условия для обретения советской внешней политикой ее лучших черт. Отказавшись от высокомерного тона в отношении Польши, до некоторой степени выступавшей представительницей других восточноевропейских стран, граничивших со Страной Советов, Москва признала важность сохранения их территориальной целостности и политической независимости. В обстановке растущей международной нестабильности, эрозии Версальского порядка это означало фактический переход СССР на позиции защиты послевоенного статус-кво. Такой исход переговоров с Польшей и последствия, которые он будет иметь для отношений СССР с Германией, предвидел Литвинов и его коллеги в своих возражениях Политбюро в сентябре 1931 г. (в этом отношении они, вероятно, были проницательнее Сталина, который, судя по его высказываниям Э. Людвигу, недооценивал воздействия, которое должен был оказать советско-польский пакт на слабеющие рапалльские

²⁵² При подготовке согласительной конвенции Москва, напротив, старалась минимизировать определяемые ею конкретные обязательства по мирному разрешению споров. Согласие СССР на заключение такой конвенции оказывалось вынужденной премией тем, кто в ходе "пактовой кампании" 1931-1932 гг. принял на себя обязательства ненападения на СССР (так, Литве, которая заключила договор с Советами шестью годами ранее, летом 1932 г. в заключении согласительной конвенции было отказано (см.: О.Н. Кен, А.И. Рупасов. Указ. соч. С.306)).

²⁵³ См., в частности: P.S. Wandycz. Historyczne dilematy polskiej polityki zagranicznej // Idem. Z dziejów dyplomacji. L., 1988. S.45-52.

²⁵⁴ Этот тезис в 1932 г. сформулировал неофициальный орган МИД Польши «Przegląd Polityczny» (см.: М. Лечик. Во франко-польско-русском треугольнике. 1922-1934 // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия: Сборник статей. М., 2001. С. 121).

узы). Тогда резкая смена курса представлялась Наркоминделу едва ли не опасной авантюрой, навязываемой дипломатии некомпетентными партийными вождями.

Однако, приступив к нормализации отношений с Польшей, Москва скоро убедилась в ее своевременности с точки зрения защиты советских интересов. Эпоха Веймарской Германии подходила к концу. Направление немецкой политики определяли тенденции к реваншу за поражение в мировой войне. На протяжении 1932 г., в особенности после прихода к власти правительства Папена (который в неискусной и грубой форме попытался добиться сближения с Францией и тем самым развязать руки для ревизии германских границ на востоке), Германия быстро превращалась из основного партнера России в очевидную угрозу ее жизненным интересам, центральное звено будущей антисоветской коалиции. Нормализация отношений между СССР и Польшей лишь ускорила процесс размывания партнерских отношений между Москвой и Берлином, который определяли сдвиги во внутренней и внешней политике Германии и вызванная ими трансформация всего международного ландшафта. В этом контексте заключение советско-польского договора и его ратификация оказывалась для Москвы чрезвычайно важным успехом. Значение этого акта ("который должен быть поворотным пунктом во взаимоотношениях между СССР и Польшей"), говорилось в публичном заявлении наркома иностранных дел в конце ноября 1932 г., "во много раз возрастает с точки зрения сохранения всеобщего мира, поскольку сторонники нарушения мира и антисоветской интервенции строили свои надежды и планы главным образом на обострении отношений между СССР и его сильнейшим западным соседом – Польшей". Одновременное подписание СССР и Францией договора о ненападении "повышает значение ратификации советско-польского пакта, и наоборот", в условиях, когда именно о создании международной системы безопасности "особенно приходится думать всем государствам"²⁵⁵.

С другой стороны, соглашение с Польшей стало дополнительной гарантией сохранения стабильности на дальневосточных рубежах СССР. Сообщения о маньчжурском инциденте 18 сентября 1931, положившем начало длительному военно-политическому конфликту вблизи восточных границ СССР, не оказали сколько-нибудь заметного воздействия на принятие Москвой решения вступить в переговоры с Польшей²⁵⁶. В последующие месяцы, однако, развитие дальневосточного кризиса стало важным фактором советской международной политики. Вопреки первоначальным рекомендациям Литвинова оказать противодействие японской агрессии, советское руководство подтвердило линию на "строгое невмешательство в конфликты между разными странами"²⁵⁷. Как Япония, так и СССР были заинтересованы в поддержании добрососедских отношений или, по меньшей мере, в сохранении видимости таких отношений перед внешним миром. Мы, писал Сталин Ворошилову в конце ноября 1931 г., "не преминули козырнуть нашими "нормальными" отношениями с Японией перед Польшей". В действительности "дела с Японией сложные, серьезные", и "ввиду событий на Дальнем Востоке" "даже простой факт переговоров с Польшей дает нам немалый плюс"²⁵⁸. Несомненно, эти соображения побуждали советскую

---

²⁵⁵ Интервью М.М. Литвинова корреспонденту "Пти паризьен", 30.12.1932 // ДВП СССР. Т.12. С.644-645, 647.

²⁵⁶ Характерно, в частности, что курировавший отношения с Японией и Китаем Л.М. Карахан не воспользовался ссылкой на появление новой потенциальной угрозы, хотя в поисках аргументов достигал столь отдаленных сюжетов, как возможность влияния О. Чемберлена на политику образованного летом 1931 г. «национального правительства» Д.Р. Макдональда. Соответствующее решение Политбюро от 20 сентября стало лишь этапом кристаллизации нового курса в отношениях с Польшей, складывание которого отразили предшествующие резолюции высшей инстанции. О непосредственной реакции Политбюро и НКВД на вторжение японской армии в Северо-Восточный Китай см.: С.Г. Лузянин. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в.: Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. М., 2000. С.164-165.

²⁵⁷ См., в частности: Письмо Л.М. Кагановича И.В. Сталину, 26.9.1931 // О.В. Хлевнюк и др. (ред.). Указ. соч. С.119-120.

²⁵⁸ Письмо И.В. Сталина К.Е. Ворошилову, 27.11.1931. С.161-163.

сторону к получению гарантий безопасности на западе, и в этом ограниченном смысле были правы современники, отмечавшие влияние дальневосточного кризиса на положительные сдвиги в подходе Москвы к ведению переговоров с Польшей и другими западными соседями²⁵⁹.

Таким образом, Советский Союз оказался с лихвой вознагражден за рискованное решение о переговорах с Польшей, за политические уступки, на которые Москва была вынуждена пойти в ходе этих переговоров, за отказ от дальнейшего взаимодействия с немцами в переустройстве Северо-Восточной Европы. На протяжении следующего, 1933-го года советское руководство проделало дальнейшую эволюцию к участию в системе коллективной безопасности, вплоть до принятия идеи Восточного Локарно. Сколь бы существенны ни были дипломатические перипетии 1933-1939 гг., опыт исследования отношения Москвы к проблеме заключения пакта с Польшей предостерегает против того, чтобы видеть в них главную причину решения Кремля перейти, вслед за Германией и в партнерстве с нею, к политике агрессии в Восточной Европе.

Главные причины трансформации советской внешнеполитической линии, по всей вероятности, коренились не в состоянии отношений СССР с другими государствами, а в недрах "политики вообще". Большевизм воспитывался на ожиданиях войн и революций, утвердился у власти благодаря им и был готов к новому мировому кризису, который должен был радикально изменить международную функцию Советского государства, возвратив его к революционному нигилизму. В начале 1922 г., когда Ленину показалось – "у "них" все летит. Крах полный (Индия и т. д.)", он отчеканил формулу внешнеполитического поведения в такой ситуации: "Нам надо не ч а я н н о падающего подтолкнуть не нашими руками"²⁶⁰. Установки "поддерживать слабейшего" и "падающего подтолкнуть" были ни логически, ни идейно несовместимы. Напрасно искать в одной из них возможности внутренней трансформации в другую или иерархической соподчиненности либо рассматривать их как проявление внутренней гетерогенности режима (по аналогии, например, с внешнеполитическими установками национал-социалистской Германии, в которых действительно отражался "поликратический" характер гитлеризма). Обе рассматриваемые установки коренились в идейных основах большевизма. Применение каждой из них в зависимости от ситуации могло принести выгоду или вред государственным интересам СССР. Уместно прибегнуть к современной метафоре: каждый из этих "принципов" был своего рода регистром для работы либо с латинским текстом внешних сношений, либо с

²⁵⁹ См., в частности, мнение А. Залеского, высказанное им своему британскому коллеге во время визита в Англию: J. Simon to W. Erskine, 10.12.1931. – PRO. FO/371/15586/N7936. В контексте многочисленных тогдашних спекуляций об отношении Польши к японской агрессии и о значении дальневосточных событий для польско-советских отношений интерес представляют высказывания военного атташе Польши в Москве весной 1932 г. В беседе с заведующим 1-м Западным отделом НКВД Я. Ковалевский "с неожиданной откровенностью" заявил: "Япония вас угробила на Дальнем Востоке в том смысле, что связала вам руки и приковала ваше внимание к Дальнему Востоку. Это имеет для нас огромное значение, ибо освобождает нас от угрозы на нашей восточной границе и развязывает нам руки для нашей западной политики, например, по отношению к Германии. Раз вы беспокоитесь, мы спокойны. Поэтому наши симпатии на стороне Японии. С другой стороны, самый метод действия Японии – захват чужой территории на основании тех или иных территориальных, исторических и этнографических инспираций создает для Польши чрезвычайно опасный прецедент, хотя бы для польско-германских отношений, и с этой точки зрения симпатии Японии не могут быть на стороне Японии" (Дневник Н.Я. Райвида, 27.4.1932. – АВП РФ. Ф.0122. Оп.16. П.160. Д.10. Л.134-135 (запись от 25 апреля)). Этот анализ был, вероятно, близок взглядам, складывавшимся на этот счет в НКВД: Ковалевский, отмечал Райвид вскоре после упомянутой беседы с ним, "самый умный человек в здешней Миссии" (Письмо Н.Я. Райвида Б.Д. Подольскому, 17.5.1932. – Там же. Д.13. Л.20).

²⁶⁰ Письмо В.И. Ленина Г.В. Чичерину, 10.2.1922 // В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922 гг. М., 1999. С.504. Неизвестно, создал ли Ленин, что цитирует Фридриха Ницше. Но он безусловно понимал: "Конечно, писать этого нельзя да же в с е к р е т н ы х б у м а г а х", и намеревался в последующем сжечь эту записку (Там же). Мы никогда не узнаем, сколько подобных записок было действительно предано огню.

кириллицей поведения СССР при наступлении краха международной системы. Отдельные символы обоих регистров совпадали, но такое совпадение носило случайный, механический характер. Пакт о ненападении с Польшей 1932 г. был набран в первом регистре – регистре сохранения устойчивости международной системы, пакт "о ненападении" с Германией 1939 г. – в регистре краха международного и социального порядка.

Решение о переходе от одного регистра к другому, от одной установки к другой и в начале 20-х, и в конце 30-х гг. принималось не без влияния обстоятельств международно-политического или узкодипломатического характера. Главное состояло в том, что они являлись лишь частью множественных факторов, интегрированных в тотальную целостность советской "политики вообще". Она развивалась своими путями, не обращая внимания на предрассудки вроде территориальной целостности и политической независимости других государств. *Storia di trattati* оказывается невозможной без биографии советского Левиафана.